

Журнал основан
в июне 1974 года

Содержание

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 МАСЛОВСКИЙ М.В. Современный цивилизационный анализ в исторической социологии: проблемы и перспективы
- 13 ВОЛКОВ Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 24 Россия: из прошлого в будущее (круглый стол по книге Б.Н. Миронова)
- 40 МИРОНОВ Б.Н. Священные факты, мнения свободны
- 47 РОМАНОВСКИЙ Н.В. О смыслах обсуждения книги Б.Н. Миронова

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 52 БУРКО В.А., ВАССЕРМАН Ю.М. Модернизационный синдром и доверие: взаимосвязь в аспекте межпоколенных особенностей
- 64 ШАРОВИЧ Р., ЧЕРАНИЧ Г., ЖИВКОВИЧ П., КРИВОКАПИЧ Н. Доверие к социальным институтам как индикатор общественно-политических изменений в Черногории

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

- 74 БАЛАЦЮК Е.С., ГЛАДЧЕНКО Е.А. Профессиональная идентичность учителей крафта в сфере неформального образования Санкт-Петербурга
- 83 МАНСУРОВ В.А., СЕМЕНОВА А.В. Образ современного российского инженера: опыт контент-анализа научных публикаций

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 90 БАЛЬЧИНДОРЖИЕВА О.Б., ЗОЛХОЕВА М.В. Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности)
- 98 МАТЛИН М.Г. Мемориализация мест гибели людей в ДТП в фокусе общественного мнения
-

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

- 107 ДАНИЛОВ А.Н., ШКУРОВА Е.В. Особенности и этапы трансформации религиозности в Республике Беларусь
- 120 СИТНИКОВ А.В., РОМАНОВ М.В., ФАСХУДИНОВ Р.Р. Национальная и религиозная идентичности: опыт анализа взаимосвязи (на примере Республики Татарстан)

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 135 МАРТЪЯНОВ В.С. COVID-19 и контуры «новой нормальности» постмодерных обществ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 147 СКВОРЦОВ Н.Г., АСОЧАКОВ Ю.В. Социолог: образование и профессиональные траектории
- 150 РЯЗАНЦЕВ С.В., ХРАМОВА М.Н. Новая миграционная реальность в эпоху COVID-19
- 153 ГРУДИНА Т.Н. Социально-демографическая динамика населения и устойчивое развитие
- 156 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: Сутерс Дж. Социология и военные исследования. Классические и современные основания / Пер. с англ. В.В. Белоусовой. М.: ВЦИОМ, 2021. **Рец. А.Ф. Федоров;** Šubr J. The Sociology of Time: A Critical Overview. Cham: Palgrave Macmillan / Springer, 2021. **Рец. И. Шульц**)

- 164 **КОРОТКО О КНИГАХ**

- 166 **ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД**

- 175 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2022 г.

М.В. МАСЛОВСКИЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

МАСЛОВСКИЙ Михаил Валентинович – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (m.maslovskiy@socinst.ru).

Аннотация. Современный цивилизационный анализ представляет собой динамично развивающееся направление мировой исторической социологии. Вместе с тем данное направление сталкивается с рядом препятствий, обусловленных его внутренними концептуальными проблемами, сохранением дисциплинарных границ между социологией и историей и идеологическим использованием понятия цивилизации. Идеологизация цивилизационного подхода оказала негативное влияние в том числе и на его рецепцию российскими социологами. Однако в последние годы возрастает интерес отечественных исследователей к современному цивилизационному анализу, представленному трудами Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона. Но следует учитывать, что их подходы в целом остаются на уровне общей теории. В качестве примера теории среднего уровня в статье выделяется исследовательская программа «цивилизационной политики» в сфере международных отношений, которая характеризуется как дополняющая цивилизационный анализ в исторической социологии.

Ключевые слова: историческая социология • междисциплинарный подход • цивилизационный анализ • идеология • международные отношения • цивилизационная политика

DOI: 10.31857/S013216250018034-0

В числе ведущих направлений глобально ориентированной исторической социологии современные исследователи выделяют мир-системный анализ И. Валлерстайна и концепцию источников социальной власти М. Манна [Smith, 2014], а также цивилизационный анализ Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона [Шпон, 2014]. Теоретический фундамент социологического цивилизационного анализа был заложен в 1970-е гг., а полностью сформировалось это направление в первой половине 2000-х гг., когда публиковались ключевые труды его ведущих теоретиков [Eisenstadt, 2003; Arnason, 2003]. В целом данный подход продолжает и развивает веберовскую традицию в изучении модернизационных процессов. Но акцент при этом делается не столько на влиянии хозяйственной этики мировых религий на развитие капитализма, сколько на цивилизационных основаниях различных траекторий политической модернизации [Spohn, 2010]. В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается цивилизационный анализ, препятствия для рецепции данного подхода в российской социологии и перспективы его дальнейшего развития.

Препятствия для развития социологического цивилизационного анализа. Во введении к русскоязычному изданию своих избранных статей один из ведущих теоретиков

современной исторической социологии Й. Арнасон указывает на существующие в настоящее время препятствия для развития социологического цивилизационного подхода [Арнасон, 2021: 8–15]. В их числе он выделяет, во-первых, ряд внутренних концептуальных проблем; во-вторых, трудности с преодолением дисциплинарных границ между социологией и историей; в-третьих, идеологизированное использование понятия цивилизации.

С точки зрения Арнасона, нерешенные концептуальные проблемы, которые являются внутренними для цивилизационного анализа, отчасти обусловлены взаимной изоляцией отдельных аспектов данного подхода. Это наглядно видно на примере концепций двух его ведущих теоретиков в социологии XX века Н. Элиаса и Ш. Эйзенштадта, предлагавших различные трактовки понятия цивилизации. Элиас использовал данное понятие в единственном числе, сосредоточив внимание на исторических процессах в странах Западной Европы, тогда как Эйзенштадт осуществил сравнительный анализ множества цивилизаций, сложившихся в эпоху осевого времени. Тем не менее, как полагает Арнасон, внутренние проблемы цивилизационного анализа могут быть преодолены, а подходы Элиаса и Эйзенштадта во многом дополняют друг друга.

Второе препятствие для развития цивилизационного анализа связано с существующим разделением труда в науке. В частности, сталкиваются с определенными сложностями попытки достижения более тесного сотрудничества историков и социологов. О различиях в подходах представителей этих двух дисциплин свидетельствует, например, тот факт, что в новейшей работе, посвященной рассмотрению понятия цивилизации с позиций интеллектуальной истории [Велижев, 2019], характеризуется социологическая концепция Н. Элиаса, а также вклад Э. Дюркгейма и М. Мосса, но не идейное наследие М. Вебера. С точки зрения истории понятий это представляется вполне очевидным, коль скоро в веберовских трудах сам термин «цивилизация» практически не встречается. Однако веберовские «культурные миры» могут рассматриваться как аналогичные понятию цивилизации [Арнасон, 2021: 9], и для сегодняшней исторической социологии именно Вебер выступает крупнейшим теоретиком цивилизационного анализа [Arnason, 2019; Kalberg, 2021].

В работах зарубежных историков можно встретить вполне благожелательное восприятие цивилизационного подхода [Фергюсон, 2014]. Вместе с тем представители популярного сегодня на Западе направления «глобальной истории», как правило, довольно скептически настроены в отношении социологического цивилизационного анализа. Как утверждает немецкий историк С. Конрад, Эйзенштадт и его последователи трактуют каждую цивилизацию как «самодостаточную единицу», развитие которой «полагается эндогенным и зависимым только от ее отличительных культурных особенностей» [Конрад, 2018: 86]. Более того, по мнению Конрада, «постулируя цивилизацию в качестве дискретной единицы анализа, определяемой автономными процессами культурного развития, данная теория игнорирует долгую историю взаимодействий исследуемой цивилизации» [там же: 87].

Однако подобная интерпретация, очевидно, является односторонней, поскольку она лишь отчасти применима к подходу Эйзенштадта и полностью игнорирует вклад «реляционной» версии современного цивилизационного анализа [Smith, 2017], представленной в работах Арнасона. Как демонстрирует В. Шпон, Эйзенштадт рассматривал «цивилизационные комплексы», которые характеризовались также и «межцивилизационными и транскивилизационными взаимосвязями и взаимодействиями» [Spohn, 2011: 286]. Хотя сравнительный анализ процессов межцивилизационного взаимодействия не находился в центре внимания Эйзенштадта, такие процессы подробно изучались другими представителями исторической социологии. Если Б. Нельсон обратился к цивилизационной проблематике независимо от Эйзенштадта, то Арнасон учитывал теоретический вклад обоих этих ученых. При этом социологический цивилизационный анализ совместим с различными направлениями исторических исследований: от локальной до глобальной истории [Российское общество..., 2021: 56–74].

Третье препятствие для развития современного цивилизационного анализа связано с идеологическим использованием понятия цивилизации. В целом сложилось два во многом противоположных подхода к такому использованию данного понятия. С позиций концепции С. Хантингтона цивилизации рассматриваются в качестве практически неизменных структур с четко определенными границами, вдоль которых могут разворачиваться конфликты. С точки зрения постколониальной теории цивилизации расцениваются как преимущественно дискурсивные конструкты. Но и в том и в другом случае цивилизационный подход оказывается в значительной степени идеологизированным.

Что касается концепции столкновения цивилизаций, заслуживает внимания ее общая оценка, предложенная Арнасоном. С одной стороны, как полагает этот социолог, данную концепцию отличает преувеличенное представление о коллективной идентичности как неизменной и центральной особенности цивилизаций и о ее непосредственном переводе в политические стратегии. Однако следует учитывать, что «в сегодняшнем мире нет целостных цивилизаций того типа, о котором говорят те, кто предсказывает столкновение между ними» [Арнасон, 2021: 83]. С другой стороны, Хантингтон наделил западную цивилизацию «привилегированной миссией» защиты прав человека. «Такая комбинация, очевидно, была готова для идеологического использования» [там же: 16].

В отечественной научной литературе и в еще большей степени в политической публицистике также обсуждалась концепция столкновения цивилизаций, восприятие которой во многом определялось идеологическими установками обращавшихся к ней авторов. Если сторонники либеральных идей, как правило, негативно оценивали тезис о столкновении цивилизаций, то представители «государственных» идеологических течений соглашались с указанным тезисом, но чаще стремились обосновать «евразийский», а не православный характер российской цивилизации [Tsygankov, 2003: 63–65]. Следует подчеркнуть, что в конечном итоге идеологизированные дискуссии вокруг тезиса Хантингтона послужили препятствием для рецепции цивилизационного подхода отечественными социологами, которые в основном воздерживались от участия в этих дискуссиях.

Сторонники постколониального подхода утверждают, что понятие цивилизации отражает наследие колониализма и призвано легитимировать превосходство Запада над незападными обществами, а нередко и полностью отвергают данное понятие как «расистское». Тем не менее, замечает Арнасон, «идеологическое использование теоретических понятий не является причиной отказа от них. Что стало бы с понятиями нации и класса, если бы мы следовали рекомендациям тех, кто хочет изгнать “цивилизацию” из словаря гуманитарных наук?» [Арнасон, 2021: 15]. Кроме того, такие авторы, как А. Тойнби, Б. Нельсон и Ш. Эйзенштадт, внесшие значительный вклад в разработку теорий цивилизации, отнюдь не использовали эти теории для оправдания западного доминирования.

Не отказываясь от «взвешенной» критики европоцентризма, Арнасон не принимает характерное для постколониальной теории «приращение всего европейского». Он подчеркивает, что европейцы «стали первопроходцами великой трансформации, но они никогда ее полностью не контролировали; они были особенно подвержены влиянию ее непредвиденных последствий (таких как, прежде всего, глобальные конфликты XX столетия), и они не могут рассчитывать понять ее без отсылки к опыту, традициям и интерпретативным попыткам других цивилизаций» [там же: 81–82]. Однако такая оценка является сегодня скорее исключением в литературе, посвященной взаимоотношениям Запада с незападными обществами, где явно преобладает точка зрения сторонников идей постколониализма. Следует отметить также, что крайности постколониальной теории не получили распространения в российской социальной науке, но в ней представлены собственные трактовки понятия цивилизации, которые в ряде случаев также оказываются идеологически мотивированными.

Цивилизационные подходы в постсоветской России. В первое постсоветское десятилетие доверие отечественных социологов к цивилизационной теории во многом подрывалось ее широким использованием в рамках культурологии, которая стремилась заменить марксистскую схему последовательной смены общественно-экономических

формаций столь же упрощенной схемой расцвета и упадка замкнутых, самодостаточных цивилизаций. «Новая тенденция приобрела неимоверный размах: всякий, кто хотел бы заниматься историей цивилизационного подхода в позднем СССР и постсоветской России, придет в ужас от обилия статей, сборников и монографий, безжалостно эксплуатирующих изучаемый нами термин» [Велижев, 2019: 139]. Многочисленные ссылки в подобной литературе на Н.Я. Данилевского, евразийцев, О. Шпенглера, А. Тойнби сопровождались игнорированием уже сложившихся социологических цивилизационных теорий, в особенности идей Н. Элиаса и Ш. Эйзенштадта. Кроме того, цивилизационные подходы нередко ассоциировались с такими идеологическими течениями, как неоевразийство, предлагавшими в том числе и «особую социологию для особой страны» [Kurakin, 2017: 400].

Цивилизационные подходы в российской научной литературе характеризовались рядом зарубежных исследователей [Scherrer, 2013; Turoma, Mjør, 2020], причем рассматривался и вопрос об их возможном влиянии на государственную политику [Katzenstein, Weygandt, 2017]. Основное внимание в данном случае уделялось идеологическим аспектам использования понятия цивилизации. Следует отметить, что в публикациях зарубежных исследователей нередко присутствует тенденция делать акцент на маргинальных в российском научном сообществе, но экзотических для западной аудитории идейных течениях. В частности, это относится к ранее упомянутому неоевразийству. Однако попытки представить данное направление в качестве наиболее аутентичного выражения русской мысли не выдерживают критики. Характерно, что ведущие западные исследователи все чаще указывают на явно избыточное внимание своих коллег к подобного рода идейным построениям [Laruelle, 2019: 95]. Тем не менее при обсуждении российских цивилизационных подходов западные авторы, как правило, выделяют работы философов и культурологов, но не социологов, обращавшихся к понятию цивилизации.

В отечественной социологии значение цивилизационной теории для исследований социальных трансформаций в российском обществе подчеркивал, в частности, О.И. Шкаратан. В его работах рассматривается проблематика «этакратизма» как особого социального строя и прослеживается зависимость от колеи предшествующего развития, проявившаяся в разные периоды российской истории [Шкаратан, 2007; 2010]. По мнению Шкаратана, многообразие траекторий социальной динамики в конечном итоге сводится к различию между двумя типами цивилизации: европейским и азиатским. Если для европейского типа характерно существование частной собственности, баланса интересов между гражданским обществом и государством и приоритета индивидуалистических ценностей, то азиатский тип отличает преобладание государственной собственности, всемогущество институтов государственной власти при фактическом отсутствии гражданского общества, а также преобладание общинных ценностей [Шкаратан, 2010: 26].

В целом, как указывал Шкаратан, в современном мире различные типы социальной и политической организации во многом зависят от цивилизационного фактора. С таких позиций он сравнивал Россию с посткоммунистическими странами Восточной Европы. С его точки зрения, Россия образовывала ядро системы «этакратизма», тогда как западная периферия советского блока отчасти сохраняла европейские институты и ценности и в коммунистический период [там же: 31]. В обоих случаях цивилизационное наследие сыграло значимую роль в ходе посткоммунистических трансформаций. Если страны Восточной Европы в основном смогли преодолеть наследие этакратизма, то в России этот социальный строй был трансформирован лишь частично, причем не произошло решительного поворота к частной собственности, гражданскому обществу и демократическим политическим институтам.

Однако следует отметить, что Шкаратан, рассматривая российский случай, делал акцент на слиянии власти и собственности. Осуществленный им анализ относится, прежде всего, к экономике и политике и в меньшей степени ориентирован на сферу культуры. Вместе с тем некоторые положения предложенного им подхода были подвергнуты критике. В частности, указывалось, что данный подход, соединяющий институциональный

анализ с цивилизационной теорией, нацелен на поиск наследия «реликтовых следов» прежних исторических периодов в радикально изменившемся социально-экономическом, политическом и культурном контексте современного российского общества [Козловский, Браславский, 2020]. При этом используемые в работах Шкаратана исторические аналогии не объясняют, каким образом этакратические структуры могли сохраняться в течение столетий в разнообразных социальных условиях. Отмечалось также, что наследие советских экономических структур в большей степени повлияло на ход российских трансформаций, чем более древние формы исторического наследия, связанные с сословной социальной структурой [Ильин, 2017: 42].

Как демонстрируют В.В. Козловский и Р.Г. Браславский, формирование неозакратической модели Шкаратана следует рассматривать в социально-политическом контексте российских реформ 1990-х гг. и их ближайших последствий, а также с учетом неудавшейся попытки этого социолога повлиять на ход данных реформ. С такой точки зрения труды Шкаратана могут быть истолкованы как продолжение полемики «с политическими оппонентами, их критика и самооправдание» [Козловский, Браславский, 2020: 5836]. В то же время не вызывает сомнений стремление этого ученого раскрыть реальные основания социальных процессов, происходивших в российском обществе. При всех критических замечаниях в адрес предложенной им концепции она остается примером своеобразного социологического подхода, использующего элементы цивилизационного анализа.

Одной из тенденций развития российской социологии последних двух десятилетий выступает ее возрастающая интернационализация. Отмечалось, что в сфере социологии культуры отечественные ученые использовали две стратегии интеграции в мировую науку [Kurakin, 2017]. С одной стороны, некоторые исследовательские центры принимали участие в масштабных эмпирически ориентированных проектах, как всемирный обзор ценностей (World Values Survey). С другой – применялась стратегия «популяризации западных теорий культуры в российской науке» [Kurakin, 2017: 409]. Одним из примеров второй из указанных тенденций стало формирование вокруг сектора истории российской социологии Социологического института РАН сети исследователей, в центре внимания которых находятся идеи представителей современного цивилизационного анализа.

Интерес к цивилизационному анализу как направлению исторической социологии возрастает в работах отечественных ученых с начала 2010-х гг. В новейших публикациях на эту тему рассматриваются идеи ведущих представителей данного направления и более широкая проблематика цивилизационного структурирования обществ [Maslovskiy, 2019; Браславский, Козловский, 2021; Российское общество..., 2021]. Важным событием стала публикация переведенного на русский язык сборника статей Й. Арнасона, посвященных цивилизационной теории и исследованию советской модели модерна [Арнасон, 2021; Карасев, 2021].

Современный цивилизационный анализ и исследовательская программа «цивилизационной политики». В настоящее время существует ряд теоретических и методологических вызовов, на которые должен ответить социологический цивилизационный анализ. Прежде всего, возникает вопрос о том, в какой степени данное направление, ориентированное на прошлые исторические эпохи, применимо для изучения социальных процессов, происходящих в современных обществах. Вместе с тем следует учитывать, что исследования процессов межкультурного взаимодействия с позиций этого подхода недостаточно акцентируют внимание на акторах такого взаимодействия. Но наиболее острая проблема, с которой сталкивается цивилизационный анализ, связана с тем, что данное направление в целом остается на уровне общей теории и испытывает определенные сложности с разработкой теорий среднего уровня, в большей степени допускающих эмпирическую проверку.

В зарубежной социологии предпринимались попытки дать ответ по крайней мере на некоторые из указанных вызовов. В частности, В. Шпон рассмотрел значение теоретических положений цивилизационного анализа для политической социологии [Spohn, 2010]. Дж. Деланти использовал идеи теоретиков цивилизационного анализа для изучения как

исторической динамики европейского модерна [Delanty, 2013; Масловская, Масловский, 2017], так и современных социокультурных процессов [Delanty, 2011]. Однако предложенный Деланти подход к исследованию межкультурного взаимодействия в целом уже не нуждается в понятии цивилизации. В. Кнебль обсуждал перспективы преодоления недостатков методологии цивилизационного анализа Ш. Эйзенштадта путем обращения к идеям представителей неоинституционального направления в исторической социологии [Knöbl, 2010: 88–91]. Но возможность какого-либо соединения столь различных по своим теоретическим основаниям подходов представляется довольно проблематичной. В то же время плодотворной может оказаться «интерпретативная полемика» между цивилизационным анализом и другими современными теоретическими подходами, в том числе теорией структуризации как основой изучения модернизационных процессов в российском обществе [Kivinen, Maslovskiy, 2021; Черныш, 2021].

Пример достаточно успешной разработки теории среднего уровня дают исследования международных отношений, где в последние годы наблюдается отказ от упрощенных и односторонних подходов, как модель «столкновения цивилизаций». На смену теоретизированию в духе С. Хантингтона приходят более эмпирически обоснованные исследования. В частности, американский политолог П. Катценштейн выдвигает новое направление в изучении «множественных и плюралистичных» цивилизаций, взаимодействующих на мировой арене. Характерно, что он подчеркивает значение для своего анализа идей таких представителей исторической социологии, как Ш. Эйзенштадт, Р. Коллинз и Н. Элиас [Katzenstein, 2010: 14–22]. Однако Катценштейн не учитывает в полной мере внутренние концептуальные проблемы социологического цивилизационного анализа, проявляющиеся, например, в различиях подходов Элиаса и Эйзенштадта [Арнасон, 2021: 9–12]. Американский исследователь ссылается и на работы Й. Арнасона, но не выделяет его концепцию межкультурного взаимодействия в качестве одного из источников собственного подхода. Тем не менее данная концепция представляется перспективной для анализа взаимоотношений между акторами международной политики, претендующими на определенную цивилизационную идентичность.

Исследовательскую программу «цивилизационной политики» в международных отношениях сформулировал итальянский политолог Г. Беттица. С его точки зрения, в современном мире многие акторы ведут себя таким образом, как если бы цивилизации действительно существовали и взаимоотношения между ними были значимы в мировой политике. Тем самым цивилизации выступают как разновидность «воображаемых сообществ». Как указывает Беттица, цивилизационные дискурсы структурируют социальные действия и воплощаются в устойчивых практиках и организационных структурах. Кроме того, выступающие от имени определенной цивилизации акторы могут получить признание в качестве таковых, тем самым приобретая легитимность [Bettiza, 2014: 18–19]. Однако необходимо учитывать, что программа цивилизационной политики, которая ориентируется на конструктивистскую методологию, в меньшей степени применима для анализа исторического наследия ранее существовавших цивилизаций, чем современный цивилизационный анализ в исторической социологии.

Концепция цивилизационной политики, по-видимому, может быть использована и для анализа внутриполитических процессов. Данный подход выделяет различных политических акторов и раскрывает причины, по которым они воспринимают какие-либо процессы в цивилизационных терминах. Следует отметить, что зарубежными исследователями характеризовались, в частности, изменения в цивилизационной риторике российской политической элиты [Linde, 2016]. В то же время в последние годы больше внимания стало уделяться тому, какой отклик цивилизационный дискурс находит у широких слоев населения. Исследование данной проблемы осуществили на основе вторичного анализа данных опросов общественного мнения М. Ларюэль и Г. Хейл [Laruelle, Hale, 2020], хотя сделанные ими выводы представляются чрезмерно широкими в силу ограниченности имевшегося в их распоряжении эмпирического материала. Более продуктивным в данном случае,

по-видимому, является использование качественных методов [Blackburn, 2021]. Тем не менее теоретические модели социологического цивилизационного анализа в основном оставались вне сферы внимания исследователей. Можно предположить, что для всестороннего изучения различных аспектов цивилизационной политики в современной России требуется обращение не только к соответствующей исследовательской программе, сформированной в сфере международных отношений, но и к теоретическому арсеналу современной исторической социологии.

Заключение. Развитие современного цивилизационного анализа в исторической социологии продолжает сталкиваться с определенными препятствиями и должно отвечать на теоретические и методологические вызовы. Прежде всего, требуется преодолеть нерешенные внутренние проблемы данного направления и наладить более плодотворный диалог с исторической наукой. Кроме того, проявляются проблемы, обусловленные распространением идеологизированных подходов к понятию цивилизации. Следует учитывать также, что современный цивилизационный анализ в основном не обращается к изучению современных обществ и недостаточно акцентирует внимание на акторах междоцивилизационного взаимодействия. Исследовательская программа цивилизационной политики, по-видимому, позволяет преодолеть указанные ограничения. Концепция цивилизационной политики применима для изучения как международных отношений, так и внутренней политики стран, претендующих на явно выраженную цивилизационную идентичность. В конечном итоге представляется необходимым более тесное взаимодействие новых подходов к цивилизационной проблематике, сложившихся в исторической социологии и исследованиях международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнонсон И. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Браславский Р.Г., Козловский В.В. Цивилизационное измерение структурирования обществ // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 148–175.
- Велижев М.Б. Цивилизация, или Война миров. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
- Ильин В.И. Структура исторической колей России: проблемы методологии // Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 30–50.
- Карасев Д.Ю. Реляционно-цивилизационный подход И. Арнонсона и глобальное измерение советского модерна // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 151–156.
- Козловский В.В., Браславский Р.Г. Русский цивилизационный транзит: культурсоциологический анализ неозападничества О.И. Шкаратана // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 5832–5839.
- Конрад С. Что такое глобальная история? М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Масловская Е.В., Масловский М.В. Концептуализация европейского модерна в социологии Джерарда Деланти // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 395–408.
- Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Отв. ред. В.В. Козловский. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Фергюсон Н. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ, 2014.
- Черныш М.Ф. И снова модернизация: в поисках концептуальной схемы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 3–13.
- Шкаратан О.И. К сравнительному анализу влияния цивилизационных различий на социальные процессы в посткоммунистическом мире // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 15–25.
- Шкаратан О.И. Системы цивилизации и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. 2010. Т. 19. № 3. С. 23–45.
- Шпон В. Историческая и сравнительная социология в глобальном мире // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 2. С. 55–69.
- Arnason J. Civilizations in Dispute: Theoretical Questions and Historical Traditions. Leiden: Brill, 2003.
- Arnason J. From Occidental Rationalism to Multiple Modernities // The Oxford Handbook of Max Weber / Ed. by E. Hanke, L. Scaff, S. Whimster. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 499–518.

- Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a "Civilizational Politics" Line of Research // *International Studies Review*. 2014. No. 16 (1). P. 1–28.
- Blackburn M. Mainstream Russian Nationalism and the "State-Civilization" Identity: Perspectives from Below // *Nationalities Papers*. 2021. No. 49 (1). P. 89–107.
- Delanty G. Cultural Diversity, Democracy and the Prospects for Cosmopolitanism: A Theory of Cultural Encounters // *British Journal of Sociology*. 2011. No. 62 (4). P. 633–656.
- Delanty G. *Formations of European Modernity: A Historical and Political Sociology of Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
- Eisenstadt S. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Vol. 1–2. Leiden: Brill, 2003.
- Kalberg S. *Max Weber's Sociology of Civilizations: A Reconstruction*. Abingdon: Routledge, 2021.
- Katzenstein P. A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions and Practices // *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives* / Ed. by P. Katzenstein. N.Y.: Routledge, 2010. P. 1–40.
- Katzenstein P., Weygandt N. Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits Its Foreign Policies // *Perspectives on Politics*. 2017. No. 15 (2). P. 428–442.
- Kivinen M., Maslovskiy M. Russian Modernization: A New Paradigm // *Russian Modernization: A New Paradigm* / Ed. by M. Kivinen, B. Humphreys. Abingdon: Routledge, 2021. P. 1–29.
- Knöbl W. Path Dependency and Civilizational Analysis: Methodological Challenges and Theoretical Tasks // *European Journal of Social Theory*. 2010. No. 13 (1). P. 83–97.
- Kurakin D. The Sociology of Culture in the Soviet Union and Russia: The Missed Turn // *Cultural Sociology*. 2017. No. 11 (4). P. 394–415.
- Laruelle M. Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines and Political Battlefields. Abingdon: Routledge, 2019.
- Laruelle M., Hale H. Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda // *Nationalities Papers*. 2020. No. 48 (3). P. 585–602.
- Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness // *Russian Review*. 2016. No. 75 (4). P. 604–625.
- Maslovskiy M. Russia against Europe: A Clash of Interpretations of Modernity? // *European Journal of Social Theory*. 2019. No. 22 (4). P. 533–547.
- Scherrer J. The "Cultural/Civilizational Turn" in Post-Soviet Identity Building // *Power and Legitimacy: Challenges from Russia* / Ed. by P.-A. Bodin, S. Hedlund, E. Namli. London: Routledge, 2013. P. 152–168.
- Smith D. The Return of Historical Sociology // *The Sociological Review*. 2014. No. 62 (1). P. 206–216.
- Smith J. *Debating Civilizations: Interrogating Civilizational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press, 2017.
- Spohn W. Political Sociology Between Civilizations and Modernities: A Multiple Modernities Perspective // *European Journal of Social Theory*. 2010. No. 13 (1). P. 49–66.
- Spohn W. An Appraisal of Shmuel Noah Eisenstadt's Global Historical Sociology // *Journal of Classical Sociology*. 2011. No. 11 (3). P. 281–301.
- Tsygankov A. The Irony of Western Ideas in a Multicultural World: Russians' Intellectual Engagement with the "End of History" and "Clash of Civilisations" // *International Studies Review*. 2003. No. 5 (1). P. 53–67.
- Turoma S., Mjør K. Introduction: Russian Civilizationalism in a Global Perspective // *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia* / Ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020. P. 1–26.

Статья поступила: 14.12.21. Финальная версия: 30.01.22. Принята к публикации: 02.02.22.

CONTEMPORARY CIVILIZATIONAL ANALYSIS IN HISTORICAL SOCIOLOGY: PROBLEMS AND PROSPECTS

MASLOVSKIY M.V.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Mikhail V. MASLOVSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Lead Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (m.maslovskiy@socinst.ru).

Abstract. Contemporary civilizational analysis is a dynamic field in world historical sociology. This perspective develops the Weberian sociological tradition focusing on civilizational foundations of different trajectories of political modernization. At the same time civilizational analysis encounters some obstacles caused by its internal conceptual problems, the persistence of disciplinary boundaries between sociology and history and also ideological use of the civilization concept. In particular, ideologization of the civilizational approach proved to be one of the reasons for its slow reception in Russian sociology. Nevertheless, interest in civilizational analysis represented by the works of Shmuel Eisenstadt and Johann Arnason has been growing among Russian researchers since the early 2010s. But it should be taken into account that civilizational analysis largely remains on the level of general theory. Working out middle range theories which could be subject to empirical testing constitutes a challenge to that approach. The article argues that such theories can be formulated on the basis of the research program of “civilizational politics” in the field of international relations. This program has been influenced by the ideas of historical sociologists and at the same time it is more empirically oriented. The article regards new perspectives in historical sociology and studies of international relations as largely complementary.

Keywords: historical sociology, interdisciplinary approach, civilizational analysis, ideology, international relations, civilizational politics.

REFERENCES

- Arnason J. (2003) *Civilizations in Dispute: Theoretical Questions and Historical Traditions*. Leiden: Brill.
- Arnason J. (2019) From Occidental Rationalism to Multiple Modernities. In: E. Hanke, L. Scaff, S. Whimster (eds). *Oxford Handbook of Max Weber*. Oxford: Oxford University Press: 499–518.
- Arnason J. (2021) *Civilizational Patterns and Historical Processes*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
- Bettiza G. (2014) Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a “Civilizational Politics” Line of Research. *International Studies Review*. Vol. 16. No. 1: 1–28. DOI: 10.1111/misr.12100.
- Blackburn M. (2021) Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below. *Nationalities Papers*. Vol. 49. No. 1: 89–107. DOI: 10.1017/nps.2020.8.
- Braslavskiy R., Kozlovskiy V. (2021) The Civilizational Dimension of the Structuring of Societies. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 20. No. 1: 148–175. (In Russ.) DOI: 10.17323/1728-192x-2021-1-148-175.
- Chernysh M.F. (2021) Modernization Re-visited: Searching for a New Conceptual Scheme. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–13. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250014946-3.
- Conrad S. (2018) *What is Global History?* Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
- Delanty G. (2011) Cultural Diversity, Democracy and the Prospects for Cosmopolitanism: A Theory of Cultural Encounters. *British Journal of Sociology*. Vol. 62. No. 4: 633–656. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2011.01384.x.
- Delanty G. (2013) *Formations of European Modernity: A Historical and Political Sociology of Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Eisenstadt S. (2003) *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Vol. 1–2. Leiden: Brill.
- Ferguson N. (2014) *Civilization. The West and the Rest*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Ilyin V. (2017) The Structure of Russia’s Historical Path Dependency. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 26. No. 4: 30–50. (In Russ.) DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-30-50.
- Kalberg S. (2021) *Max Weber’s Sociology of Civilizations: A Reconstruction*. Abingdon: Routledge.
- Karasev D. Yu. (2021) J. Arnason’s Civilizational and Relational Analysis and Global Dimension of Soviet Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 151–156. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250016501-4.

- Katzenstein P. (2010) A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions and Practices. In: P. Katzenstein (ed.) *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. New York: Routledge: 1–40.
- Katzenstein P., Weygandt N. (2017) Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits Its Foreign Policies. *Perspectives on Politics*. Vol. 15. No. 2: 428–442. DOI: 10.1017/S153759271700010X.
- Kivinen M., Maslovskiy M. (2021) Russian Modernization: A New Paradigm. In: M. Kivinen, B. Humphreys (eds). *Russian Modernization: A New Paradigm*. Abingdon: Routledge: 1–29.
- Knöbl W. (2010) Path Dependency and Civilizational Analysis: Methodological Challenges and Theoretical Tasks. *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. No. 1: 83–97. DOI: 10.1177/1368431009355862.
- Kozlovskiy V.V., Braslavskiy R.G. (2020) Russian Civilizational Transition: Cultural Sociological Analysis of O.I. Shkaratan's Neo-etacratism Theory. *Sociology and Society: Traditions and Innovations in Social Development. Proceedings of the 6th All-Russia Sociological Congress*. Moscow: FCTAS RAS: 5832–5839. (In Russ.) DOI: 10.19181/kongress.2020.686.
- Kurakin D. (2017) The Sociology of Culture in the Soviet Union and Russia: The Missed Turn. *Cultural Sociology*. Vol. 11. No. 4: 394–415. DOI: 10.1177/1749975517728625.
- Laruelle M. (2019) *Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines and Political Battlefields*. Abingdon: Routledge.
- Laruelle M., Hale H. (2020) Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda. *Nationalities Papers*. Vol. 48. No. 3: 585–602. DOI: 10.1017/nps.2019.125.
- Linde F. (2016) The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness. *Russian Review*. Vol. 75. No. 4: 604–625. DOI: 10.1111/russ.12105.
- Maslovskaya E., Maslovskiy M. (2017) The Conceptualization of European Modernity in Gerard Delanty's Sociology. *Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*. Vol. 16. No. 3: 395–408. (In Russ.) DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-395-408.
- Maslovskiy M. (2019) Russia against Europe: A Clash of Interpretations of Modernity? *European Journal of Social Theory*. Vol. 22. No. 4: 533–547. DOI: 10.1177/1368431018768623.
- Russian Society: Architectonics of Civilizational Development*. (2021) Ed. by V.V. Kozlovskiy. Moscow and St.-Petersburg: FCTAS RAS. (In Russ.)
- Scherrer J. (2013) The "Cultural/Civilizational Turn" in Post-Soviet Identity Building. In: Bodin P.-A., Hedlund S., Namli E. (eds.) *Power and Legitimacy: Challenges from Russia*. London: Routledge: 152–168.
- Smith D. (2014) The Return of Historical Sociology. *The Sociological Review*. Vol. 62. No. 1: 206–216. DOI: 10.1111/1467-954X.12140.
- Smith J. (2017) *Debating Civilizations: Interrogating Civilizational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press.
- Shkaratan O.I. (2007) Towards a Comparative Analysis of the Influence of Civilizational Differences on Social Processes in the Post-communist World. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 10: 15–25. (In Russ.)
- Shkaratan O.I. (2010) Systems of Civilization and Models of Socio-Economic Development of Russia and Other Post-Communist Countries of Europe. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. Vol. 19. No. 3: 23–45. (In Russ.)
- Spohn W. (2010) Political Sociology Between Civilizations and Modernities: A Multiple Modernities Perspective. *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. No. 1: 49–66. DOI: 10.1177/1368431009355864.
- Spohn W. (2011) An Appraisal of Shmuel Noah Eisenstadt's Global Historical Sociology. *Journal of Classical Sociology*. Vol. 11. No. 3: 281–301. DOI: 10.1177/1468795X11406025.
- Spohn W. (2014) Historical and Comparative Sociology in the Global World. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*. Vol. 17. No. 2: 55–69. (In Russ.)
- Tsygankov A. (2003) The Irony of Western Ideas in a Multicultural World: Russians' Intellectual Engagement with the "End of History" and "Clash of Civilizations". *International Studies Review*. Vol. 5. No. 1: 53–67. DOI: 10.1111/1521-9488.501003.
- Turoma S., Mjør K. Introduction: Russian Civilizationalism in a Global Perspective. In: Mjør K., Turoma S. (eds) *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Abingdon: Routledge, 2020: 1–26.
- Velizhev M. (2019) *Civilization, or War of the Worlds*. St.-Petersburg: European University at St.-Petersburg. (In Russ.)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАВМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ВОЛКОВ Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия (ugvolkov@sfedu.ru).

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния социокультурных травм россиян на ресурсность общественного развития. Обосновывается значимость влияния долговременных социокультурных травм как факторов, тормозящих процессы развития российского общества. Дается анализ понятия «социокультурная травма» и его использования в современной социологической науке, рассматриваются основные методологические установки в изучении этого феномена в объективистской парадигме и в парадигме социального конструктивизма, показывается их различие и исследовательский потенциал. На основе наиболее травматичных событий истории российского общества рассматривается их непосредственное влияние на социальные настроения и поведение россиян. Акцентируется роль социокультурной среды в конструировании образа травмы в коллективных коммеморациях и его трансляции. Автор обосновывает травматическое воздействие состояния неопределенности относительно настоящего и будущего как фактор деструктивного влияния на социальное настроение россиян. Показано, что травмированность россиян социальными изменениями и эффектами социально-экономических кризисов находит проявление в распространении социального пессимизма и неверия в возможность постановки и достижения конструктивных целей, в частности целей развития на индивидуальном и коллективном уровнях. Автор приходит к выводу, что непроработанные социокультурные травмы являются факторами, препятствующими общественному развитию и формированию личностной социальной креативности у россиян.

Ключевые слова: социокультурная травма • неопределенность • коммеморация • системная трансформация • развитие • креативность • детравматизация • социокультурная среда

DOI: 10.31857/S013216250017543-0

Введение. Одной из важнейших проблем современного российского общества является обеспечение интенсивного социально-экономического и культурного развития. Большую роль здесь играют институциональные и социоструктурные факторы, которые могут способствовать развитию социума. Наряду с ними немаловажное значение имеют духовная атмосфера в обществе, социальное настроение и социокультурный контекст происходящих процессов. Духовное состояние общества во многом зависит от следов давнего и недавнего прошлого, зафиксированных в социальных и культурных травмах. Наличие подобных травм оказывает в той или иной степени деструктивное воздействие на общественную атмосферу. Поэтому приобретает большое значение актуальность исследования травматического состояния общества: оно представляет серьезный научный и социально-практический интерес и заслуживает внимательного рассмотрения.

Понятия «социальная травма» и «культурная травма» вошли в научный оборот в первую очередь благодаря трудам П. Штомпки. Общеизвестно, что негативные и травматичные события в жизни как отдельного человека, так и социума оставляют после себя болезненный долговременный след. Это фиксируется в культуре, в определенных деформациях общественных отношений, закрепившихся на уровне коллективной ментальности социальных фобий и комплексах, находящих выражение в массовом и индивидуальном поведении.

Исследование социокультурных травм и их влияния на общество актуально для российской социологической науки. Осуществляемая в последние десятилетия трансформация социальных институтов ставит на повестку дня изучение всех факторов, могущих тормозить развитие общества, деформировать его траекторию, снижать мотивации населения к созидательной деятельности. Относительная инертность социокультурной сферы в сравнении с другими сферами общественной жизни обуславливает то, что идущие в ней процессы разворачиваются медленнее и отстают во времени от институциональных реформ. Институциональная структура изменяется в соответствии с запросами развития общества, а социокультурный контекст этих изменений может им не соответствовать. Одним из факторов, тормозящих развитие, является влияние социокультурных травм.

Социокультурная травма: методологические подходы к исследованию. В современной социологической науке используется несколько понятий, связанных с травмой: «культурная травма», «социальная травма», «социокультурная травма». Все они имеют своим референтом результат некоторого социального процесса, негативно сказавшийся на жизни общества. Может сложиться впечатление, что эти понятия совершенно синонимичны, но в них фиксируются различные смысловые акценты. Если понятие «социальная травма» описывает, как нам представляется, событие или процесс, указывая прежде всего на масштабы его влияния (всё общество) и его общественную сущность, то «культурная травма» подчеркивает воздействие травмирующего события на коллективную идентичность [Айерман, 2013]. При этом необходимо действие ряда факторов. По мысли Н. Смелзера, культурная травма представляет собой «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает или подавляет один или несколько ключевых элементов культуры или культуру целиком» [Smelser, 2004: 38].

Н. Смелзер и П. Штомпка полагают, что основной акцент нужно делать на объективном событии, ставшем непосредственной причиной травмы. По определению Штомпки, под такого рода травмой понимается «социальная трансформация», в основе которой лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» [Штомпка, 2001: 6–7]. Такие процессы имеют не только объективный характер, проявляющийся в длительно существующих изменениях в структурных образованиях общества, но и – прежде всего – субъективный, связанный с самоощущением людей: «Разговор об обществе травмы – это разговор в макросоциологических категориях, однако само по себе понятие “травма” – очень “человеческое” понятие, отсылающее к ценностям милосердия и сострадания и неявно указывающее на ценность целостности. Человек общества травмы – “раненая” личность с деформированной жизненной траекторией и, самое главное, с урезанным самосознанием в том, что касается собственной личностной... ценности» [Волков, 2019: 371].

Позиция Штомпки в исследовании социокультурной травмы как феномена может быть охарактеризована как близкая к социологическому объективизму, поскольку в его рассмотрении травма выглядит как результат определенных длительных объективных социальных процессов. Такая методологическая позиция позволяет фиксировать внимание исследователя на объективных факторах, ставших причиной травмы, и оценивать в контексте действия этих факторов ситуацию в обществе на макросоциологическом уровне. Эта перспектива привлекательна для изучения социальных структур и процессов, в частности системных институциональных трансформаций, что особенно актуально для понимания проблем современного российского общества, как, впрочем, и других обществ на постсоветском пространстве.

В то же время в арсенале современной социологической науки имеется и альтернативная методология исследования социокультурной травмы, базирующаяся на концепции социологического конструктивизма. В этом ключе социология культурной травмы разрабатывалась Р. Айерманом и Дж. Александером, исследовавшими феномен не столько как

коллективное переживание, сколько как факт социокультурного конструирования. Такая методология дает возможность глубже проникнуть в субъективное измерение социокультурной травмы, что отчасти сближает ее с психоанализом. Но если психоаналитические исследования касаются психологических механизмов воздействия травмирующего события на личность и общество, то социологический конструктивизм фиксирует внимание на воздействие социокультурной среды, которая может усиливать, смягчать или деформировать его, спонтанно или целенаправленно (если это касается акторов), конструируя социокультурную травму. Это осуществляется посредством управляемого публичного дискурса, коммеморативных практик, направленных на актуализацию или, напротив, затушевывание переживаний по поводу травмирующих событий прошлого и настоящего.

Согласно Александеру, социокультурная травма должна рассматриваться прежде всего как продукт социокультурного конструирования, в ходе которого происходят формирование и переформатирование коллективной идентичности. Травма сама по себе в таком рассмотрении предстает как процессуальный феномен, предполагающий некоторый лаг между объективным травмирующим событием и его репрезентацией в культуре.

Мы полагаем, что оба подхода к исследованию феномена социокультурной травмы ценны и актуальны. Не стоит объяснять, насколько важно исследование объективных факторов травм, как и роль субъективных факторов в конструировании социокультурных травм, которая, в сущности, связана с проблемой интерпретации объективных событий. Интерпретации могут разниться в зависимости от интерпретирующего субъекта, индивидуального или группового, его ценностных ориентаций, установок и интересов. Да и спонтанное конструирование образа травмы зависит от состояния социокультурной среды, которое, несмотря на инертность, способно к изменениям. Таким образом, мы пытаемся использовать оба подхода.

Объективные факторы формирования социокультурных травм россиян. Рассмотрим объективные процессы и события в жизни российского общества, послужившие факторами формирования социокультурных травм. Разумеется, наиболее масштабные из них носят зачастую геополитический характер. Особенно характерен травматизм для истории XX века, на осмыслении и принятии уроков которого основывается современное общество. Результатом многочисленных травм становится деформация коллективной идентичности, связанная с неизжитостью травматогенных событий, искажением социальной памяти. Стремление вытеснить трагические события из памяти, о котором много говорит психоанализ, чревато утратой связи с прошлым, без которой невозможна нормальная идентичность.

В монографиях Ж.Т. Тощенко представлена инновационная макросоциологическая концепция, базирующаяся на выделении особого типа обществ, долговременно «переключившихся» на травматические социальные процессы, в особую категорию, обозначенную им посредством вводимого им термина «общество травмы»: «Трактовки происходящих деформаций... можно расширить до понятия "общество травмы", если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности реальных преобразований (катастроф)» [Тощенко, 2020: 25]. Критерием принадлежности некоего общества к «обществам травмы» выступает не столько специфика травмировавших общество факторов, сколько то состояние, к которому их действие в совокупности привело. Ж.Т. Тощенко полагает, что это состояние характеризуется высокой степенью дезорганизации, воспроизводством устойчивых деформаций, неопределенностью и непрогнозируемостью, что имеет своим неизбежным эффектом нисходящее развитие, то есть деградацию. И именно эта особенность является критерием, позволяющим отличить «общество травмы» от других типов обществ, эволюционирующих в своем развитии или находящихся в процессе радикальных (революционных) преобразований.

Концепция Ж.Т. Тощенко, как видно из его типологии модальностей развития, не концентрирует внимание на травматогенности революционных, радикальных трансформаций

общества, хотя, с нашей точки зрения, ее отрицать невозможно. Однако можно согласиться с тем, что радикальное преобразование, хотя по определению является для общества стрессом, в ряде ситуаций становится необходимым и неизбежным выходом из состояния затяжной стагнации или упадка. Потенциальная травматогенность таких преобразований не может быть оценена заранее, как и их социальная цена, которая чаще всего бывает очень высока. Но в ряде ситуаций тот скачок в восходящем развитии, который приносит радикальная трансформация общества, объективно стоит таких издержек и усилий.

Для России XX век был веком многочисленных революций и войн, повлекших за собой не только огромное количество физических жертв, но и целый ряд других разрушительных последствий на уровне как национальной экономики, так и культурной ментальности народа. Великая Отечественная война – наиболее травматичный период истории советского и российского общества, по причине огромного числа людских потерь, масштаба разрушений, причиненных народному хозяйству и экономике. Восстановление разрушенных городов и населенных пунктов было осуществлено в кратчайшие сроки на волне высочайшего духовного подъема, вызванного Победой. Это грандиозное событие способствовало исцелению социокультурной травмы, нанесенной войной. Послевоенные годы стали периодом максимальной интеграции общества и социального оптимизма.

Не будем упускать и тот факт, что у огромных достижений советского общества эпохи индустриализации существовала и трагическая – теневая – оборотная сторона: годы массовых репрессий, унесшие множество жизней, исковеркавшие не меньшее множество и посеявшие страх, сохранившийся в коллективном подсознании народа на долгие годы. Практиковавшиеся в то время отказы от друзей и родственников, осужденных по политическим обвинениям, в большинстве случаев основанным на доносах и оговорах в процессе следствия, способствовали ослаблению семейных, родственных и в целом горизонтальных социальных связей. «Кратно возросший масштаб репрессий способствовал формированию атмосферы всеобщей подозрительности и недоверия» [Якимов, 2020: 207].

И хотя доверие к государству и его политике у рядовых граждан было настолько велико, что даже эти трагические события не смогли его поколебать, нанесенная ими травма была глубока, тем более что об этом нельзя было ни говорить, ни писать, и таким образом данные факты выпали из социальной рефлексии, но не были забыты. Они остались в бессознательном слое коллективной ментальности в виде фобий, взаимного недоверия, настороженного отношения к государственной власти, социально-политической индифферентности, социального эскапизма.

В 1990-е гг. российское общество пережило начальную фазу трансформации, которая, не являясь классической революцией «снизу», была инициирована правящими элитами или их частью для коренной перестройки структуры и модели функционирования всех системообразующих общественных институтов. Необходимость системных изменений в позднесоветском обществе к тому времени объективно назрела, однако сам сценарий их осуществления, «шоковая терапия» в экономике, резко ударившая по благосостоянию и уровню жизни людей, привыкших полагаться на заботу и опеку со стороны государства, не предупрежденных о том, какой ценой придется платить за реформы, стал большим потрясением для большинства населения. Ощущение экзистенциальной безопасности, поддерживавшееся и культивировавшееся в советском обществе длительное время, доверие к государству и ощущение единства, сращенности с ним, уверенность в завтрашнем дне, естественно присущая послевоенным поколениям советских людей, – всё это рухнуло и рассыпалось за считанные годы. Не нужно забывать, что значительное число советских людей разделяли коммунистические убеждения и верили в реальность перспектив, рисуемых государственной пропагандой, а другая значительная часть, имитировавшая приверженность тем же убеждениям, все-таки едва ли была готова заплатить за изменения резким падением доходов, задержками зарплат и пенсий, социальной маргинализацией, утратой профессиональной идентичности ради физического выживания семей, распадом единого государства на множество суверенных постсоветских республик,

актуализацией межнациональной розни, возникновением на постсоветском пространстве «горячих точек», в которых нашло свою гибель множество людей.

Многочисленные травматогенные события российской истории XX века в значительной мере определили облик общества, черты коллективной ментальности, особенности социального поведения россиян. И в настоящее время сохраняются следы этих «поломок», проявляющиеся не только в слабости социальной горизонтальности, индифферентности, социальном эскапизме, но и в своеобразной «зацикленности» на проблемах прошлого, тоске массового сознания по «жесткой руке», продолжающихся ожесточенных публичных дискуссий по поводу того, как правильнее интерпретировать давние трагические события.

По мнению американского культуролога К. Карут, социокультурная травма трансформирует восприятие обществом исторического времени. Прошлое, содержавшее травматогенные события, не уходит из настоящего, травма фиксирует его, прочно привязывая к настоящему, в силу чего прошлое продолжает существование, несмотря на то, что объективная ситуация давно изменилась. Травма неизбежно репрезентируется в культуре посредством описания и «голоса травмы». Культурное описание травмы конструируется как безличная вербальная репрезентация травмирующего прошлого в текстах посттравматической культуры. Что касается «голоса травмы», то под ним Карут понимает постоянную память о происшедшем, всплывающую на индивидуальном уровне в виде снов, художественных образов и навязчивых повторяющихся действий [Caruth, 1996: 3]. Тем самым реальность прошлого, содержащая травматическое событие, воспроизводится в переживаниях и повседневных практиках, в которых травма «проговаривается» за пределами социальной рефлексии.

Здесь уместно вспомнить о социальном конструктивизме и о том, что социокультурная травма несводима к самому объективному трагическому событию, с которым она связана. Трагическое событие само по себе исчезает в водовороте времени, но социокультурная среда еще долго хранит, воспроизводит и умножает его образ. Она аккумулирует или, напротив, размывает и аннигилирует события, способные конституироваться в субъективную реальность травмы. Индивидуальные акторы имеют дело не с объективными событиями, пережитыми не ими самими, а с культурной конструкцией, сформированной спонтанно социокультурной средой и/или целенаправленной деятельностью политических элит, стремящихся задать обществу ту или иную определенную модель исторической памяти, которая может быть в большей или меньшей степени травматической. Поэтому всегда есть альтернатива – актуализировать травматические воспоминания или затушевывать их, наращивать связанную с ними напряженность или стараться ее смягчить. Социокультурная травма чаще всего связана с каким-либо социальным противостоянием, актуализация памяти о травмировавших событиях неизбежно приводит не только к новому витку «проговаривания» или переосмысления давних или недавних событий, но и к новой репрезентации их в настоящем – к актуализации противостояния, пусть и на уровне публичного дискурса. Социокультурная травма не тождественна травматогенным событиям, приведшим к ее возникновению, хотя и связана с ними. Это отображение, фиксированный «портрет» события в социальной памяти и коллективной имажинации. Ракурс и колорит этого портрета относительно изменчивы, это культурная конструкция, а не точная копия события. И способы ее изживания могут различаться. Можно стремиться «проговорить» травму, многократно и впечатляюще выразить ее в художественных образах литературных произведений, живописи, кинофильмов. Это тот путь, который обычно выбирает большое искусство, поскольку именно в художественном выражении переосмысление трагических событий в их проекции на личные судьбы героев может быть достигнут катарсис – цель творчества.

Другой способ – переконструировать социокультурную травму так, чтобы события воспринимались не столько как травмирующие, сколько как преодоленные и побежденные драматические трудности. Иначе говоря, смысловой акцент может быть перенесен с трагических моментов на моменты преодоления и социальной интеграции. На этом пути тоже происходит проговаривание и изживание травмы, однако такой способ не

разъединяет, а, напротив, может интегрировать социум на основе пережитой сообща коллективной беды и опыта ее совместного преодоления. Примером такого подхода может служить известная в настоящее время акция «Бессмертный полк», в которой участники ежегодно возвращаются к коллективному переживанию социокультурной травмы, вспоминают погибших героев, но акцент при этом делается на общность и солидарность победивших и их живых потомков.

Травматичность социальной неопределенности. Вернемся к тому, что социокультурная травма и ее переживание зависят не только от особенностей процессов коллективной коммеморации, но и от объективных факторов, на которые указывает П. Штомпка, а несколько иначе и применительно к российскому обществу – Ж.Т. Тощенко. Как мы говорили выше, современное российское общество в своем социально-экономическом и культурном развитии прошло фазы, объективно весьма травматичные для общественного сознания, и в значительной мере события, вызвавшие травмы, всегда нуждаются в социальной – и социологической – рефлексии. От специфики этой рефлексии, ее акцентов многое зависит. Но в любом случае, даже если рефлексия запаздывает, социум ощущает и воспринимает травматическое событие.

Напомним, что П. Штомпка, введя понятие культурной травмы, имел в виду объективное разрушительное состояние польского общества, связанное с последствиями социалистических институциональных преобразований. Объективно травматичным является и состояние российского общества после трансформации. По мнению Тощенко, из-за действия ряда факторов, и прежде всего субъективных – недостаточной управленческой компетентности инициаторов реформ, превалирования в процессе преобразований частногрупповых экономических интересов, а не потребностей общества как целого, – у современного российского общества изменилась сама модальность развития, и оно приобрело нисходящую направленность в силу деформации траекторий социальных изменений. Такая деформация, возможно, связана с утратой определенности относительно стратегии общественного развития, что вызвано дефицитом теоретического обоснования направленности трансформационных процессов. Результатом таких принимаемых как бы вслепую стратегий становится объективная социальная неопределенность, понимаемая как хаос, отсутствие внятных ориентиров и концепций развития, а в конечном счете – отказ от целей развития вообще, переход к концепции «сырьевой базы» мировой экономики как сверхдержавы, геополитический статус которой определяется обладанием эксклюзивными природными ресурсами.

Такого рода неопределенность связана с отсутствием четкой научно обоснованной пошаговой программы преобразований, расплывчатым сценарием дальнейшего развития, следование которому вполне может оказаться малоэффективным. Более того, сами по себе реформы не могут не продуцировать неопределенность на начальных этапах, поскольку речь идет о радикальной смене всех ключевых институтов общества – экономических, политических, правовых, а это означает неизбежность процесса временной деинституционализации общества, то есть аномии, смены основных социальных ценностей. Этот процесс порождает растерянность и разочарование людей в прежних ценностях и нормах, которые уже не работают. А именно нормы и ценности задают определенность, формируют социальные ожидания. Аномийная по своей природе неопределенность характеризовала российские девяностые годы. В настоящее время общество уже вышло из этого состояния, но его следы в психологии и поведении людей можно наблюдать и сегодня. Это то измерение неопределенности, которое связано непосредственно с российской спецификой реформ.

Есть и второй аспект неопределенности. В современном российском обществе, как и в глобальном мире, происходит утрата четких ориентиров социального бытия. Постепенно утрачивается определенность в жизни человека, который в еще недавнем прошлом не знал такой проблемы. И даже, скорее, он сталкивался с противоположной по существу проблемой – ригидностью социально-стратификационной структуры,

аскриптивной предопределенностью своего места в ней, невозможностью свободного поиска собственного жизненного пути. Индивид испытывал давление со стороны общества, предопределявшего его жизненный путь, цели и приоритеты, уровень дохода и социальные горизонты. Имея дело с избытком социальной определенности, человек без особого труда мог ориентироваться в жизни, не опасаться будущего, которое обладало достаточной предсказуемостью.

Современное общество лишило индивида этой определенности, сдерживавшей его в проектировании будущего, взамен предложило ситуацию неопределенности, когда приходится быть готовым периодически менять профессию, непрерывно дообразовываться, менять место жительства, среду обитания, не надеяться найти опору в социуме. Общество перестало давить на личность, но и переложило на нее бремя свободного самоопределения и ответственности. В современном мире даже индивидуальная идентичность превратилась в проблему, которую индивиду еще надо решить. О росте неопределенности социального бытия свидетельствуют и изменения в социально-классовой структуре современного общества, выразившиеся в формировании нового слоя – прекариата, в который входят так называемые «свободные профессионалы», фрилансеры, не имеющие постоянного работодателя и фиксированного места работы, вынужденные постоянно быть готовыми к любым переездам и переменам. О травматичности такого образа жизни см.: [Тощенко, 2018].

Есть и третий аспект неопределенности, обнаруживающий себя в самом современном состоянии науки об обществе. В постклассическую эпоху расшатываются и утрачиваются единые теоретические ориентиры, общественная наука плюрализируется и распадается на множество школ и направлений: «Объективная логика глобальных и локальных социальных процессов усложнилась, и сообразно с этим стали сложнее, утратили детерминистскую линейность теоретические концепции общественных наук, отрефлексировавших необходимость, говоря словами Валлерстайна, “работать с неопределенностью”» [Волков, 2019: 364]. То есть неопределенность социологического знания есть продукт усложнения отражаемого им социума.

Таким образом, неопределенность можно рассматривать в трех аспектах: 1) как хаос, возникающий в результате ошибочных действий коллективных агентов и приводящий на траекторию нисходящего развития (в таком случае неопределенность, безусловно, выступает как объективное следствие стратегических и тактических ошибок); 2) как объективное (не зависящее от чьих-либо действий или сценариев) состояние современного общества в глобальном смысле, проистекающее из усложнения социальной реальности, ее многомерности (здесь неопределенность является следствием объективных исторических процессов. Уровень неопределенности тем выше, чем выше уровень сложности феномена); 3) как характеристику самого социологического знания в постклассическую эпоху.

Мы считаем, что все эти аспекты значимы и каждый из них вносит свой вклад в состояние неопределенности, в котором в настоящее время находится российское общество и его отображение в социальном знании. Дефицит внятной концепции развития при очевидности стоящих во весь рост задач повышения технико-технологической конкурентоспособности, болезненное прохождение посттрансформационного периода, быстро и ощутимо выросшее социальное и имущественное неравенство и, самое главное, травмирующий стремительный рост числа живущих в бедности и при этом работающих людей, – перечень негативных реалий сегодняшнего дня можно продолжать. Неопределенность концептуального, стратегического характера через множество разнообразных опосредующих звеньев продуцирует другую неопределенность, которая остро ощущается на субъективном уровне, – неопределенность рядовых акторов относительно завтрашнего дня и более отдаленного будущего.

Именно эта неопределенность, являющаяся следствием, непосредственно травматична. И независимо от того, выделяем ли мы «общество травмы» как специфическую модальность развития, состояние, описанное Ж.Т. Тощенко, содержит риски социальной

деструкции и является тормозом социально-экономического развития. В своей более ранней работе Тощенко [1998] предлагает концепцию социального настроения, выступающего как «индикатор общего уровня социальной стабильности и устроенности общества», задающий вектор социальных действий индивидов (см.: [Хапова, 2016]). В формирование социального настроения включены, согласно Тощенко, разнообразные факторы человеческой практики; оно не только «непосредственно вплетено в жизнедеятельность», но и находит воплощение в индивидуальных и коллективных оценках и эмоциях от индивидуального и группового до массового уровня [Тощенко, 1998]. Естественно, что социальное настроение тесно связано с переживаниями в модусе социокультурной травмы: переживание «травмированности» теми или иными событиями и фактами ощущается как негативное, пессимистическое социальное настроение, трудно совместимое с задачами и ценностями развития. Безразличие и социальная апатия не способствуют ориентации на развитие и уничтожают его социально-психологические предпосылки: «Одна из самых ярких отличительных черт общественного настроения – выраженная способность его в одних случаях быть двигателем, побудителем, в других – тормозом социально направленной человеческой деятельности» [Горшков, 2021: 5–6].

О социальном пессимизме значительного числа современных россиян свидетельствуют результаты исследования уровня субъективного благополучия населения страны: «Доля субъективно благополучного населения в современной России невелика – она объединяет менее четверти россиян (24%), в то время как доля субъективно неблагополучных охватывает 35% населения, а доля занимающих промежуточное положение составляет 41%» [Горшков, 2019: 10]. Речь идет в первую очередь о субъективном переживании уровня своего материального благополучия, состояния здоровья, реализации себя в профессиональном труде и семейной жизни. Но и неуверенность в завтрашнем дне, тревога за будущее своих близких становятся факторами нарастания пессимистических социальных настроений: «Постоянная концентрация в течение длительного кризисного периода негативных явлений в жизни общества вызвала в достаточно широких слоях населения рост социального разочарования, еще большее ослабление оптимистичности сознания граждан. Нарастание пессимистических настроений было стимулировано не только реальным ухудшением условий жизни населения, но и возникшим за ним безрадостным образом будущего, ощущением масштабности и серьезности нарастающих кризисных явлений. По мере развития этих ощущений снизилась уверенность граждан в своей способности противостоять усилившимся негативным процессам и реализовать жизненные цели. Увеличилось количество людей, которые не способны ни убедительно сформулировать свои цели, в полной мере определить их смысл и содержание, ни представить, прикинуть или обозначить даже свои ближайшие перспективы» [Козырева, Смирнов, 2020: 190–191].

На социальное настроение существенно влияют и социокультурные конструкты, спонтанно или целенаправленно возникающие на почве общественной коммеморации объективных событий прошлого, несущих в себе травматический потенциал. Любая неизжитая, непроговоренная, недетравматизированная социокультурная травма препятствует стратегиям развития, так как их реализация невозможна без подлинной, а не имитативной, интеграции общества вокруг конструктивных целей. Социум, не изживший своих травм, вынужденно концентрирует свое внимание на них, ибо травма – в понимании классиков психоанализа эта концепция восходит еще к З. Фрейду – характеризуется непреодолимой тягой к повторению былого травмировавшего переживания. Общество воспроизводит свои старые травмы, переживая их снова и снова в неспособности выработать окончательное решение в интерпретации этих событий, изжить травму и освободиться от нее. Наличие образа травмы в коллективных коммеморациях заставляет общество фиксировать внимание на прошлом и его нерешенных проблемах, а не на будущем и его насущных задачах.

Резюме. Для нормального, а тем более интенсивного развития общества необходимы целостность процессов социальной коммеморации, приоритетность интересов настоящего и будущего, спокойное и гармоничное восприятие событий прошлого, снижение

социальной напряженности в отношении к былым социокультурным травмам. П. Штомпка подчеркивал, что в восприятии людей образ травмы ассоциируется с утратой контроля над собственной жизнью и жизнью близких, невозможностью влиять на события, с иноприродным вторжением в нормальный ход жизнедеятельности. С этим связано то, что, во-первых, человек испытывает неконтролируемый страх перед травматичными событиями прошлого, во-вторых, неосознанно тяготеет к их повторению в настоящем. Тем самым у людей, подверженных влиянию социокультурной травмы, возникают неосознаваемый болезненный интерес к прошлому, увязание в нем, ощущение неизбежности возвращения травматического события в будущем и необходимости заранее адаптироваться к нему.

Публичный дискурс о социокультурных травмах конструирует образы прошлого, помогает обществу их изживать, освобождаться от негативных сценариев будущего, связанных с вынужденным неосознаваемым повторением травматических событий. Негативные эмоции, переживания, ожидания, связанные с возможным повторением травматического сюжета, необходимо подвергнуть рациональному анализу, переосмыслению, в ходе которого должен выявиться и акцентироваться позитивный опыт преодоления трудностей.

Общество не может изменить свое лицо, не осмыслив и не оценив в рациональном ключе свое прошлое. Рационализация, анализ – единственный путь к освобождению от преследующих общественное сознание образов травмы. В то же время наличие противоречащих друг другу, конфликтующих социокультурных конструктов памяти о травматичном прошлом, создаваемых стихийно или целенаправленно различными социальными группами, политическими элитами, не позволяет освободиться от травмы, актуализируя ее посредством превращения в предмет публичных дискуссий и тем самым возвращая общество к культурному противостоянию, поляризуя его, оттягивая публичное внимание и силы от проблем настоящего и будущего.

Большое негативное влияние имеют и ошибки в процессе социального конструирования прошлого, проработки травм, и тем более манипулирование образами прошлого, исторической памятью в частногрупповых целях и интересах.

Социальные и культурные травмы препятствуют и формированию креативного типа личности, столь необходимого для успешного и эффективного социального развития в условиях современности, о чем мы говорили выше. Такая личность, как социальный тип, предполагает цельность и ориентированность на конструктивные цели, ценности профессионализма, социальный оптимизм, уверенность в завтрашнем дне, светлый образ будущего. Сформировать такую личность под гнетом травматичных представлений и образов, вне здоровых горизонтальных социальных связей, атмосферы взаимного доверия, в ситуации острого социального и имущественного неравенства просто невозможно. Преодоление травм является необходимым условием выхода за пределы ограничений, накладываемых детерминацией прошлого, а это, в свою очередь, необходимо для интенсивного социально-экономического, технологического, культурного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айерман Р. Социальная теория и травма. https://sociologica.hse.ru/data/2013/06/04/1285380221/SocOboz_12_1_07_Eyerman.pdf (дата обращения: 22.10.21).
- Волков Ю.Г. Общество травмы: поиск пути исцеления (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 16–27.
- Волков Ю.Г. Исцелить травму: Рец. на книгу: Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 2. С. 364–372.
- Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 3–14.
- Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17.

- Козырева П.М., Смирнов А.И. Реализация жизненных целей: субъективные оценки // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Издательство «Весь Мир», 2020.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласа к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.
- Хапова З.А. Социальное самочувствие: проблемы и противоречия дефиниции в контексте социологического подхода // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. № 3 (184). С. 88–94.
- Штомпка П. Социальное изменение как социальная травма // Социологические исследования. 2001. № 1–2. С. 6–16.
- Якимов К.А. Трансформация общественного сознания советской молодежи в условиях массовых политических репрессий 1937–1938 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 188. С. 203–210.
- Caruth C. (1996) *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Smelser N.J. (2004) *Psychological trauma and cultural trauma* // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press. P. 31–59.

Статья поступила: 16.11.21. Принята к публикации: 10.01.22.

SOCIAL AND CULTURAL TRAUMAS OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

VOLKOV Yu.G.

Adyghe State University, Southern Federal University, Russia

Yury G. VOLKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Adyghe State University, Institute of Sociology and Regional Studies at the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (ugvolkov@sfsedu.ru).

Abstract. The article is devoted to the influence of socio-cultural traumas of Russians on the resource capacity of societal development. The author argues for the importance of the long-term socio-cultural traumas impact as factors that slow down the processes of development of Russian society. He analyzes the concept of “sociocultural trauma” used in modern sociological science as well as the main methodological guidelines in the study of the phenomenon of socio-cultural trauma in the objectivist paradigm and in the paradigm of social constructivism showing some difference between them and revealing the research potential of each of them. A significant part of the presentation concerns socio-historical specifics: the author gives a description and analysis of the most traumatic events in history of Russian society, examining their direct impact on the social moods and behavior of Russians. On the basis of the methodological principles of social constructivism the role of the socio-cultural environment in the construction of the image of trauma in collective commemorations and its translation is analyzed. Considering the objective grounds of commemorative processes – traumatic events of the past, the author focuses on the situation of social uncertainty that arose as a result of a long period of systemic transformation of Russian society at the end of the twentieth century, justifying the traumatic impact of the state of uncertainty about the present and future as a factor of destructive influence on the social mood of Russians. Based on the data obtained as a result of recent sociological studies carried out by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, the author of the article shows that the traumatization of Russians by social changes and the effects of socio-economic crises is manifested in the spread of social pessimism and disbelief to the possibility of setting and achieving constructive goals particularly development goals at the individual and collective level. As the author concludes, socio-cultural traumas are factors that hinder the social development and formation of personal social creativity among Russians.

Keywords: socio-cultural trauma, uncertainty, commemoration, systemic transformation, development, creativity, detraumatization, socio-cultural environment.

REFERENCES

- Caruth C. (1996) *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Eyerman R. *Social theory and trauma*. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2013/06/04/1285380221/SocOboz_12_1_07_Eyerman.pdf (accessed 22.10.21). (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2021) On the question of the sociology of mass spiritual formations (theoretical and methodological aspect). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–14. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2019) On the social results of post-Soviet transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 3–17. (In Russ.)
- Khapova Z.A. (2016) Social well-being: problems and contradictions of definition in the context of a sociological approach. *Vestnik Adygeyskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. [Bulletin of the Adygea State University. Ser. 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies']. No. 3 (184): 88–94. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2020) Realization of life goals: subjective assessments. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Russia is reforming: Yearbook*: vol. 18. Moscow: New Chronograph. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. *Trauma Society: Between Evolution and Revolution (A Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves Mir, 2020. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: from a proto-class to a new class*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (1998) Social mood – a phenomenon of modern sociological theory and practice. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 21–35. (In Russ.)
- Sztompka P. (2001) Social change as a social trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1–2: 6–16. (In Russ.)
- Smelser N.J. (2004) Psychological trauma and cultural trauma. In: Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press: 31–59.
- Volkov Yu.G. (2020) The society of trauma: the search for a way of healing (invitation to discussion). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 16–27. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2019) Heal the trauma: Book review: Toshchenko Zh.T. *Precariat: from proto-class to a new class*. Moscow: Nauka. *Vestnik RUDN. Seriya Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. Vol. 19. No. 2: 364–372.
- Yakimov K.A. (2020) Transformation of the public consciousness of Soviet youth in the conditions of mass political repressions of 1937–1938. *Byulleten' Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 188: 203–210.

Received: 16.11.21. Accepted: 10.01.2022.

© 2022 г.

РОССИЯ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ (круглый стол по книге Б.Н. Миронова)

Участники: НЕФЕДОВ Сергей Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, профессор Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия (hist1@yandex.ru); РОЗОВ Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социальной философии и теоретической истории при Институте философии и права СО РАН и Новосибирском государственном университете, Новосибирск, Россия (nrozov@gmail.com); ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Б.Н. Миронов практикует тесное взаимодействие истории и социологии. В обсуждаемой работе «Российская модернизация и революция» (2019) автор вышел за хронологические рамки социальной истории России периода империи, развернув обсуждение таких проблем, как место и роль в нашей и всемирной истории революций, сущность и итоги вековых усилий по «модернизации» России, тенденций трехсотлетней истории страны. История имперской России – с XVII века до февраля 1917 г. – может быть представлена как движение страны через советские десятилетия в будущее. Автор преследовал и другую цель – проверка социологического инструментария для решения подобных задач, использование возможностей исторической социологии, которая, номинально существуя в нашей науке, все еще представляется предприятием загадочным, неустановившимся. Этот аспект заинтересовал редакцию журнала, поэтому мы пригласили выступить с оценками и мнениями разных ученых – историков, социологов, социальных философов. Важность этой проблематики связана с усилиями общественно-научной мысли в понимании текущих и грядущих проблем нашей страны, сложность и болезненность которых всякий раз толкает обратиться к прошлому, к истокам дня сегодняшнего. Обсуждение книги сложилось вокруг двух ключевых проблем: баз данных, созданных Б.Н. Мироновым в ходе изысканий, и концепции модернизации. Концепцию «модернизации» Б.Н. Миронов использовал как теоретическую рамку понимания и интерпретации социального прогресса страны. В дискуссии констатируется, что она не способна служить актуальной основой выработки стратегии движения современной России в будущее.

Ключевые слова: социальная история • история России и СССР • Б.Н. Миронов • теория модернизации • современные проблемы страны • будущее России

DOI: 10.31857/S013216250010908-1

Нефедов С.А. Причины русской революции – предмет давней дискуссии «пессимистов» с «оптимистами». «Пессимисты», в традиции русской либеральной историографии начала XX в., утверждают, что причина революции – низкий уровень жизни населения, в первую очередь рост малоземелья у крестьян. Этот тезис был принят советскими, а поначалу и западными специалистами. Однако в 1970-х гг. в США появилась «ревизионистская», «оптимистическая» школа. Они утверждали, что уровень жизни населения постепенно рос, а революция была обусловлена сочетанием политических затруднений и обстоятельств военного времени [Камынин, Запарий, 2019: 85–88]. В начале XXI в. «оптимистическое» направление получило развитие и в России, его лидером стал Б.Н. Миронов. В выдержавшей три издания фундаментальной монографии «Социальная история

России периода империи» он дал широкую картину развития России с позиций теории модернизации, а в другой монографии [Миронов, 2012] выступил пионером применения антропометрии для характеристики уровня жизни населения. Эта книга произвела впечатление на сообщество историков, выдержала два издания и переведена на ряд языков.

Новая работа Б.Н. Миронова также отличается широтой охвата исторических источников и использованием больших массивов статистических данных. Она важна в первую очередь как первая систематическая попытка объяснить причины русской революции в условиях, как казалось, успешной модернизации.

Как понимает Б.Н. Миронов понятие модернизации? «Развитие страны в имперский период проходило по сценарию, будто написанному теоретиками модернизации специально для России: 1) экономика развивалась как индустриальная и рыночная, основанная на конкуренции и частной собственности; 2) формировалось гражданское общество с множеством добровольных общественных организаций; 3) складывалось правовое государство с парламентом, верховенством закона, открытостью, гласностью, публичностью...» и т.д. (с. 16–17). Это стандарт, введенный в середине XX в. С. Блэком, С. Хантингтоном и другими авторами классической теории модернизации. Однако с тех пор прошло много времени, теория модернизации в классической форме потеряла авторитет. В «Кембриджском социологическом словаре» можно прочесть, что «модернизационный взгляд серьезно искажил реальную историю капиталистической мирсистемы» [Turner, 2006: 395]. Когда в 2001 г. в журнале «Slavic Review» обсуждалась книга Миронова «Социальная история России периода империи», Д. Рансел отметил: «Российские комментаторы некритически принимают использование Мироновым теории модернизации середины XX века... Западные критики жалуются, что Миронов идет не в ногу с западными методами и его история представляет собой комбинацию российской юридической школы... и социологической модели модернизации... которая совсем не одобряется сегодня в западной интеллектуальной жизни... Ключевое возражение западных критиков – это поверхностное принятие Мироновым статистической информации в исходной форме...» [Ransel, 2001: 556]. Приходится констатировать, что Б.Н. Миронов придерживается теории модернизации, не одобряемой сегодня историками Запада, но некритически принимаемой в России.

Миронов обильно использует статистику. «На втором этапе имперской модернизации можно говорить о прорыве в развитии, в результате которого произошло настоящее экономическое чудо. С 1861 по 1913 г. темпы экономического развития стали сопоставимы с европейскими. Национальный доход за 52 года увеличился почти в 4 раза... Но главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило *существенное повышение уровня жизни*» (с. 18). Миронов выделяет 12 важнейших признаков, доказывающих, по его мнению, этот процесс в пореформенный период (с. 17–19). Тезис об «экономическом чуде» – отправной пункт его построений, поэтому необходимо разобраться, откуда берутся эти цифры, как они получены.

(1) «Увеличение реальной платы сельскохозяйственных рабочих в 3,8 раза» – на самом деле не «реальная» плата, это рост оплаты в «номинальных копейках» [Миронов, 2012: 439] без учета инфляции. С. Уиткрофт подсчитал настоящую реальную плату – количество ржи, которое мог купить работник на дневную оплату в период сева. Получаются цифры: в 1885–1889 гг. – 10,4 кг, в 1895–1899 гг. – 14,6 кг, в 1909–1910 гг. – 9,5 кг, в 1909–1913 гг. – 11,5 кг [Wheatcroft, 1991: 148]. Как можно заметить, роста реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих не наблюдалось, по сравнению с 1895–1899 гг. имела тенденция к понижению.

(2) «Повышение с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли» (с. 17). Речь идет о производстве и реализации фабричной продукции, которая вытесняла с рынков продукцию ремесел. Это повышение было чисто формальной статистической аберрацией, поскольку практически не имелось сведений об объеме ремесленного производства и реализации товаров на местных рынках.

(3) «Увеличение между 1886–1890 и 1911–1913 гг. количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, на 34%» (с. 18). Миронов ссылается на таблицу 11.6 в [Миронов, 2012: 439]; под таблицей имеется пояснение, что подсчитано по: Грегори П. Экономический рост Российской империи... С. 36, 37, 138. В книге Грегори читаем: «Между 1885–1889 и 1897–1913 гг. стоимость зерна, оставленного крестьянами для собственного потребления, в постоянных ценах возросла на 51%, тогда как сельское население увеличилось на 17%» [Грегори, 2003: 36]. $51 - 17 = 34$? Но это не так важно, важен метод, которым получены цифры Грегори: он сравнивал заведомо несопоставимые величины. В основе его вычислений официальные данные Центрального статистического комитета (ЦСК) об урожаях 1885–1889 и 1897–1901 гг. Эти данные несопоставимы, так как в промежуток между датами (в 1893 г.) изменены методы определения урожайности и посевных площадей. Исправляя погрешности Грегори, можно показать, что объем «оставляемого в хозяйствах зерна» в расчете на душу населения существенно уменьшился [Нефедов, 2017]. Но чтобы получить реальную динамику потребления, не нужны сложные расчеты, достаточно из валового сбора вычесть экспорт и расходы на посев, а затем поделить на численность населения. Эта операция многократно проделывалась исследователями. Они показали, что тенденции роста потребления не наблюдалось, имелись колебания вокруг средней величины (см., напр.: [Wheatcroft, 1991: 135–136; Островский, 2013: 276]).

Следующие три пункта из перечня Миронова имеют косвенное отношение к вопросу повышения уровня жизни. «Уменьшение числа рабочих дней» (4), помимо того, что источники по этой теме носят фрагментарный и случайный характер, может объясняться скрытой безработицей – следствие нарастающего малоземелья. «Массовая скупка земли крестьянами» (5) – тоже результат малоземелья, притом что крестьяне не платили упомянутые Мироновым 971 млн руб.: они покупали землю в рассрочку и должны были рассчитываться десятки лет. А.М. Анфимов подсчитал, что крестьяне, покупавшие в Ливенском уезде Орловской губернии хутора в 12 дес., должны были для уплаты процентов по кредиту продавать каждый год минимум половину урожая [Анфимов, 2002, 144]. Наконец, «увеличение вкладов в государственных сберегательных кассах» (6) – следствие расширения сети сберкасс, которых прежде на селе не было.

Чрезвычайно важен пункт (7) «существенное увеличение... длины тела мужчин», как свидетельство увеличения потребления и улучшения условий жизни. Данные о новобранцах в России имеются с XVIII в., но ввиду изменений требований к призывникам сопоставимы только данные за 1874–1912 гг. Проверке расчетов Миронова была посвящена работа С.А. Нефедова и М. Элмана. Они показали, что Миронов не учел изменения методики учета данных призывных комиссий; в действительности рост новобранцев уменьшался [Nefedov, Elman, 2016].

Что касается роста «валового внутреннего продукта» (8), то для сколько-нибудь достоверной оценки ВВП в XIX в. нет необходимых статданных (о ремесленном производстве, до 1893 г. нет достоверных данных об урожаях и т.д.). Кроме того, рост ВВП возможен и при понижении уровня жизни (как в СССР в 1920–1930-х гг.).

«Средняя продолжительность жизни» (9) росла, но вследствие успехов медицины и сокращения младенческой смертности. Средняя продолжительность жизни может расти и при уменьшении потребления, что имело место в 1960-х гг. в некоторых развивающихся странах.

(10) Рост средней грамотности также не является признаком существенного повышения уровня жизни; примером также может служить советская индустриализация.

(11) «Индекс человеческого развития» не является самостоятельным показателем; это композиция показателей (9) и (10).

(12) Что касается расчетов Б.Н. Мироновым величины имущественного неравенства («децильный коэффициент») в России, то Г.М. Ханин показал, что эти расчеты неверны, а на самом деле имущественное неравенство в России было намного больше, чем считал Миронов [Ханин, 2010].

Таким образом, 12 признаков, которые, по мнению Б.Н. Миронова, свидетельствуют о существенном повышении уровня жизни в России в период «имперской модернизации», в действительности либо ни о чем не свидетельствуют (пункты 2, 4–6, 8–11), либо говорят о понижении уровня жизни и потребления (наиболее важны пункты 1, 3 и 7). Следовательно, мы не имеем права говорить об «экономическом чуде» и даже о повышении уровня жизни, которое, по Миронову, является «критерием успешности модернизации» (с. 14).

Однако, хотя свидетельства Миронова об «экономическом чуде» неубедительны, вопрос об успешности имперской модернизации требует ответа. Нужно отдать должное автору, работа Миронова отличается обилием статистических данных, позволяющих ответить на этот вопрос. На с. 205 приводится таблица:

Таблица

Доля промышленных рабочих в самостоятельном населении различных стран

Показатели	Россия		Британия		Франция		Германия		США	
	1860	1900	1851	1900	1848	1900	1850	1900	1850	1900
Рабочие, млн	0,8	2,2	4,1	12	2,5	5,0	0,9	9,5	1,4	7
Самостоятельное население, млн	45,6	81,9	9,7	16,3	14,1	19,7	–	24,3	7,7	28,5
Доля рабочих, %	1,8	2,7	42	74	18	25	–	39	18	25

Таким образом, за 40 лет имперской модернизации доля промышленных рабочих в самостоятельном населении увеличилась на 0,9% и в 1900 г. оставалась незначительной – 2,7%. Это контрастирует с ситуацией в промышленных странах, где фабричные рабочие составляли от 25 до 74% населения. Более того, около трети российских рабочих были крестьянами-отходниками, которые имели в деревне землю и семью (с. 207). К 1913 г. численность промышленных рабочих увеличилась до 3,1 млн, но это лишь 2,9% от самостоятельного населения (подсчитано по: [Крузе, 1976: 42]). Поэтому успехи имперской модернизации невелики. Нет нужды выяснять причины, почему «успешная в целом модернизация империи закончилась революцией». Модернизация не была успешной: Россия оставалась крестьянской страной; модернизация не обеспечила перемещение излишнего сельского населения в промышленные города. В итоге в деревне нарастало аграрное перенаселение и малоземелье. Лозунг «земля – крестьянам!» стал главным лозунгом революции.

Розов Н.С. Обсуждаемая книга продолжает авторские акценты на предреволюционную модернизацию и революцию 1917 г., проводит продуманную позицию с попытками снабдить ее солидной эмпирической аргументацией, предлагает выходы на современность. Меня интересуют сходные грани осмысления Русской революции, причем как раз в связи с темами модернизации и контрмодернизации [Розов, 2017; 2019]. Хотя наши подходы и взгляды во многом противоположны, признаю: новая книга Б.Н. Миронова – значительный интеллектуальный вклад в понимание отечественной истории в социальном и социологическом ключе. Критическое обсуждение таких работ всегда поднимает важные вопросы теоретического и ценностного характера.

В книге использована *клиометрия* – статистика экономическая и демографическая; много цифр, таблиц. Делаются обобщения свидетельств, публицистики, произведений литературы, мемуаров, трудов историков. Автор подбирает для подкрепления тезисов статистические данные, цитаты, ссылки. Моя претензия: такой подход не пригоден для научного объяснения явлений истории, для раскрытия их причин, факторов.

Понятие «модернизация» у Б.Н. Миронова выглядит как «движение от традиционности к современности», как процессы «индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, социальной и политической мобилизации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций, структурной и функциональной дифференциации общества» (с. 14). Автор считает «критерием успешности модернизации» в конечном счете повышение качества жизни большинства населения (там же). Однако этот критерий

понимается исключительно как экономический, а это явный экономцентризм. Обнаруживается также обычный в марксизме и ранних теориях модернизации *техноцентризм*: модернизации призваны поддерживать, использовать «передовые индустриальные технологии» и управлять ими (с. 14). Таким образом, глубинное социально-онтологическое понимание автором модернизации и хода истории (с. 53) – классический *органицизм*.

Обычно органицизм имеет антизападный, антидемократический, антилиберальный идеологический крен. Это течение имело место в Пруссии, в Германии до середины XX в. В России оно представлено Н. Данилевским, К. Леонтьевым, Н. Страховым и др., проявляясь и сейчас в «наших палестинах». Однако пристрастие Миронова к «органическому» пониманию процессов истории России специфично, сплавлено с однобоким *западничеством* (с. 47, 56, 439–440). Модернизацию (российскую) Миронов подает как «органическое» взросление. Степень «взрослости» измеряется близостью к западным образцам, прежде всего экономическим и технологическим. *Однобокость* понимания «модернизации как вестернизации» ведет к следующему. Уровни свободы, демократии, открытости общества, равенства, верховенства права, разделения власти, веротерпимости, толерантности и т.п. упоминаются лишь вскользь, никак не влияя на оценки «взрослости» и сущности модернизации.

К этим чертам добавлен *антидемократический элитизм* (с. 21–22): недоразвитость, «детскость», низкая культура массы российского «народа» оправдывают, считает Б.Н. Миронов, авторитарное правление (с. 443). Одобрено принудительное «модернизаторское» приближение к западным образцам государства и элиты, лишь бы сохранялась «органическая» постепенность (с. 22, 41, 60).

Модернизация в общем смысле – это совокупность *реформаторских действий (их последствий)*, направленных на сближение социальных и ментальных порядков, черт общества, государства, институтов либо с идеалами, идеями, принципами переустройства, либо с успешными референтными обществами/государствами. Согласно этой дефиниции, модернизациями были реформы Солона в Афинах, реформы средневековых французских, испанских, османских, китайских правителей, военно-организационные реформы молодого Ивана Грозного (по образцу Османской империи), становление режимов Муссолини и Гитлера, коммунистических режимов в Китае, Северной Корее, в Монголии, на Кубе, во Вьетнаме, в странах Центральной Европы и пр., выбравших СССР в качестве ориентира (добровольно или нет). Для полноты напомним попытки Петра III, Павла I, Александра I (начало правления), Косыгина, Андропова.

В модернизациях есть инварианты, обусловленные примером успешных держав, а с начала XVIII в. – европейских образования, науки, технологий, организации государства и армии. Наряду с подражанием (ради эффективности, могущества) было отталкивание – дабы не потерять контроль над населением и экономикой. Ориентиры, цели, условия любой модернизации своеобразны. Пример: большевики, захватив власть и победив в Гражданской войне, строили по-своему государство, экономику, культуру. Верно, их модернизация имела европейскую направленность. Б.Н. Миронов, признав это, относит сакрализацию государства, отмену частной собственности и свобод, демократии к отступлению от образцов. Однако, если принять во внимание действительный идеал В.И. Ленина – мечту о Советской России как единой фабрике, видимое противоречие исчезнет. Таким ориентиром для него была Германская империя времен Первой мировой войны (вполне европейская страна). Отсюда вывод: превращение весьма разнородных 12 (как минимум) модернизаций в некую единую «европейскую модернизацию» России – непродуктивное огрубление.

В классической «теории модернизации» множество модернизаций с XVI–XVII вв. во всем мире имеют сходные векторы. Такую модернизацию можно назвать «новоевропейской», «прозападной», нейтрально – «магистральной». Р. Коллинз предложил понимать под такой модернизацией четыре автономных макропроцесса (тренды, линии, векторы): *бюрократизацию, секуляризацию, капиталистическую (!) индустриализацию и демократизацию.*

Последняя – это развитие *коллегиального разделения власти*: парламентаризм, федерализм, гражданские права и свободы [Коллинз, 2015: 264–293]. Мною предложено дополнить этот перечень *культурным авангардизмом* [Розов, 2017]. Нетрудно заметить сходство концепта магистральной модернизации с позицией Миронова. Но Коллинз раскрывает структуру, причины и механизмы преобразований, препятствия и пути их преодоления во всей сумме трендов; Миронов сосредоточен только на экономике и демографии.

Действительно, о *бюрократизации* Миронов почти не пишет. *Индустриализация* им трактуется технократически. Известна принципиальная *антикапиталистичность* советской индустриализации, но Б.Н. Миронов не придает этому значения, упирая на «конвергентность». О *секуляризации* в книге почти не говорится, а где она упомянута, там конфуз: «Секуляризация массового сознания превзошла все западные стандарты» (с. 28). Но секуляризация «по западным стандартам» – это толерантность, отделение религии от политики, от принуждения, свобода совести, т.е. уважение к праву гражданина верить/не верить в любых богов. Б.Н. Миронов же назвал «секуляризацией» советский *принудительный атеизм*, включавший террор против священнослужителей, разрушение церквей, запреты на участие в религиозных обрядах, праздниках и т.п.

Умолчания красноречивее высказываний. Вот тезис Б.Н. Миронова о демократизации поздней имперского периода: она «началась с местного управления, которое рассматривалось как предварительная стадия для перехода к парламентаризму» (с. 42–43). Упущено, что учреждение Думы вырвано в ходе кризиса 1905 г. Ничего нет о разгонах Думы, блокировании её работы в военное время, обострившее конфликт ветвей власти.

Своеобразно понята советская модернизация в сфере демократии, прав и свобод граждан. В колхозах (особенно), совхозах и госпредприятиях «наблюдались *признаки закрепощения труда* (выделено мной. – Прим. Н.Р.). Был восстановлен государственный патернализм; власть государства стала сакральной. В результате советская модернизация оказалась незавершенной (! – Прим. Н.Р.), «народ не смог реализовать все свои творческие возможности и способности» (с. 41).

Общеизвестно, что в этой модернизации были волны террора, репрессий, тотального порабощения, лжи, пропаганды, искоренения инакомыслия. Остается гадать, действительно ли автор верит в демагогию про «реализацию творческих способностей и возможностей»¹, либо хитрит, подверстывая советский тоталитаризм под модернизацию. Не выдерживает критики и уподобление советского общества крестьянской общине (с. 26).

Б.Н. Миронов пишет: «Постсоветская модернизация вернулась к либеральному (! – Прим. Н.Р.) поздней имперскому проекту. [...] в политическом, общекультурном и социальном отношении вестернизация России за последние 30 лет была беспрецедентной» (с. 439). Следовало бы уточнить, какие признаки либерализма, вестернизации Б.Н. Миронов видит в российской политике, реформах, судебной практике последних 10–20 лет в отношении к оппозиции, правозащитникам, экоактивистам, мирным протестующим и т.п.

Перечислив ряд концепций революции, Миронов не дает ей определения. Но его версию Русской революции несложно реконструировать: здоровое тело Российской империи модернизировалось, приближаясь к западным образцам. Были напряжения, риски, неустойчивость. Многие напортила рвущаяся к власти «контрэлита» (либеральная и радикальная). Неграмотные массы (при том, что их благосостояние росло даже во время войны) поддались пропаганде «контрэлит». Нормальные «болезни роста» модернизации, война, заговор контрэлит, «флешмобы» и «умелый PR», агрессия масс «нанесли травму» здоровой развивавшейся империи: «когда противники монархии весной 1917 г. пришли к власти и провели лишь часть предлагавшихся ими реформ, то это привело страну к коллапсу и Гражданской войне» (с. 44).

¹ Добавим «демократический централизм: подчинение меньшинства большинству» и «коллективная ответственность» (с. 27).

Склеив «либеральную» и «радикальную» контрэлиты (кадеты+ленинцы), Миронов «склеил» Февраль и Октябрь в «революцию», укравшую у России победу: без революции она была бы среди победителей Первой мировой войны (с. 40). О вине каких деятелей речь? Миронову, конечно, известно, кто вел подрывную пропаганду в войсках, кто призывал солдат повернуть штыки на «министров-капиталистов», кто заключил позорный Брестский мир и тем самым «украл у России военную победу». Умолчание о подлинных виновниках «кражи» красноречиво говорит о манипулятивной цели таких заявлений.

Полностью ли ошибочна такая версия революции? Нет. Б.Н. Миронов в одних аспектах прав, в других – ошибается. Верно, распад Российской империи не был фатальным. Проведенный в книге анализ полезен в полемике по этому поводу. Не верно, что революция, распад империи произошли только из-за сочетания «болезней роста» (успешной модернизации), войны и действий подрывной «контрэлиты». Империя была не обречена, а серьезно подорвана. В этих условиях размещение массы солдат в столице стало ошибкой, которая «хуже преступления», что вкупе с отъездом царя обернулось для империи крахом [Розов, 2019: 187–192]. Экономическими данными слабость империи «не ловится», ее составляющие в иной области [там же: 171–173]. Вот перечень только главных факторов: *влияние мировых культурных идей* (марксизм, конституционализм, республиканизм); *взаимное сословное отчуждение* (между образованным классом и крестьянством, «рабочими слободами»); *делегитимация режима* (антимонархические настроения даже военных и полиции); *популярность идеи революции*; *фискальный кризис, невыполнение правительством обязательств* (война, займы и печатанье денег, инфляция); *раскол элит* при неспособности разрешить конфликты (Прогрессивный блок Думы против царской администрации); *наличие политических альтернатив и низовой опыт организаций и действия*; «*молодежный бугор*» [О причинах Русской революции, 2009: 368–427].

Верно, что лидеры Временного правительства (и раннего Петросовета) показали себя никакими политиками, что вело к деструктивным процессам в армии, полиции, государственном аппарате, экономике, в конечном счете – к захвату власти радикалами. Но неверно и нечестно возлагать вину за разруху, кошмары террора и братоубийственной войны на Февральскую революцию, «либералов», «общественность». Настоящая революция – это Февраль 1917 г.; Октябрь был переворотом, узурпацией власти, лишенной легитимности – даже революционной.

Февральская революция была изначально освободительной и прогрессивной – провозглашались конституционализм, демократическая республика, права и свободы, легитимное государство через созыв Учредительного собрания. Октябрьский переворот был лишен массовых протестов и восстаний. В Петрограде и в стране поначалу никто не придавал значения свержению правительства Керенского: политические силы (включая большевиков и левых эсеров!) ждали Учредительного собрания, готовились к нему. Если либеральную, демократическую, конституционалистскую Февральскую революцию сопоставить с разгоном Учредительного собрания, расстрелом демонстрации в его защиту, чекистским террором, то Октябрьский переворот обнаружит свою *контрреволюционную* сущность (вернее, должен был обнаружить, но большевики это искусно скрыли).

Б.Н. Миронов прав, оценивая роль агрессивной ленинской пропаганды. Благодаря риторике Ленина и Троцкого, смене лозунгов им удалось убедить почти всех сочувствующих революции, что узурпация власти большевиками, удушение ростков демократии и республиканизма есть «углубление» революции, ее «пролетарский, социалистический этап».

Согласно генеральной версии «травмы», погубившей здоровое тело империи, Февральская революция с первого дня ее должна предстать результатом чьей-то злонамеренности. Миронов добивается такого впечатления терминами «идеологическая обработка», «технология массовых акций», «флешмоб», ассоциируемыми с обманом, манипулированием, провокациями и «оранжевыми революциями».

Мои размышления о книге Б.Н. Миронова получились критическими. Подводя итоги, сформулирую мировоззренческие разногласия и пункты согласия.

Нам предложен оптимистический взгляд на «гиперцикл российской модернизации» по критерию конвергенции с западными образцами, отвергающий революции с их разрушениями, деградацией и торможением модернизации. В плане гуманистических ценностей множественные российские модернизации редко и незначимо укрепляли защищенность жизни, здоровья, свободы, достоинства человека, будучи главным образом направлены на укрепление авторитарных режимов и военного могущества государств.

Революции бывают разными, многие либеральные демократии – в США, Великобритании, Франции – их результат. Российские революции, несмотря на некоторые достижения (парламентаризм, гражданское и гендерное равенство, отделение церкви от государства, мобильность), оказывались малоуспешными, а то и провальными историческими испытаниями в плане построения гуманных порядков и верховенства права. Оптимизм взгляда Б.Н. Миронова на историю России мне ближе, чем депрессивный пессимизм и фатализм любого толка. Правоммерно и перспективно изучать революции и модернизации вместе. Они – родственные формы качественного, структурного изменения политико-экономических режимов, динамически взаимосвязанные.

Не вызывает возражения тезис Б.Н. Миронова: любая модернизация имеет издержки, потери и напряжения для каких-то групп. При достижении критических значений в сочетании с застарелыми болезнями, расколами, негативными обстоятельствами они делают государство уязвимым к распаду, революции. Отказ от реформ в ответ на вызовы ведет к застою, деградации системы, кризисам и революции. После революций победители строят политические и экономические сферы согласно своим интересам и идеям, проводят реформы и некую модернизацию. Даже подавив революцию, они вынуждены проводить реформы. Необходимы исследования механизмов изменений, модели, опирающиеся на социальные теории. Для историко-социологических исследований модернизаций и революций перспективны:

(1) Социально-онтологическое измерение, включающее искусственное конструирование (целенаправленные действия, *agency*), естественно-историческое складывание (стихийность, безличное изменение, *structure*), объединяющий их аспект исторического испытания (успех/провал стратегий). Первые два компонента у Миронова есть. Осмысление модернизаций и революций в контексте их успеха/провала как испытаний историей (с точки зрения поставленных акторами целей или позиций современных) – задача будущего.

(2) Социологическое, социально-психологическое измерение, включающее социальные порядки (отношения, институты, обмены, практики, ритуалы) и ментальные порядки (установки, габитусы, стереотипы, способности) [Розов, 2018; 2019]. Б.Н. Миронов в главах о рабочих и крестьянах высказал интересные замечания и гипотезы о взаимосвязи ментальных, познавательных способностей и практик. Нужна теоретизация взаимосвязей в концепциях модернизаций и революций.

(3) Динамическое и функциональное измерение с моделями перемен, трансформаций, в том числе учитывающих связи предметов заботы (социальных групп, акторов), обеспечивающих структур (институтов, организаций), издержек и напряжений (в широком смысле). Вызовы-угрозы, вызовы-возможности и ответные стратегии обеспечивающих структур дополняют эту конструкцию. Она позволяет теоретически описать, объяснять стратегии акторов (*agency*) и процессы (*structure*), использовать математические модели.

(4) Политическое измерение, включающее полюс авторитаризма (вертикаль власти) и полюс демократии (коллегиальная власть при регулярной ее сменяемости). Авторитарные режимы обычно не идут на полнокровную магистральную модернизацию, их реформы «сверху» всегда ведут к издержкам и напряжениям. В обоих случаях велики риски. Демократические режимы «заточены» на модернизацию (через сменяемость власти, политическое участие, действия оппозиции, свободную прессу), но не избавлены от риска революций, особенно при слабости государства, в ситуации войны и/или этнических конфликтов.

(5) Для истории России пространство с измерениями *государственный успех/провал и свобода* (защита личности и собственности)/*несвобода* (произвол господства) позволяет включить модернизации и революции в анализ российских циклов.

Книга Б.Н. Миронова – значимый вклад в изучение модернизаций и Русской революции; мысли его полезны для дискуссий и познавательного продвижения в этой сфере исторической социологии.

Трубицын Д.В. Редкое для отечественной исторической науки социологическое исследование прошлого на солидной эмпирической базе под оригинальным углом зрения рассматривает значимые стороны российского общества последних столетий. Освещены «экзотические» для историографии аспекты: преступность и суициды, рождаемость и смертность, брак и внебрачные связи, аборт и контрацепция, когнитивные практики крестьян, включая абстрактное мышление, интуицию, сметку и изобретательность, память, глазомер. Ликвидированные «белые пятна» позволяют строить адекватные картины социальной истории. Не обойдены проблемы методологии: определение лага – отставания в развитии от других стран, скорость его преодоления по совокупности показателей (с. 30–36), контрфактическое прогнозирование (с. 36–40). Отмечу и введение в историографию русской революции не бесспорной теории модернизации для концептуализации исторического материала.

В общем, российские историки не доверяют теоретической истории. Это порождает проблемы, например, при переходе с эмпирического на философский уровень, на уровень моральной оценки исторического явления (как правило, на основе ценностей и/или идеологии). Привлечение историком теории модернизации, теоретических конструктов политологии, психологии продуктивно. Концепция «модернизации» обсуждалась и критиковалась. Работа Миронова также встретила возражения; острота дискуссии говорит об актуальности проблемы и о том, что книга удалась.

Главная мысль автора: российская модернизация успешна и органична. Имеет особенности: идет не «снизу», в отличие от западной, а «сверху», по инициативе государства, протекает медленно и в основном как заимствования идей, институтов и технологий, её вектор – западное направление. При этом главный субъект модернизации – государство – ведет в целом правильную политику, соблюдая баланс стабильности/изменений. Болезненные срывы и отклонения – результат и подтверждение успеха этой политики. Они порождены конфликтом модернизации, когда испытывающее шок общество разрушает государственность. Однако затем оно опять встает на путь модернизации под руководством государства.

Нам непросто критиковать данную концепцию, со значительной частью ее положений мы согласны. Главное в ней – отсутствие объективных предпосылок модернизации России, что выводит на первый план государство и феномен «догоняющего развития». Верно, революция порождена конфликтом модернизации. Однако с этими тезисами соседствуют спорные: успех и органичность «государственной» модернизации, роль в ней власти. Неясен вопрос: считает ли автор революцию закономерной, и в связи с этим были ли неизбежны русская революция начала XX в. и распад СССР конца XX в. С одной стороны, необходимость революции вытекает из трактовки модернизации как болезненного процесса; чем успешнее она, тем острее конфликт. С другой – автор прилагает усилия представить революцию не как закономерный результат исторического развития, а случайное и вредное для модернизации событие, которого можно и нужно было избежать: «Кризисные явления... не вели фатально к революции, а лишь создавали для нее возможность» (с. 162), «не было непреодолимых объективных предпосылок для революции» (с. 150). Отчасти противоречие смягчено тем, что автор считает: она «произошла преждевременно и не реализовала цели, которые первоначально ставили ее лидеры и организаторы» (с. 298). Он полагает политические требования оппозиции неприемлемыми, опережавшими способности общества к самоуправлению. «Политические акушеры поторопились... Новорожденный

оказался недоношенным, революция не смогла решить задачи, которые ставили ее лидеры на либерально-демократическом этапе» (с. 445).

Нельзя не видеть проблему: проходит столетие успешной модернизации «сверху», возникают требования свободы и демократии со стороны значительной части позднего советского и современного российского общества, и эти требования вновь завышены, «новорожденный» не доношен.

Отметим: многое в суждениях автора верно. Прежде всего – преодоление мощной, связанной с господством марксистской историографии тенденции преувеличения социально-классового конфликта (с. 253). Не «рост нужды и бедствий народных масс» стал причиной революции (с. 220). Поскольку разрушение штампов идеологических – важная задача науки, концепция данной работы имеет большое значение. И хотя полностью сбрасывать со счетов «классовый вопрос» нельзя (для низкообеспеченных слоев тезис о «росте нужды и бедствий» верен), обнаружение этого факта заставляет продолжить изучение причин революций.

Значимы результаты исследования кризиса российской государственности накануне революции, который не есть упадок (с. 23). Не война стала непосредственной причиной крушения монархии: «сельское хозяйство, промышленность и транспорт в целом справились с задачей мобилизации экономики на нужды войны» (с. 112). Историк рисует картину: не правительство виновно в революции, а конфликт модернизации, немного – война, а более всего – безответственная оппозиция. Критики писали, что «борясь с одной крайностью – преувеличением кризисных процессов имперской России, Б.Н. Миронов впал в другую – недооценку трудностей российской модернизации» [Хорос, 2010: 166]; отмечали излишнее доверие ученого официальной статистике рухнувшего государства и другие недостатки. Однако, полагаем, работа актуализирует более глубокий методологический и социально-практический пласт проблем. Поскольку революция произошла, не значит ли это, что правительство сделало не все, чтобы ее избежать и вести страну по пути «органичной модернизации», или, что важнее, революция в процессе модернизации неизбежна при любой деятельности недемократического правительства?

Автор перечисляет заслуги правительства в экономической модернизации (с. 220), выглядят они убедительно. Но он не склонен считать, что перечисленное было вырвано у правительства борьбой. Особенно ярко демонстрирует эту тенденцию оценка политического курса, который признан «достаточно успешным»: «российская государственность эволюционировала (курсив наш. – Прим. Д.Т.) от самодержавия к конституционной монархии и в 1905–1906 гг. стала таковой» (с. 20–21).

Акцент на эволюции, не революции – главная мысль книги и авторской концепции. Остается вопрос – имела бы место «эволюция», если бы не борьба, включая революционную? Имеет ли место прогрессивное изменение политического строя только по инициативе власти? История дает мало примеров прочного успеха эволюции социальных форм на основе альтруизма элит. Показательна Синьхайская революция в Китае. Незадолго до нее развернулась реформаторская деятельность правительства, было объявлено о намерении ограничить монархию, создать комиссии по разработке конституции. Но делалось это под давлением революционного движения, что не спасло страну от революции, а монархию от крушения. Как и Османскую империю не уберегли от революции реформы Танзимата.

Но автор настаивает: «К числу важнейших следует отнести политическую реформу, создавшую в России народное представительство в 1905–1906 гг. и даровавшую народу (курсив наш. – Прим. Д.Т.) гражданские права» (с. 74). О том, какой ценой общество получило «дар», он предпочитает молчать, приписывая правительству добрую волю. Есть причины сомневаться, что курс царского правительства соответствовал потребностям времени, а желания оппозиции были завышены. Либеральный лагерь был умерен. В момент восшествия на престол Николая от царя ждали реформ, но он был только за ограничение бюрократии. Лишь единицы выступали за конституционную монархию, максимум

пожеланий (не требований!) – выборный законосовещательный орган: «народу – мнение, царю – власть». Царь ответил: «В последнее время слышались голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть же все знают, что я буду сохранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как сохранял его мой незабвенный родитель» (цит. по: [Шацилло, 1991: 326–365]).

Одна из задач политической модернизации – деперсонификация власти. Промышленный переворот, формировалось общество, требующее независимой от государя, его жены и «нашего друга» системы управления. Личность царя – в вердикте историков – не ему бы управлять страной в драматический период. Вот что он писал по поводу Манифеста 17 октября: «России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное» [там же: 356]. Против тезисов Б.Н. Митрофанова два факта: 1. Настроенных против политической модернизации было немного и становилось все меньше. 2. Император и его окружение шли на реформы только под давлением революционного движения. Сегодня можно приписывать царскому правительству благородные побуждения (не говорю, что их не было), но запись императора в дневнике 9 января 1905 г. выдает истинное положение дел: «В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца» [там же: 351]. Заметим: похоже на «митинги протеста разгоняются потому, что не согласованы».

Потребность в реформах порождалась объективным процессом развития экономики. Несмотря на отсутствие предпосылок модернизации «снизу», трансформационные процессы все же идут. Модернизация не проводится только государством, даже если изменения в основном исходят от него. Оно прилагает усилия к чему-то, «дирижирует» чем-то. Отношение царского режима к реформам требует отнести успехи развития не на счет монархии, а на счет общества – передовой части его элиты, активных трудолюбивых крестьян, рабочих, предпринимателей, представителей интеллигенции. Автор исчисляет лаг отставания, показывая сокращение Россией разрыва с западными странами. Но уверен: исследования Индии, Китая, Ирана, Турции тоже покажут движение и сокращение отставания. Приписывать это правительствам все равно что хвалить врача за естественное здоровье пациента. Обстоятельство, что страны второго эшелона развиваются быстрее стран первого, поскольку используют готовые идеи, институты и технологии, известно. Это тем важнее, что полностью опровергает теорию отсталости и зависимого развития, разделяемую автором (с. 64). Вопреки ей количество индустриально развитых стран, начиная с последней трети XVIII в., растет в прогрессии, в чем нет заслуги правящих элит.

Книга в плане методологии сближает историческую науку с социологией. Движение в сторону «проверяемой истории» и преодоление мифологизации прошлого необходимо науке и обществу. Но есть в этом сближении недостатки. «Социальная структура в пореформенное время претерпела коренную, но мирную трансформацию... Вертикальная мобильность существенно возросла, поддерживая трансформацию социальной структуры из сословной в классово-профессиональную... Поскольку имперская Россия развивалась, а благосостояние населения росло, модернизацию следует признать успешной» (с. 20–21). Эти и другие суждения не вытекают из представленных данных, если применять критерии социологии. Да, ускорение социальной трансформации в начале XX в. налицо. Но что значит и как фиксируются «коренная трансформация» общества и «существенное возрастание» социальной мобильности? Как соотнести эти показатели с показателями других стран на этапе модернизации до и после свержения традиционных режимов? То же самое – оценка политики самодержавия (с. 44). Для доказательства ее эффективности недостаточно перечислить нововведения правительства.

При всем успехе работе Митрофанова не хватает обобщения совокупной действительности. Книга насыщена эмпирией, но *главные* ее тезисы остаются суждениями, лишь

подкрепленными фактами. Одному оценочному суждению можно, однако, противопоставить другое. «Имперская модернизация проходила по классическому европейскому сценарию», – пишет автор (с. 439). Понимая, что это не опровержение, обратим внимание на взгляд со стороны: «Когда я рассуждаю о всем, что в русском социальном и политическом строе есть архаичного, отсталого, примитивного, я говорю себе: “Такой была бы Европа, если бы у нас в свое время не было возрождения, реформации и французской революции”» [Палеолог², 1991: 27].

Применяя метод контрфактического прогноза, автор задает вопрос: какой бы стала Россия, если бы продолжилась имперская модернизация? (с. 36). Вывод: она обеспечила бы больший прогресс. Но факт, что до революции наблюдался экономический рост, а в первый революционный год он падает на десятилетия, не означает ни отсутствия нерешенных вопросов, ни того, что их могла решить прежняя власть. «[П]озднеимперская модернизация была эффективнее советской», ее сохранение «принесло бы лучшие результаты» (с. 440). С первым утверждением мы согласны, но не по результату метода, а из-за разницы в человеческой цене достигнутого. Что касается метода, правомерно ли его применять, если революция закономерна? Сложно признать верным результат прогноза динамики системы, когда подсчитываются издержки события, явившегося следствием функционирования системы. Такой метод применим для случайных извне инициированных событий, не для последствий принципов существования объекта. В данном случае он позволяет не замечать, что последствия исследуемого события могут лишь казаться таковыми. На деле это событие могло быть триггером, не причиной последствий.

Если больной умер в реанимации, в этом не вина реаниматологов. Так и с воздействием войны. Автор помещает «трудности военного времени» в число причин революции. Но война здесь нечто внешнее. Он пишет: революция «украла победу», что имеет смысл для тех, кто свяжет свои и национальные интересы с имперской политикой. Позволительно утверждать, что революция и сепаратный выход из войны связаны с политикой государства и шовинистическими настроениями, им подогреваемыми. Воинствующее славянофильство и великодержавие, выдаваемые за патриотизм, служили легитимации режима. Как незадолго до этого ему понадобилась маленькая победоносная война на Востоке, так и теперь режим (надо признать – и часть общества) хотел утвердиться за счет войны. Военное поражение – фактор крушения режимов и начала реформ, автор это знает. Но не спешит сказать, что войны – средство господства внутри страны.

Вышесказанное – не упрек, а репер на будущее. Социальная наука не располагает пока методами доказательства/опровержения того, что «кризис не вел фатально к революции» (с. 23). Нужно не осуждать автора за ошибку (если это ошибка), а выяснить, все ли он сделал, исходя из доступных методологических средств и фактического материала, для обнаружения истины. Эта работа – серьезная попытка оторваться от спекулятивной истории и сделать исследование подлинно научным, снабдив его методом и теорией. Однако она не могла стать стопроцентно успешной, отрыв не полон, выводы содержат элементы того и другого. Так, показывая ужасы революции, автор практически ответственность царского правительства возлагает на оппозицию.

Любая, даже успешная революция неизбежно доходит до крайностей гражданской войны, голода, насилия, бандитизма. Падение экономики с февраля 1917 г. – понятный факт; было бы странно ожидать экономического подъема или стабилизации. Историография с этим сталкивалась – когда-то на подобную критику Великой французской революции ответил Троцкий со свойственными ему пафосом и грубостью [Троцкий, 1991: 552]. Но наш автор в более выгодном положении, поскольку имеет дело с революцией, завершившейся поражением.

И здесь важный момент. Для доказательства концепции автору нельзя разделять февральскую демократическую революцию и октябрьский переворот, напротив, нужно

² Посол Франции в России в 1914–1917 гг.

объединить их в Великую русскую революцию. Он задействует даже *Историико-культурный стандарт преподавания истории*, который признал: «В 1917 г. произошла одна Великая российская революция», что представляется ему «вполне резонным» (с. 67). Но меньше всего должен интересовать ученого стандарт преподавания (если он не объект исследования), тем более стандарт государства, в отношении которого стоит та историческая повестка, что стояла в отношении исследуемого; несколькими годами ранее «стандарт» признавал противоположное. Мы знаем точно: октябрьский переворот, хотя и был закономерен, не вытекал с «железной необходимостью» из февральской революции. У этих разных, связанных событий разные причины, разные морально-идеологические основания. Обосновывая свой шаг, автор обращается к Великой французской революции, которая не делится на разные революции в зависимости от того, кто пришел к власти. Якобинцы не продержались 70 лет, не смогли направить страну в противоположную сторону. Если это обстоятельство несущественно, то русская революция продлевается до конца XX в., а учитывая «революционные» отличия нынешнего режима от того, что хотели демократы перестройки, она продолжается сейчас.

Приведем пример – Китай, революция 1925–1927 гг. Должны ли мы считать тянувшееся десятилетия противоборство Гоминьдана и КПК «единой китайской революцией», завершившейся в 1949 г. разгромом Чан Кайши? Кстати, «китайский Бонапарт» провел ряд прогрессивных реформ в экономике, но не успел получить от них политический эффект, проиграв войну. Осуждать ли демократов 1925 г. за приход к власти коммунистов?

Но если события Февраля и Октября различны, хотя и связаны, необходима типология революции. Автор уделяет этому немного внимания в предисловии, но в целом соглашается с идеей отсутствия в истории России революций вообще, наличия бунтов, разрушающих государство, не приводящих к позитивным последствиям. Между тем вопрос типологии революций в общественных науках не закрыт. Различны трактовки понятия в исторической науке и социологии. В первой под влиянием Просвещения понятие революции используется в этимологически прямом – философском – смысле, как скачок в развитии, связанный с насильственным свержением отжившего политического строя. Для социологии революция – крушение политического режима, не обязательно с выходом на новый уровень развития. Есть понятие «консервативная революция». В общем, на теоретическом уровне требуется разработка понятийного аппарата. Без этого концепция испытывает затруднения. Необходимость революционного преобразования политической системы в процессе модернизации не опровергается тезисом, что революция, начавшись как демократическая, завершила в левозкстремистское русло, став, по сути, контрреволюцией. Если рассуждать так, всякая неудача любого начинания является основанием ничего не начинать. Здесь главный логический аргумент автора против него самого: «свержение монархии не может служить показателем краха имперской модернизации» (с. 22), поражение демократической революции не говорит о том, что она была не нужна. Факт, что последствием революции в Германии стал приход к власти нацистов, не значит, что не заслуживало свержения кайзеровское правительство, развязавшее мировую войну.

Автор много усилий прилагает к тому, чтобы представить предпосылки революции случайными и субъективными. Для этого использованы термины «флешмоб», «PR» и т.п.: не думай интеллигенция о революции, ее бы не было. Но остроумные идеи не скроют серьезность ситуации в историческом контексте. На исходе Первой мировой рухнули четыре – российская, германская, австрийская, османская – империи. Еще до войны развернулось «пробуждение Азии». «Флешмоб» оппозиции в Ухане обрушил трехсотлетнюю цинскую монархию, «PR-акция» привела к младотурецкой революции, проиграла «информационную войну» монархия в Иране, оппозиция «раскачивала лодку» Британской Индии. Нельзя не учитывать революционного движения по всему миру, обрушение/сотрясение могущественных азиатских монархий, указывающие на закономерность и, видимо, неизбежность революции. Другое дело, способно ли общество без монархии выстроить *современные отношения*?

Доводы автора своевременны. Перед нами историческое предостережение, книга, главной мыслью обращенная не в прошлое, а в настоящее и будущее. Она заставляет задуматься, стоят ли не гарантируемые положительные результаты революции последствий слома прежнего режима? Открыт и другой вопрос – не становятся ли трагические последствия результатом несвоевременного решения проблемы политической трансформации, не стали ли разруха, голод, гражданская война и террор отложенным эффектом функционирования порочной политической системы? Оба вопроса правомерны, их нужно обсуждать. И книга – сильное к тому побуждение.

В ходе эволюции российского общества сохраняется одна из главных проблем модернизации – политический режим. Неоднократно разрушавшийся сам и разрушавший государство, он воссоздается; вместе с ним – один из блокираторов поступательного развития страны. Предложенная концепция призывает: забудем внутренние раздоры, продолжим строить единую Россию. Привлекательно. Но что если недосказанное автором о «государственной модернизации» важнее сказанного? Если российская модернизация не завершена в ходе ряда попыток именно потому, что авторитаризм удовлетворял как способ управления? Как воздействовать на такой режим, нейтрализовать его негативные последствия? Автор призывает идти постепенно, минуя насилие и революцию. Это можно приветствовать. Остается вопрос: что делать, если власть предпринимает контрмодернизационные шаги, используя управляемую часть общества, массированно продавая ресурсы, уничтожая природу, преследуя оппозицию и т.д.? Должно ли общество, увидев цифры роста ВВП за счет вывоза ресурсов, смириться и «ждать» с демократией? Мы не призываем к революции, понимая, к каким последствиям она может привести. Но что делать с отсутствием в истории примеров мирной трансформации традиционной политической системы в современную, во всяком случае, среди значимых стран? Можно ли учиться демократии, не идя к ней?

Приведенные автором аргументы и факты подтверждаются историческим контекстом не только русской революции. Вот урок, который книга позволяет усвоить: тому, кто считает насильственный слом системы неизбежным, перед тем как разрушать, нужно думать над созиданием. История показывает, что проблема не столько крушение режима (он справляется с этой задачей), сколько создание нового, более совершенного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М.: Институт российской истории, 2002.
- Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.
- Камынин В.Д., Запарий В.В. «Оптимисты» и «пессимисты» о причинах русской революции // История и современное мировоззрение. 2019. № 4. С. 85–99.
- Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. Н.С. Розова. М.: УРСС, 2015.
- Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л.: Наука, 1976.
- Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Весь Мир, 2012.
- Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дм. Буланин, 2019.
- Нефедов С.А. Суета вокруг революции // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 1. С. 5–12.
- О причинах русской революции / Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, С.Ю. Малкова. М.: ЛКИ, 2009.
- Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Полторак, 2013.
- Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Репринт изд. 1923 г. М.: Политиздат, 1991.
- Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга вторая. Причины, динамика и смысл революций. М.: УРСС, 2019.
- Розов Н.С. Вектор русской революции 1917 г. – модернизация или контрмодернизация // Политические исследования. 2017. № 2. С. 8–25.
- Розов Н.С. Козволюция трех порядков – объяснение динамики российских циклов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 12–22. (In Russ.)
- Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 1–2. М.: Панорама, 1991.

- Ханин Г.И. Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // Идеи и идеалы. 2010. № 2. С. 64–72.
- Хорос В.Г. О причинах российской революции // Политические исследования. 2010. № 5. С. 161–175.
- Шацкилло К.Ф. Николай II: реформы или революция // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – нач. XX в. М.: Политиздат, 1991. С. 326–365.
- Nefedov S., Ellman M. The Development of Living Standards in Russia Before the First World War: An Examination of the Anthropometric Data // *Revolutionary Russia*. 2016. Vol. 29. Issue 2. P. 149–168.
- Ransel D.A. Single Research Community: Not Yet // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. No. 3. P. 550–557.
- Turner B.S. (ed.). *The Cambridge Dictionary of Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia // *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia* / Ed. by E. Kingston-Mann, T. Mixer Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 128–172.

Подготовил Н.В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», гл. научный сотрудник ИС ФНИЦ РАН, Москва, Россия (socs@isras.ru).

RUSSIA: FROM THE PAST TO THE FUTURE (round table on the book by B.N. Mironov)

Participants: Sergey A. NEFEDOV, Dr. Sci. (Hist.), Leading Researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Prof. of Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia (hist1@yandex.ru); Nikolay S. ROZOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Center for Social Philosophy and Theoretical History at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and Novosibirsk State University, Novosibirsk (nrozov@gmail.com); Dmitriy V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Trans-Baikal State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. B.N. Mironov, a permanent author of “Historical Sociology” section of our magazine, in his work “Russian Modernization and Revolution” (2019) went beyond the chronological framework of the social history of Russia during the empire period (XVII century – February 1917), expanding the discussion of the essence and results of the entire history of the country through the Soviet decades into the future. The author showed potential of sociological tools in solving such problems, possibilities of historical sociology, which, nominally existing in our scholarship, still seems to be an unsettled enterprise. The editorial board of the journal invited historians, sociologists, and social philosophers to speak on this range of issues in order to clarify efforts of socio-scientific thought to understand current and future problems of our country, the complexity and painfulness of which always makes us turn to the past, to the origins of today. The discussion of the book revolved around two key problems: databases created by B.N. Mironov in the course of his research, and modernization theory (created in the 1950–60s by the American sociologist T. Parsons), as a theoretical framework for understanding and interpreting the country’s social progress in B. Mironov’s book. The discussion on the second problem showed that this framework is not able to fully serve as a basis for developing ways of moving modern Russia into the future.

Keywords: social history, history of Russia and the USSR, B.N. Mironov, theory of modernization, modern problems of the country, the future of Russia.

REFERENCES

- Anfimov A.M. (2002) *P.A. Stolypin and the Russian Peasantry*. Moscow: Institut rossiyskoy istorii. (In Russ.)
- Collins R. (2015) *Macrohistory. Outline of Long-Duration Sociology*. Moscow. (In Russ.)
- Gregory P. (2003) *Economic Growth of the Russian Empire (late XIX – early XX century)*. New calculations and estimates. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Kamynin V.D., Zaparyi V.V. (2019) “Optimists” and “pessimists” about the causes of the Russian revolution. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie* [History and modern worldview]. No. 4: 85–99. (In Russ.)
- Khanin G.I. (2010) What was the social differentiation in pre-revolutionary Russia? *Idei i idealy* [Ideas and ideals]. No. 2: 64–72. (In Russ.)

- Khoros V.G. (2010) On the Causes of the Russian Revolution. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 5: 161–175. (In Russ.)
- Kruse E.E. (1976) *The situation of the working class in Russia in 1900–1914*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2012) *The Welfare of the Population and the Revolution in Imperial Russia: XVIII – early XX century*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2019) *Russian Modernization and Revolution*. St.-Petersburg: D. Bulanin Publ. (In Russ.)
- Nefedov S., Ellman M. (2016) The Development of Living Standards in Russia Before the First World War: An Examination of the Anthropometric Data. *Revolutionary Russia*. Vol. 29. Issue 2: 149–168.
- Nefedov S.A. (2017) Vanity around the revolution. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. Vol. 24. No. 1: 5–12. (In Russ.)
- Ostrovsky A.V. (2013) *Grain Production in European Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries*. St.-Petersburg: Poltorak. (In Russ.)
- Paléologue G.M. (1991) *Imperial Russia just before the Revolution*. Moscow: Politizdat (reprint edition, first published in 1923). (In Russ.)
- Ransel D.A. (2001) Single research community: not yet. *Slavic Review*. Vol. 60. No. 3: 550–557.
- Rozov N.S. (2017) Vector of the 1917 Russian Revolution – Modernization or Counter-Modernization. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 8–25. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2018) Co-evolution of Three Orders – An Explanation for Russian Cycles Dynamics)? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 12–22 (In Russ.).
- Rozov N.S. (2019) *Philosophy and Theory of History. Book 2. Causes, Dynamics and Meaning of Revolutions*. (In Russ.)
- Shatsillo K.F. (1991) Nicholas II: Reforms or Revolution. In: *National History: People, Ideas, Solutions. Russian Historical Essays for the Period from the 9th Century to Early 20th Century*: 326–365. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Trotsky L.D. (1991) *My Life: An Attempt at an Autobiography*. Vol. 1–2. Moscow: Panorama. (In Russ.)
- Turner B.S., ed. (2006) *The Cambridge Dictionary of Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wheatcroft S. (1991) Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia. In: E. Kingston-Mann, T. Mixer (eds.) *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1991: 128–172.

СВЯЩЕННЫ ФАКТЫ, МНЕНИЯ СВОБОДНЫ

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (mironov1942@yandex.ru).

Аннотация. Б.Н. Миронов поблагодарил за организацию обсуждения его труда и выразил надежду, что его исследования помогут понимать современные проблемы страны и конструировать движение России в будущее. Он не согласился с мнением о нецелесообразности применения теории модернизации для анализа проблем, оказавшихся в центре внимания его как исследователя. Идея модернизации использовалась как гипотеза, нуждающаяся в тестировании эмпирическими данными. В статье автор сосредоточился на полемике с оппонентами, ставившими под сомнение отдельные приведенные им в исследованиях факты и последовательно разобрал аргументы участников дебатов. Он остановился также на смыслах позиций некоторых участников обсуждения его научного труда.

Ключевые слова: теория модернизации • повестка исследования • эмпирические данные • ВВП • душевое потребление

DOI: 10.31857/S013216250019223-8

Центральным вопросом дискуссии стал вопрос целесообразности использования теории модернизации при изучении России периода империи. Прозвучало, что теория устарела. Не могу с этим согласиться. Во-первых, за 70 лет теория сильно изменилась и продолжает развиваться. Теоретики неомодернизационной версии ревизовали такие принципиальные характеристики процесса модернизации, постулированные классиками, как необратимость, прогрессивность, протяженность, эволюционность, однолинейность, закономерность, случайность. Благодаря этому концепция позволяет рассматривать и анализировать общество как реальный, живой, разнородный, многоуровневый, вариативно реагирующий на вызовы среды субъект истории.

Во-вторых, до революции 1917 г. Россия не достигла в полной мере уровня современности, а ее развитие в новое время сравнительно с другими европейскими странами не отличается оригинальностью. В России не было ни одного института, который бы не встречался в какой-нибудь европейской стране. И это естественно. Что бы ни говорили об уникальности, Россия принадлежит европейской цивилизации. 1158 лет со дня рождения ее государственности в 862 г. она находилась в постоянном контакте с остальной Европой, а с конца XVII в. и до начала XX в. ее правящий класс намеренно и во всем подражал развитым западноевропейским странам. Россия в большей или меньшей степени повторяла пройденный ими путь. Изучать европейскую страну как страну европейскую – не проявление европоцентризма. Пока никто не обнаружил, что какое-нибудь европейское общество в новое время развивалось в ином направлении, чем от аграрного традиционного общества к промышленно-городскому. Определение традиционного и общества модерна, а также пути трансформации первого во второе, намеченные теорией, для европейских стран общепризнаны. О моральном износе теории можно говорить применительно к современным постиндустриальным обществам или к слабо развитым странам Африки, Ближнего и Дальнего Востока, Латинской Америки. Потому что первые решили задачи модернизации и перешли на новый уровень, а вторые не являются ранними версиями

Автор выражает благодарность журналу «Социологические исследования» за организацию обсуждения монографии, которое получилось острым и конструктивным, считая это большой честью.

современных обществ. Это не означает, что теория модернизации является «вечно молодой» и всегда останется вершиной научной мысли. Спрос на новые подходы существует, они предлагаются, но пока теория модернизации работоспособна – повторяю, при изучении европейских обществ Нового и начала Новейшего времени.

Подчеркну, у меня нет претензий на теоретическое осмысление проблемы модернизации. Моя книга – эмпирически-экспериментальное исследование, в котором из концепции модернизации используются определение традиционного и модернистского общества и повестка исследования по изучению трансформации первого во второе. Это не предопределяет выводов – я рассматриваю положения теории как гипотезы и проверяю их эмпирически. С равным правом можно сказать, что я использую марксистскую, мальтузианскую, структурно-демографическую, психосоциальную или институциональную концепции революции. Но и их положения для меня не аксиомы, а гипотезы, нуждающиеся в тестировании.

Хочется ответить на некоторые замечания участников дискуссии, следуя принципу – священны факты, мнения свободны. Коснусь только моментов, где оспариваются фактические данные и расчеты и где неадекватно поняты или искажаются мои выводы по ключевым вопросам.

Читатель понял, что в российской и мировой историографии сосуществуют альтернативные точки зрения на развитие позднеимперской России, их условно можно назвать пессимистической (нормативной в советской историографии) и оптимистической. Пессимисты настаивают на экзистенциальном происхождении революции – низы не могли жить по-старому ввиду тяжелого положения, оптимисты – на политическом – верхи хотели и могли управлять по-новому, но им помешали. В обсуждаемой книге я представляю оптимистическую точку зрения.

С.А. Нефедов ставит под сомнение оптимистическую концепцию, впервые сформулированную мной в 1999 г. в «Социальной истории», и утверждает, что 20 лет я игнорирую призыв американского слависта Д. Рансела идти в ногу с западными методами и видеть в статистической информации скрытый смысл. Эта критика относится к 2001 г., времени расцвета постмодернистской методологии в США. Под современными методами постмодернист Рансел как раз ее и подразумевал. Однако постмодернизм ставит под сомнение методологическую ценность научных понятий и статистических серий; с недоверием относится к любой теории и любой объяснительной системе. В исторической методологии постмодернисты рекомендуют по возможности избегать количественных данных; не использовать методологию современных социальных наук. Как большинство исследователей, я не принял методологию постмодернизма, хотя взял на вооружение ряд ее идей. Мои симпатии до сих пор принадлежат междисциплинарной истории, большим данным и математико-математическим методам, культурной антропологии, структурному функционализму и неозволюционизму, а также историкам школы «Анналов» – Ф. Броделю, М. Блоку, Ле Руа Ладюри, Ф. Арьесу, Ж. Ле Гоффу, Э. Лабруссу, Л. Февру и их коллегам. Во всех своих исследованиях я по сути дела занимаюсь извлечением скрытой информации из статистических и нарративных источников методами математической статистики. Призывы Рансела меня не увлекли по принципиальным соображениям. Думаю, я сделал правильный выбор. Мода на постмодернизм прошла, исследователей потянуло к базовым принципам классической методологии, с которыми я не расставался.

В обсуждаемой книге предложены 12 показателей, свидетельствующих о росте уровня жизни в пореформенной России. Нефедов оспаривает их приемлемость и достоверность. Как известно, основой благосостояния страны является валовой внутренний продукт (ВВП). Существует несколько оценок его динамики в России в 1885–1913 гг. Все они свидетельствуют о его значительном росте в абсолютном и душевом измерении. Расхождения касаются темпов роста ВВП. Согласно самому основателю исследования П. Грегори, в 1860–1913 гг. средний годовой прирост ВВП составил 2,5%, душевой – около 1%, в 1885–1913 гг. – до 2% [Грегори, 2003: 245]. Нефедов отвергает эти оценки: они якобы не учитывают данных о ремесленном производстве и опираются на недостоверные данные

об урожаях. Сведения о ремесленной продукции необходимы при оценке ВВП по произведенным товарам и услугам. Но Грегори оценивал его по расходам экономических субъектов, для чего эти сведения не нужны. Грегори вносит поправки и в сведения об урожае.

Увеличение оборота торговли и величины потребления *на душу населения* является важным и надежным показателем реального роста уровня жизни широких слоев населения. Но по Нефедову они ненадежны, поскольку якобы не учитывают ремесленное производство и реализацию товаров на местных рынках. При расчете товарооборота приняты во внимание все торговые заведения, а также ярмарочная, базарная и разносная торговля, в силу чего все товары местных рынков, включая ремесленные, учтены. За 1885–1913 гг. оборот вырос в постоянных ценах в 1,7 раза [Струмилин, 1979: 444]. Известный статистик В.Е. Варзар рассчитал индекс физического объема *потребления* СССР за 1887–1913 гг.: душевое потребление в ценах 1913 г. увеличилось в 1,4 раза [Варзар, 1928].

С выводом о росте потребления коррелирует увеличение на треть количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, между 1886–1890 и 1911–1913 гг. Нефедов их надежность также отвергает по причине несопоставимости: якобы в 1893 г. изменились методы определения урожайности и посевных площадей. На самом деле «реформа» урожайной статистики 1893 г. состояла лишь в том, что озимые и яровые хлеба стали учитываться раздельно, а данные о посевных площадях стали собираться ежегодно, в то время как ранее – один раз в несколько лет [Массовые источники, 1979: 247–249].

Итак, потребление населения, в том числе крестьянства (85% населения в 1913 г.), росло, что предполагает повышение доходов земледельцев от земли и от посторонних заработков. Нефедов утверждает, что ни того, ни другого в российской деревне не наблюдалось. Начнем с зарплат. В моей книге речь идет о повышении номинальной зарплаты в 50 губерниях Европейской России с 1850-х до 1911–1913 гг. в 3,8 раза. Потребительские цены за анализируемый период повысились в 2,4 раза [Струмилин, 1967: 82], значит, реальная среднегодовая зарплата сельскохозяйственных рабочих мужского пола увеличилась в 1,6 раза. Однако критик оценивает инфляцию другим способом – по количеству килограммов ржи, которое можно купить на дневную оплату в период сева с 1885–1889 гг. по 1909–1913 гг. В силу этого в его оценке, *с точки зрения статистики, пять ошибок*: 1) В монографии взят период в 57 лет (1850-е – 1911–1913 гг.), у Нефедова – 25 лет (1885–1889–1909–1913 гг.). 2) Учтено 50 губерний Европейской России, у Нефедова непонятно, о какой территории идет речь. 3) У меня *среднегодовая* зарплата, у Нефедова оплата в период сева. 4) Я брал рабочих-мужчин, у Нефедова непонятно кто (замечу, женский труд оплачивался в 1,6 раза ниже). 5) Главное – в книге инфляция оценивается принятым в современной экономической науке способом, Нефедов использует устаревший способ, который не дает надежных результатов. Реальная зарплата российских рабочих с 1880-х по 1911–1913 гг. выросла скромнее – в 1,25 раза.

Об увеличении доходов населения свидетельствует и громадный рост вкладов в банки и в первую очередь в сберегательные кассы. С 1865–1869 гг. по 1909–1913 гг. в Европейской России число вкладчиков на 1000 жителей увеличилось в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика – в 1,7 раза, величина вклада на одного жителя страны – в 145 раз с учетом инфляции. Нефедов считает увеличение вкладов следствием расширения сети сберкасс. На самом деле рост доходов населения стимулировал открытие новых касс, так как *увеличение числа касс опережало потребности населения*. В 1863–1873 гг. Госбанк учредил 27 касс в городах, но они не открылись, а 14 касс, учрежденных ранее, были закрыты «по ненадобности для местного населения». Все эти кассы начали работать спустя 12–20 лет, в 1885 г. В сельской местности в 1884–1885 гг. Госбанк разрешил открыть 326 касс. Фактически открылись 160. Из них две не начали операций «за неявкою вкладчиков» [Ежегодник, 1888: 453–457].

Согласно Нефедову, массовая скупка земли крестьянами имеет «лишь косвенное отношение» к уровню жизни, земля-де покупалась в кредит. На самом деле – прямое: проценты нужно выплачивать, а для этого доходы должны существенно вырасти. За 27 млн га

земли, купленной крестьянами в 1862–1910 гг., даже проценты представляли огромную сумму, и они ее заработали. Почти все граждане США живут в кредит, но никто не считает их на этом основании бедняками.

Рост ВВП и душевого потребления товаров, в том числе продовольствия, повышение реальной зарплаты и вкладов в банки невозможны при стагнации/деградации сельского хозяйства, тем более экспорт сельхозпродуктов из России в пореформенный период быстро возрастал. Нефедов, опираясь на официальную статистику урожаев, настаивает, что в сельском хозяйстве прогресса не наблюдалось. Урожайной статистике никогда не доверяли; неточность в 10% признается несущественной [Массовые источники, 1979: 255]. Ввиду этого расчеты потребления на ее основе ненадежны. Нефедов утверждает, что официальная статистика позволяет легко определить реальную динамику потребления. Однако его расчеты (если из валового сбора вычесть экспорт и расходы на посев) серьезно искажают истинную картину. Остаточного продовольствия не хватит даже для удовлетворения физиологических потребностей земледельцев. А если расход на фураж принять по нормам, которые принимаются диспутантом, дефицит составит 27%! Столь огромный недостаток продовольствия привел бы к постепенному вымиранию деревни [Миронов, 2014: 160–161].

Питание населения свидетельствует о его – продовольствия – адекватности. Данные о питании крестьян (7381 хозяйство 13 губерний Европейской России за 1896–1915 гг.) и горожан (13 594 семьи в Баку, Богородске, Москве, Оренбурге, Петербурге, Саратове и Туле) показали: в количественном отношении питание крестьянства было достаточным, хотя ухудшалось в годы неурожаев и в рационе не хватало жиров и белков. Горожане даже нижней имущественной группы питались удовлетворительно [Миронов, 2012: 351–374].

Уровень потребления можно оценить и по данным о росте (длине тела), весе и индексе массы тела – в медицине и ауксологии они рассматриваются в качестве показателей биологического статуса населения. Согласно расчетам, в пореформенный период они повышались. Например, финальный рост мужчин, родившихся 1911–1915 гг., был на 5,1 см выше, чем у родившихся в 1861–1865 гг. (169 см против 163,9 см). Нефедов оспаривает этот вывод: данные о росте новобранцев в России ввиду изменений требований являются сопоставимыми только за 1874–1912 гг., но и в течение этого периода изменилась методика учета длины тела, ввиду чего в действительности рост новобранцев уменьшался. Эти утверждения не соответствуют фактам. До введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. требования к росту новобранцев менялись, как правило, в сторону понижения, что делало данные за разные годы не вполне сопоставимыми. Но в современной исторической антропометрии эта проблема успешно решается с помощью *метода максимального правдоподобия, для его применения разработана специальная компьютерная программа*. Метод унифицирует выборки за разные годы, делая их однородными и сопоставимыми. Эта стандартная методика обработки ростовых данных, принятая в мировой антропометрии, подробно объяснена [Миронов, 2012: 98–108].

Надуманым является и утверждение об изменении в 1890 г. методики учета призывными комиссиями данных о длине тела. Управление по делам о воинской повинности слегка изменило форму представления годового отчета воинских присутствий, сохранив прежнюю методику. Отсутствие в указе пояснений и объяснений привело присутствия к выводу, что все остается по-прежнему, и они долгое время сохраняли даже форму представления отчета. И были правы. Само Управление по делам о воинской повинности в ретроспективных сводках сведений о росте указывало единые ростовые интервалы, установленные в 1874 г., для всего периода 1874–1913 гг. [Статистика..., 1897: 132; Народное хозяйство, 1924: 52–53]. В ежегодных отчетах Военного министерства также указывались единые ростовые интервалы для всего периода 1874–1912 гг. [Столетие, 1914: 175, 285–301; Всеподданнейший отчет, 1877: 144; Всеподданнейший отчет, 1912: 3]. Наконец, ошибочно думать, что любое изменение методики учета ростовых данных воздействует на динамику длины тела. Изменение может повлиять только на абсолютную величину

длины тела в последующие годы после реформы, а ее динамика все равно остается той же, в нашем случае рост новобранцев, призванных в 1890–1912 гг., увеличивался.

Подтверждением роста биологического статуса населения можно считать повышение средней продолжительности жизни. Диспутант относит это на счет успехов медицины. С этим трудно вполне согласиться. В статье [Нефедов, 2009: 155–162] оппонент показал, что в XIX в. господствовала «мальтузианская связь между потреблением и демографическими показателями»: потребление растет, смертность падает, и наоборот. Эта корреляция стала уменьшаться в 1910-е гг. и позже, в 1920–1930-е гг. [Демографическая модернизация, 2006: 257–259]. Поскольку тенденция к уменьшению смертности наметилась в 1860-х гг., то ее уменьшение до начала XX в. скорее всего объяснялось именно ростом потребления и уровня жизни.

Таким образом, оппонент не предложил весомых аргументов для пересмотра вывода об успешности российской имперской модернизации в экономической сфере.

Н.С. Розов предлагает свой взгляд на модернизацию вообще и российскую в частности и революцию. Несмотря на расхождения в теоретических вопросах модернизации, в наших оценках конкретного хода российской модернизации и ее результатов много сходства. Розов видит определенные достижения российской модернизации во всех сферах жизни, больше в экономике, меньше в деле построения гуманных порядков и верховенства права. Не случайно он отдает предпочтение историческому оптимизму. Во-вторых, Розов согласен со мной в том, что любая модернизация имеет издержки, потери и создает социальные напряжения, которые при негативных обстоятельствах достигают критических значений, делая государство уязвимым к революции и распаду. Методологически нас объединяет убежденность в том, что революции правомерно и перспективно изучать вместе с модернизацией. Таким образом, принципиальные выводы моей книги нашли у него поддержку. Кроме того, Розов прямо говорит о «значимом вкладе» монографии в том смысле, что ее критическое обсуждение позволяет историческим социологам продвинуться в анализе российских циклов развития. О чем еще мечтать автору!?

Д.В. Трубицын ставит ряд принципиальных вопросов, на которые, как ему кажется, в книге нет ответа. Отвечу на три. Курс царского правительства соответствовал потребностям населения или желания оппозиции были завышены? Почему в имперской России оптимальным был эволюционный, а не революционный путь? Имела бы место «эволюция», если бы не борьба, включая революционную?

Российское общество было расколото – оппозиционно настроенные граждане всех направлений составляли менее 5% населения. Эта оценка основывается на том, что сознательными и принципиальными противниками режима могли быть образованные граждане, как правило, из привилегированных слоев. Если к образованным отнести людей со средним и высшим образованием, в 1917 г. их было около 4% населения. При этом 57% всего населения в возрасте 10 лет и старше были неграмотны [Миронов, 2012: 427–430]. Все привилегированные (дворянство, духовенство, купечество и почетные граждане) составляли 2,5%. Образованные и привилегированные слои по составу в значительной степени совпадали. В обсуждаемой монографии в 5-й главе «Когнитивные практики русских крестьян и их изменение под влиянием модернизации» эмпирически доказано, что на рубеже XIX–XX вв. у неграмотных и малограмотных людей концептуальное мышление было слабо развито, индивид оперировал информацией, почерпнутой почти исключительно из жизненного опыта и в рамках этого опыта. Такие когнитивные способности замыкали в кругу личного практического опыта, мешали видеть смысл в событиях в стране и мире. Рабочие были несколько грамотнее, но уровень их культуры также не позволял им быть сознательными и принципиальными противниками режима, что, конечно, не означает, что они не могли бунтовать. Как и крестьяне, они могли и протестовали против недостатков, злоупотреблений властей, но не против политического строя. По этой причине в мирное время около 95% населения (из которых не менее 85% принадлежали к крестьянскому сословию) были лояльны к режиму, хотя далеко не всем довольны. В трудные годы (неурожай, война,

стихийные бедствия) доля нелояльных могла увеличиваться, но могла и уменьшаться. При таком раскладе сил правительственный курс **мог** вызывать неудовольствие образованного меньшинства, но по большому счету соответствовал мнению большинства.

Раскол общества на образованных/необразованных являлся фундаментальной причиной того, почему в имперской России оптимальным был эволюционный, а не революционный путь развития. Интеллигенция, естественно, торопилась с реформами – человек живет одну короткую жизнь. Но массы были не готовы к радикальным политическим реформам, поэтому последние не имели успеха – поспешные реформы Временного правительства дискредитировали демократию и привели к краху и правительства, и империи, а суперрадикальные реформы большевиков завершились консервативной модернизацией.

До 1905 г. в России шла мирная эволюция, но под давлением оппозиционного меньшинства и принципиального лояльного большинства. Манифест 1905 г. стал результатом острой, но мирной политической борьбы, начавшейся до начала революции. Ввиду этого последняя была избыточной, не принесла ожидаемых плодов, но многократно усилила социально-политические противоречия в стране. Массовые протесты полезны и необходимы, когда законные и мотивированные требования большинства населения игнорируются властями, но они должны быть мирными. В таких случаях они способствуют развитию общества в позитивном направлении.

В отзыве Трубицына есть важный тезис. «При всем успехе работе Миронова не хватает обобщения совокупной действительности. Книга насыщена эмпирией, но *главные* ее тезисы остаются суждениями, лишь подкрепленными фактами. Одному оценочному суждению можно, однако, противопоставить другое». Этот тезис внутренне противоречив. Суждения, подкрепленные фактами, это не оценки, а обобщения. Все мои принципиальные суждения опираются на массовые источники, в большинстве статистические, и потому являются не просто оценками, а обобщениями. Всю «совокупную действительность» до сих пор не удавалось обобщить ни исследователю, ни коллективу исследователей, ни всему научному сообществу. Думаю, в ближайшее время ситуация не изменится. Но одному оценочному суждению действительно можно противопоставить другое. Слова М. Палеолога, приведенные Трубицыным, об отсталой России и передовой Франции напомнили мне суждение американского русиста Г. Фриза в Предисловии к «Социальной истории» [3-е изд., т. 1, с. VII]: «Ни в коем случае не является аксиоматическим, что западная модель плутократии, глобализации и экономического неолиберализма является желательной и что ей уготована длительная жизнь; на самом деле, все это – проявления нового империализма, и они порождают мощные противодействующие компенсационного свойства силы, направленные на ограничение непрерывного роста власти государства и его учреждений. Как ни парадоксально, но следует чувствовать некоторую ностальгию и зависть в отношении самой институциональной отсталости России при старом режиме, где по крайней мере до середины XIX столетия государство осуществляло только спорадический контроль над обществом и индивидуумом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варзар В.Е. Индекс физического объема потребления СССР за сорок лет (1928). URL: http://www.dcenter.ru/science/Varzar_1928.pdf (дата обращения: 06.09.20).
- Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1875 г. СПб.: Военная тип., 1877.
- Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1910 г. СПб.: Военная тип., 1912.
- Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.
- Демографическая модернизация России 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006.
- Ежегодник Министерства финансов. Вып. 17. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1888.
- Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М.: Наука, 1979.
- Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М.: Весь Мир, 2012.

- Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М.: Весь Мир, 2014.
- Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: тип. МКХ, 1924.
- Нефедов С.А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX века // Российская история. 2009. № 2. С. 155–162.
- Сборник циркуляров МВД по вопросам воинской, военно-конской и военно-повозочной повинности. 1874–1900 гг. СПб.: Тип. МВД, 1901.
- Статистика Российской империи. 40: Сборник сведений по России, 1896. СПб.: б.и. 1897.
- Столетие Военного министерства. 1802–1902 гг. Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. Отд. 2. СПб.: тип. М.О. Вольфа, 1914.
- Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1967.
- Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М.: Наука, 1979.

FACTS ARE SACRED, OPINIONS ARE FREE

MIRONOV B.N.

MIRONOV Boris Nikolaevich, Dr. Sci. (Hist.), Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (mironov1942@yandex.ru)

Abstract. B.N. Mironov thanked the journal “Sociological Studies” for organizing the discussion of his work and expressed the hope that his research will help to understand current problems of the country and to shape design of the movement of Russia into the future, which the participants of the symposium focused on. He did not agree with the opinion that it was inappropriate to apply modernization theory to the analysis of problems that were the focus of his attention as a researcher. The idea of modernization was used by him as a hypothesis that needs to be tested by empirical data. B.N. Mironov dwelt in great detail on polemics with opponents who questioned some of the facts he presented in his research and consistently analyzed their arguments. He also focused on the meanings of the positions taken by some participants in discussing his work.

Keywords: modernization theory, the agenda of the research, empirical data, GDP, per capita consumption.

REFERENCES

- Mass Sources in Russian Social Economic History for the Capitalist Period.* (1979) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2012) *Popular Welfare and Revolutions in Imperial Russia: XVIII – early XX century.* 2nd ed. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2014) *The Passion of Revolution: Mores of Russian Historiography in the Information Age.* 2nd ed. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Collected MIA Circular Letters on Horse Military-service and Military Carriage Driving Question.* (1901) 1874–1900. St. Petersburg: MIA Press. (In Russ.)
- Annual Report of the Ministry of Finances.* (1888) 17th Issue. St. Petersburg: V. Kishbaum Press. (In Russ.)
- Comprehensive Report on War Ministry Activities for 1875.* (1877) St. Petersburg: Military Press. (In Russ.)
- Comprehensive Report on War Ministry Activities for 1910.* (1912) St. Petersburg: Military Press. (In Russ.)
- Gregory P. (2003) *Russian Empire Economic Growth (late XIX – early XX): New Calculations and Estimates.* Moscow: POSSPEN. (In Russ.)
- National Economy of the USSR in Figures.* (1924) A Concise Handbook. Moscow: MKX Press. (In Russ.)
- Nefedov S.A. (2009) On the Links of Demographic Indices and Consumption in late XIX – early XX Century Russia. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History]. No. 2: 155–162. (In Russ.)
- Statistics of the Russian Empire 40: Collected Information on Russia, 1896.* (1897) SPb.: n. p. (In Russ.)
- Strumilin S.G. (1967) *Essays on the Economic History of Russia and the USSR.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Strumilin S.G. (1979) *Statistics and Economy.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Varzar V.E. *Index of USSR Physical Consumption Volume for Forty Years* (1928). URL: http://www.dcenter.ru/science/Varzar_1928.pdf (accessed 06.09.20). (In Russ.)
- Vishnevskiy A.G. (ed.) (2006) *Demographic Modernization of Russia 1900–2000.* Moscow: New Press. (In Russ.)
- War Ministry Centennial. 1802–1902.* (1914) Vol. 4. Pt. 3. Book 1. Sect. 2. St. Petersburg: M.O. Wolf Press. (In Russ.)

О СМЫСЛАХ ОБСУЖДЕНИЯ КНИГИ Б.Н. МИРОНОВА

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», гл. научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (socis@isras.ru).

Аннотация. Труды Б.Н. Милонова по истории нашей родины привлекают внимание читателей профессиональным мастерством этого историка и его стремлением реализовывать на практике междисциплинарные возможности, в частности истории и социологии. Он постоянный автор журнала в рубрике «Историческая социология». Данная книга отличается стремлением представить читателю авторское видение социальных тенденций развития страны на протяжении нескольких столетий вплоть до сегодняшнего дня. Взгляд в глубь истории дает читателю новые стимулы продолжать работу над пониманием истоков современных проблем страны, над уроками истории, важными для её будущего.

Ключевые слова: Б.Н. Милонов • история России • история и социология • тенденции развития страны • современные проблемы России • будущее России

DOI: 10.31857/S013216250019222-7

Для журнала «Социологические исследования» история – одна из реперных дисциплин, что видно, в частности, по рубрике «Историческая социология». Историк Б.Н. Милонов плодотворно сотрудничает с нами с 1980-х гг. Новая книга Милонова [2019] – образцовая демонстрация междисциплинарных возможностей социологии, истории, социальной психологии, антропологии, социальной философии и др. Автор в самом начале пути в науке оценил потенциал социологического знания. Думается, выбор им направления своих исследований – социальная история России (начиная с XVIII в.) – также формировался под влиянием социологии. Много лет формулировались и уточнялись идеи, обсужденные участниками дискуссии. Выпустив в свет в 1990-е гг. первую версию «Социальной истории России периода империи», годами Б.Н. Милонов шлифовал и создавал базы данных, подходы и идеи по вопросам истории, как наставник студентов передавал новым поколениям видение прошлого нашей страны.

Социальная история, наряду с историей политической, внешнеполитической, военной, экономической, близка проблемам человека, который и для социологии – центр внимания и поисков. Читать книги Милонова интересно: в них много нового, неожиданного. Труд Милонова едва ли будет превзойден в обозримое время по мастерству поиска и отточенной подаче исторического материала. Взаимодействие с социологией здесь сыграло заметную роль. Мастерство Б.Н. Милонова как историка-социолога проявилось в первую очередь на микроуровне, в поиске и нахождении фактов, комплексов данных о нашем общем прошлом, позволяющих уточнять данные науки. Участники состоявшейся дискуссии придиричливо подошли к приводимым автором фактам, данным. Это их профессиональный долг. Но социологический анализ историка Милонова, социологизм его подхода к истории – не только измерения, клиометрия. «Социологическое воображение» Милонова проявляется во всем и часто неожиданно. Вот его оценка «методологии» правления Екатерины II: «Для получения представления о нуждах и желаниях населения она весьма искусно использовала указы депутатам в законодательную комиссию 1767 г. По ее распоряжению все указы были самым тщательным образом обработаны и содержащиеся в них мнения систематизированы с таким совершенством, которого в настоящее время не всегда достигают социологи, специализирующиеся на изучении общественного мнения» [Милонов, 1999, т. 2: 252]. Добавим и мастерское использование статистики,

ценных, часто забытых социологических и протосоциологических изысков аналитиков прошлого, «раскопки», например, ушедших в прошлое социальной группы *монашествующих*.

Подход Б.Н. Миронова к *социальному* в истории имперской России социологичен и на теоретическом уровне. У М. Вебера взята теория бюрократии, легитимности власти, рациональности. В понимании проблем разделения общественного труда, солидарности и интеграции заметны следы идей Э. Дюркгейма. Общества нового времени движутся от «общности» к «обществу» (Ф. Теннис) и т.д. Эти идеи эвристичны и полезны.

Центральной для его трудов, включая обсуждаемый, стала концепция модернизации, с конца 1950-х гг. игравшая роль «большой теории» общества модерна (*modern society*). Вокруг модернизации Миронов выстроил оценку краха царской империи: структуры государства в поздней российской империи последовательно модернизировались и функционировали, рухнув под перегрузками Первой мировой войны. Такое решение автора понять можно: концепция позволяет исследователю (в отличие от концепций «индустриального общества», «вестернизации», «европеизации»¹ или утверждений советских времен о «загнивании» царской России) организовать добытый фактический материал. Но здесь есть момент превращения истории в политику, к которому следует привлечь внимание.

Конструкт западной социальной науки – теория модернизации – превратился в инструмент идеологии. Как теория она создана в 1950–1960-е гг. американским социологом Т. Парсонсом. Парсонс понятием модернизации охватил сферы социетальную, политическую, экономическую, культурную, правовую, образовательную, семейную, бытовую и т.п. Ему и социальным ученым 1950–1960-х гг. прошлого века образцом идеальной модели послужили США: свободный рынок, открытое общество, власть закона, средний класс, перспектива конвергенции с социализмом и т.д. [Парсонс, 1998 (1971)].

Прошу обратить внимание: «теория модернизации» за несколько лет сделалась властительницей умов. Она (1) постулировала возможность избежать термоядерного столкновения великих держав, весьма вероятного в ту пору. (2) Эксплицитно взяла у марксизма положение о ведущей роли материальных факторов развития общества – через доктрину единого индустриального общества². (3) Она предлагала видение будущего, разрешение противоречия того времени между СССР и США, Парсонс пишет о конвергенции социализма и капитализма. Спор 1959 г. Никсона и Хрущева на выставке в Сокольниках об оснащении кухни отражал конкуренцию версий будущего, каким оно предлагалось человечеству.

Кризис сопровождает «модернизацию» от её истоков. О её «провалах» в 1964 г. писал Ш. Эйзенштадт [Eisenstadt, 1964]. В 1980 г. А. Гоулднер грядущий кризис западной социологии описал как кризис теории модернизации и социологии, выстроенной вокруг идей Парсонса. Адепты теории Парсонса, этнологи К. Гирц, Э. Шилз и др., столкнулись с её провалами в практике постколониальных стран, пытавшихся модернизироваться по рецептам «системы современных обществ». В 2020 г. участник парижских событий 1968 г. С. Мерль итожит: эта конструкция из тех, которые сейчас [Мерль, 2020: 115] «остаются в целом отвергнутыми»; Париж в 1968 г. бунтовал против «модернизации», как Прага – против московского диктата.

Сегодня теория модернизации вне теоретической социологии, требующей от ученого в каждом утверждении опираться на верифицируемые данные. Но концепт «модернизации» остается инструментом науки об обществе. Коллектив Н.И. Лапина вместе с учеными КНР построил труд о развитии российских регионов [Атлас..., 2018] вокруг модернизации каждого из них как смены технологических укладов. В нашей дискуссии модернизацию Н.С. Розов определил как совокупность «реформаторских действий (их последствий), направленных на сближение социальных и ментальных порядков, черт общества, государства, институтов либо с идеалами, идеями, принципами переустройства, либо с успешными референтными обществами/государствами». Обращаю внимание на мысль Д.В. Трубицына: «Одна из главных проблем модернизации – политический режим».

¹ Они в 1950-е гг. конкурировали с концепцией модернизации.

² Её вытеснила из научного и идеологического обихода теория модернизации.

Судьба этой теории – урок для отечественной социологии. В 1990-е гг. заимствование теорий и концепций Запада было делом понятным и оправданным. Спор о «модернизации» в книге Миронова требует критической рефлексии пути социологии в постсоветское время. Заимствования западного опыта развития знания об обществе ценны. Осуждать следует (1) поверхностное усвоение уроков истории социологии, в ряде случаев – (2) «цепляние» за уходящие в небытие образцы, (3) пробелы представлений о западной социологии последних – минимум – 40 лет.

До последнего времени в среде российских социологов тема кризиса – мировой и отечественной социологии – не воспринималась с серьезностью, которой эта тема заслуживает. Запоздывают и выводы. Не в этом ли одна из причин казуса с «теорией модернизации»? Слишком долго кризис западной социологии у нас «как бы» не замечали. Ю.Н. Давыдов в пятитомной истории теоретической социологии, не переставая, напоминал о кризисе социальной мысли Запада. Но мода не внимлет аргументам разума. Увлечение западными концепциями и теориями не осталось без последствий; о них чуть ниже. Что же сетовать на «недосмотр» Миронова? В конце концов, в динамичном калейдоскопе современных социологических теорий, теорий социальных³ (с их тенденцией вырождаться в идеологические конструкты) средний российский социолог разбирается так себе.

В социологической теории последствия такой полосы роста нашей дисциплины заметны и тревожны. В чем-то оправданная для социологии постсоветских лет, особенно в инструментально-методном плане, ориентация на импорт породила ритуал ссылок на «передовой» опыт. Наш журнал регулярно получает тексты (иногда просит авторов корректировать их), где теоретические основы авторских изысканий сведены к ссылкам на западные источники – при наличии релевантных трудов отечественных социологов, которые – сужу по некоторым поступающим в журнал рукописям – их авторам не то неизвестны, не то видятся несущественными. Увлечения западными образцами, небрежение достижениями отечественных социологов до-, советского и постсоветского времен сдерживают поиск концепций и теорий, адекватных меняющейся социальной реальности в стране и мире.

Дискуссия высветила несколько последствий для отечественных наук об обществе неполного усвоения в постсоветские времена достижений западной социологии.

(1) Судя по дискуссии, социологи невнимательны к эпистемологии, к анализу, пониманию сути и специфики циркулирующих в современных науках об обществе концепций и теорий, их связей с жизненным путем ученых, с конкретным временем и местом создания, их последующих, порой кардинальных трансформаций, высказываемой по их поводу критики.

(2) Обнаруживается отсутствие признания и применения методологического принципа «свободы от ценностей» (wertfrei, value free). В дискуссии заметны «следы» ценностных предпочтений⁴; отразивших нынешнюю этику сообществ ученых; по опыту последних десятилетий она различается в дисциплинарных группах. Деловую атмосферу в среде социологов надо ценить и охранять.

(3) Неудовлетворительны представления о содержании понятия «общественные науки», о границах внутри этого комплекса, а также – и это особенно важно для нашего журнала – недостает четкости в понимании специфики и возможностей социологической науки. Иллюстрирует эту проблему понимание и содержательное наполнение термина *историческая социология*. Причину вижу в фактически прекратившемся в постсоветские времена общении ученых, вузовских профессоров и преподавателей на уровне страны. В жизни социологического сообщества дисциплинарные ассоциации – в содержательных вопросах нашей науки – практически незаметны.

³ Главное между ними различие – недопущение в социологии конструкций умозрительных (спекулятивных в философском смысле этого слова).

⁴ Б.Н. Миронов высказался о ситуации в среде отечественных историков [Миронов, 2014], реагируя на разгоревшиеся вокруг его работ дебаты среди историков.

Модернизации России – один из обсуждаемых ныне путей России в будущее. Переломные этапы заставляют ученых глубже вникать в суть требуемых перемен, их характер и следствия. На вопрос: «Куда и как идти России» ясного ответа пока не получено; дискуссии ученых идут не только у нас в стране; остроты добавила пандемия. Обсуждение исходных и сопутствующих проблем только начато. Формируется «повестка дня», программа действий; началась реализация диктуемых ситуацией исследований. Если ученые не хотят, чтобы обошлись без них (с неизбежными последствиями, хорошо знакомыми нашей стране), следует продумывать и выносить на повестку дня видение комплекса проблем.

Модернизация со всеми высказанными в нашей дискуссии оговорками выступает как вариант пути России. Есть, конечно, и альтернативы. Некоторые из них отражены в нашем журнале, в частности, в связи с 200-летием К. Маркса, 150-летием В.И. Ленина. Заметное явление социологической мысли – (фрагментарные) концепции нео-, пост-, евро-, анти- и пр. марксистов, таких социологов, как П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Э.О. Райт, У. Бек, А. Хоннет (продолжатель традиций Франкфуртской школы, видящий путь в будущее как обновление идеи социализма [Honnet, 2017]). Свои версии будущего предлагает религиозная мысль⁵ – католики и мусульмане. Важными видятся теоретические подходы к будущему с позиций роли некогда колониальных и зависимых стран, подкрепленные культурным поворотом социальных наук. Диапазон понимания этой проблемы в меру возможности пытался освещать наш журнал, дискурс этой темы будет продолжен. Российским ученым предстоит теоретически осмыслить место и собственные задачи страны в этом движении, которое только началось и, видимо, займет большую часть нынешнего столетия.

Пока перед нами контуры не интегрированных соображений, сумма устремлений размытых, нуждающихся в прояснении. Россию травматический опыт 1917, 1929, 1941, 1968, 1991 гг. учит не превращать смутно понимаемые концепции в жесткие догмы для практик. Собственно говоря, в Российской Федерации на период 2008–2014 гг. модернизация, обновление экономики и общества нашей страны были программной целью президентства Д.А. Медведева; результатов на этом пути не было достигнуто. Это – с одной стороны.

С другой – мы свидетели усилий заинтересованных групп, практически открыто вбрасывающих в оборот химеры, за которые народ потом платит жизнями, а страна – демографическими провалами (и это еще не худший вариант возможного!). Крупницы того видения, которые предлагают публикации нашего журнала, включают гуманизм, человечность, приоритет человека, справедливость (особо важную, по-видимому, россиянам), роль науки в обществе, факторы отечественной культуры и др.

Кризис – который не обошел стороной науки социальные – призывает ученых осторожно обращаться с концептуальным, мировоззренческим аппаратом общественной науки, пришедшим к нам из стран, которые принято было называть нашими партнерами. Их тоже затронул кризис. Надеюсь, на примере «модернизации» мы этот тезис доказали. Нужны разборчивость, рефлексия, научная критика в выборе теоретических оснований действия. К ориентации на передовые образцы социологии добавлю трудности теоретизирования перспектив движения в будущее. Тем более эти ориентации – результат часто поверхностного (и идеологизированного) принятия достижений и опыта Запада, западной социальной науки.

Прогнозы исторического развития человеческого социума связаны с контекстами конкретных стран, народов, правительств, социального строя, культурной специфики. Трудно в этой связи переоценить значение социологического постижения уроков прошлого, контекстов современности и контуров завтрашнего дня, их понимания, объяснения, интерпретации, работы над конкретными задачами движения вперед. Наша страна слишком много потеряла в XX в., чтобы ошибиться в выборе пути.

⁵ См., напр.: Francis, the Holy Father. Encyclical letter Fratelli Tutti of the Holy Father Francis on the Fraternity and Social Friendship – http://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20201003_enciclica-fratelli-tutti.html (дата обращения: 07.12.20).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. [Lapin N.I. (ed.) *Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Socio-economic and socio-cultural trends and problems*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)]
- Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь Мир, 2014. [Mironov B.N. (2014) *The Passions of Revolution. Mores of Russian Historiography in the Information Age*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)]
- Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дм. Буланин, 2019. [Mironov B.N. (2019) *Russian Modernization and Revolution*. St.-Petersburg: D. Bulanin Publ. (In Russ.)]
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Открытое общество, 1998 (1971). [Parsons T. (1998) *The System of Modern Societies*. Moscow: Otkrytoe obshchestvo (In Russ.)]
- Романовский Н.В. О социологизме исследования истории России // Социологические исследования. 2000. № 4: 143–148. [Romanovskiy N.V. (2000) *Sociological Core of Russian History Studies. Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 143–148. (In Russ.)]
- Eisenstadt S. Breakdowns of Modernization // *Economic Development and Cultural Change*. 1964. No. 12: 345–367.
- Go J. Race, Empire, and Epistemic Exclusion: Or the Structures of Sociological Thought // *Sociological Theory*. 2020. No. 2: 79–100.
- Honneth A. *Die Idee des Sozialismus – Versuch einer Aktualisierung*. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2015.
- Merl S. Modernity and the failure to maintain the peace (1918–1938): comparing the cases of the Soviet Union and the German Reich // *Мир России*. 2020. № 1: 103–131.

Статья поступила: 13.01.21. Принята к печати: 27.01.22.

ABOUT THE MEANINGS OF DISCUSSING B. MIRONOV'S BOOK

ROMANOVSKIY N.V.

Institute of sociology FCTAS RAS, Russia

Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Deputy head editor, "Sociological Studies" journal, Chief research fellow, Institute of sociology FCTAS RAS, Professor of RSHU, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

Abstract. B.N. Mironov's works on the history of our motherland attract our attention by the professional skills of a historian and his desire to put into practice interdisciplinary opportunities of history and sociology. He is a regular contributor to the journal, its thematic section, in particular, "Historical Sociology". This book is characterized by the desire to present the reader with the author's vision of the social trends of the country's development over several centuries. A look into the depths of history gives the reader new incentives to deeper understand the origins of modern problems of the country, the lessons of history important for its uncertain future. The concept of "modernization" was criticized in the course of discussion: author used it, meanwhile, as theoretical framework to understand and interpret social progress of the country in the centuries of its history to this day. This is, one might argue, a basis competing with alternatives elaborated currently by social scholars – to develop strategy for the modern Russia.

Keywords: social history, history of Russia and the USSR, B.N. Mironov, theory of modernization, problems of the country, Russia's future.

Received: 13.01.21. Accepted: 27.01.22.

Социальная политика. Социальная структура

© 2022 г.

В.А. БУРКО, Ю.М. ВАССЕРМАН

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ СИНДРОМ И ДОВЕРИЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ В АСПЕКТЕ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

БУРКО Виктор Александрович – кандидат социологических наук, доцент (victor-burko@yandex.ru);
ВАССЕРМАН Юрий Михайлович – кандидат экономических наук, доцент (yuriyvasserman@gmail.com).
Оба – Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия.

Аннотация. Авторами предлагается оригинальная разработка нового социологического индикатора, социокультурного модернизационного синдрома (установки, относящейся к ценностно-ориентационному уровню диспозиционной структуры), направленного на оценку уровня модернизации культуры. Другой рассмотренный социологический индикатор – доверие в его различных типах (генерализованное, институциональное, личное и групповое). Предметом исследования являются особенности изменения этих показателей в различных поколенческих группах россиян. На материалах репрезентативного опроса населения Пермского края в 2019–2020 гг. (N = 2400) выявлено, что генерализованное доверие демонстрирует небольшой рост от самого молодого поколения к самому старшему, а личное доверие со сменой поколений возрастает. Обнаружена разнонаправленная динамика институционального и группового доверия. Выявлена положительная динамика уровня модернизации культуры личности в поколенческом разрезе. Доказано, что чем выше уровень модернизации культуры личности, тем сильнее выражена положительная динамика генерализованного доверия с увеличением возраста; влияние уровня модернизованности на другие типы доверия зависит от характеристики объектов доверия.

Ключевые слова: социокультурный модернизационный синдром • генерализованное доверие • институциональное доверие • личное доверие • групповое доверие • межпоколенный анализ модернизации

DOI: 10.31857/S013216250017388-9

Измерение различных параметров модернизации культуры более полувека находится в сфере внимания отечественных и зарубежных ученых, изучающих различия между разными странами (регионами) и поколениями. Примером такого подхода могут служить проводимые с 1980-х гг. Всемирное исследование ценностей (WVS) и Европейское исследование ценностей (EVS) [Инглхарт, 2018]. Одним из аспектов модернизации, но одновременно относительно самостоятельным социальным феноменом, является накопление социального капитала, который тоже дифференцирован по регионам и поколениям. Сошлемся на классическую работу Р. Патнэма, который полагал, что ядром социального капитала является доверие, и указывал на качественное различие в уровне социального капитала между модернизированным

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00548. Авторы выражают благодарность рецензентам журнала «Социологические исследования» за ценные замечания и предложения.

Севером и традиционалистским Югом Италии [Putnam, 1993]. Единство общеметодологических подходов к изучению феноменов социальной модернизации и социального капитала (доверия) наталкивает на мысль о возможности совместного исследования этих феноменов, что авторы и попытались реализовать на уровне одного из регионов современной России.

Социокультурный модернизационный синдром. Культура – способ жизни, реализующийся в знаниях, обычаях, нормах, законах и верованиях, характерных как для отдельного общества, так и для социальной группы [Гидденс и др., 2018: 227]. Иначе говоря, под культурой понимается система биологически не наследуемых регуляторов человеческого поведения (норм, ценностей, установок и т.п.) в самых разных сферах жизни. Одной из важнейших функций культуры является адаптация человеческого поведения к окружающей среде, которая постоянно меняется в результате технологической и социальной модернизации [Culture, 1968]. Поскольку в основе процесса модернизации лежит устойчивый процесс изменений в сфере технико-технологической базы общества, материально-вещественных условий деятельности людей, то для выполнения функции адаптации культура также должна изменяться. Но изменяется культура медленнее материально-вещественных условий – это хорошо известный феномен инерции культуры [Ogburn, 1964].

Авторы попытались использовать данный подход для анализа социокультурных последствий модернизации общества, т.е. направленного перехода от традиционного типа общества к современному типу.

Общество, вступившее на путь модернизации, переживает процесс социокультурной дифференциации на группы, обладающие различными наборами регуляторов человеческого поведения, которые вызывают различные реакции их носителей к феноменам, приносимым модернизацией. Описанную социокультурную дифференциацию общества, вызываемую его модернизацией, можно назвать *модернизационным социокультурным континуальным синдромом (МСКС)*. При дифференциации в процессе культурной модернизации общества структур ценностей, норм поведения и т.п. можно выделить два полюса континуума. Первый связан с *отрицательным* отношением к постоянному потоку новшеств, приносимых процессом модернизации, его можно назвать *контрмодернизационным синдромом (КМС)*. Второй связан с *положительным* отношением к этому потоку, это – *промодернизационный синдром (ПМС)*. Оба полюса являются идеальными типами по М. Веберу.

Уровень модернизированности культуры является одним из показателей МСКС. Скорость культурных изменений измеряется поколениями, каждое из которых усваивает культуру определенного уровня модернизированности в процессе своей социализации. В модернизирующемся обществе должна наблюдаться тенденция повышения уровня модернизированности культуры при переходе от предыдущего поколения к последующему.

Одним из авторов была предпринята попытка разработки социологического инструментария и методики его применения для количественного измерения уровня модернизированности культуры респондента [Вассерман, 2004: 225–239]. Данная попытка основывалась на измерении установок по поводу элементов образа жизни (норм) современного общества. Ведь, по мнению В.А. Ядова, поведение людей далеко не всегда согласуется с их собственными ценностными ориентациями [Саморегуляция..., 2013]. Поэтому, на наш взгляд, более эффективным подходом к изучению культуры в процессе модернизации общества является изучение (измерение) не только ценностей, но и установок.

Предложенная нами методика измеряет не ценности респондентов (традиционные или модернизированные) и их структуру (как можно видеть в исследованиях по модернизации ценностей, например, у Р. Инглхарта и К. Вельцеля [2011]), а степень выраженности установок респондентов по отношению к социальным феноменам из разных сфер жизнедеятельности респондентов, которые относятся к традиционному или современному обществу. Появление в процессе модернизации общества новых порождаемых этим процессом феноменов вызывает необходимость культурной адаптации к ним. Методика направлена на количественное измерение степени этой адаптации, располагая респондентов, согласно полученным ими баллам, в континууме между КМС и ПМС.

В проведенном нами исследовании предполагалось, что каждому типу общества («традиционному» и «современному») соответствуют определенные типы отношений индивидов: непосредственные (личные) в социальной общности, ведущей натуральное хозяйство в «традиционном» обществе, и опосредованные рынком в «современном» обществе. Социокультурный тип, не связанный с рыночными отношениями («чистый» носитель КМС), – это тип личности, который в процессе социализации усвоил ценности, нормы, установки и тому подобные регуляторы человеческого поведения, которые генетически восходят к культуре традиционного общества и адаптируют поведение человека к нему. Соответственно, социокультурный тип, связанный с рыночными отношениями («чистый» носитель ПМС), – тип личности, который в процессе социализации усвоил ценности, нормы и т.д., присущие культуре современного индустриального общества и адаптирующие к нему поведение.

Оба социокультурных типа – теоретически сконструированные идеальные типы (полюса континуума МСКС). Предполагается, что изучаемые установки (усваиваемые социокультурными типами в разных культурах) противоположены: то, что в одном типе культуры поощряется, в противоположенном пресекается. Совокупность проявлений (не)приятия индивидом ценностей «традиционной» или «современной» культур в тех или иных сферах жизни может быть замерена эмпирически, после чего данный индивид может быть отнесен к тому или иному социокультурному типу в той или иной сфере жизни (предполагается, что модернизация различных сфер жизни происходит неодинаково).

Измерение установок респондентов проводилось путем предложения респонденту ряда полярных оценочных суждений с просьбой высказать свое согласие или несогласие с приводимыми точками зрения.

Свойства социокультурных типов замерялись по 5-ти параметрам (субшкалам): 1) отношение к семейной жизни; 2) отношение к экономической жизни; 3) отношение к равенству; 4) отношение к политической жизни; 5) отношение к «чужакам», к другой культуре, творчеству, новациям. Каждая из разработанных нами субшкал представляет собой набор высказываний (5 «промодернизационных» и 5 «антимодернизационных»), оценивающих различные проявления «традиционного» и «современного» образа жизни в перечисленных сферах жизни (табл. 1). Для выражения степени (не)согласия респонденту предлагалась 6-балльная шкала.

Таблица 1

Суждения для оценки социокультурного модернизационного синдрома

Субшкалы	“Промодернизационные” и “антимодернизационные” суждения
1	Нельзя осуждать человека только за то, что он в течение своей жизни несколько раз вступал в брак
	Детей следует воспитывать в строгости, не пренебрегая физическими наказаниями, иначе ничего путного из них не получится
2	Бизнес, торговля, перепродажа – работа общественно необходимая, заслуживающая уважения и признания
	«Не обманешь – не продашь» – вот, если говорить по совести, основа любой коммерческой деятельности, любого частного предпринимательства
3	Нормально, когда в обществе есть богатые и бедные, поскольку в этих условиях люди получают стимул лучше работать – лучше жить
	Если кто-то получает слишком много денег, то его доход нетрудовой: честным путем много не заработаешь
4	Нам нужен абсолютный приоритет прав личности перед правами наций, партий, государственных органов
	Демократия и многопартийность людям не нужны. Простому человеку нужен порядок и твердая власть. В критический момент нашу страну спасет не парламентская говорильня, а железная рука
5	Прекрасно, когда расширяются наши контакты с зарубежными странами, растет влияние зарубежной культуры
	У нашей страны нет друзей; иностранцы, в большинстве своем, нам враждебны

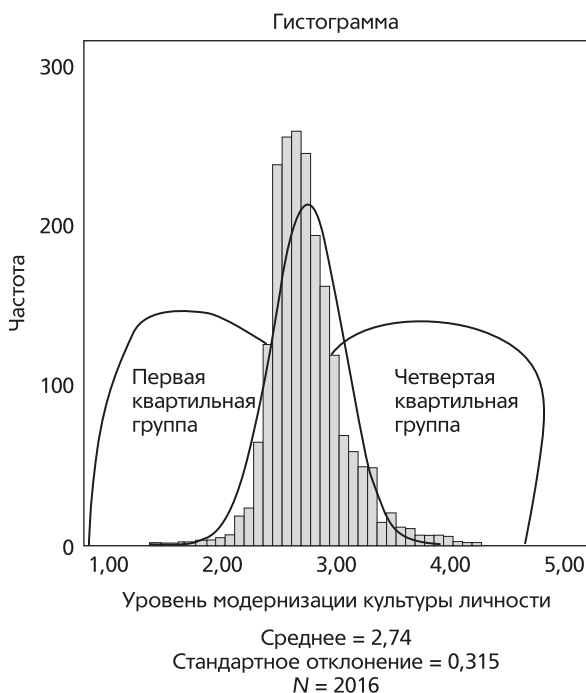

Рис. 1. Распределение показателя «Уровень модернизация культуры личности» для респондентов, опрошенных в 2019–2020 гг. (Пермский край)

Для определения уровня модернизации культуры респондентов использована шкала Лайкерта. Для сопоставимости измерений по разным вариантам шкалы результат измерения (суммарный балл, набираемый индивидом на шкале) нормировался (делился на количество пунктов шкалы, и из частного от этого деления вычиталась единица). Результаты измерения уровня модернизованности культуры индивида в этом случае могли колебаться от 0 (уровень, соответствующий культуре максимально традиционного общества) до 5 (уровень, соответствующий культуре максимально модернизированного общества).

Анализ результатов, полученных на основе проведенных нами за последние 30 лет панельных опросов студентов г. Перми (ежегодные выборки варьировались от 400 до 900 чел.), показал, что полученные эмпирические распределения по шкале МСКС близки к нормальному, достаточно устойчивы. Это дало возможность сравнить респондентов с более выраженным КМС (первая кривильная группа – респонденты, величина показателя уровня модернизации культуры у которых менее 2,5), «традиционалистов», и респондентов с более выраженным ПМС (четвертая кривильная группа – респонденты, величина показателя модернизации у которых более 2,9) – «модернистов» (рис. 1).

Применение нашего инструментария в лонгитюдном исследовании модернизации культуры студентов, проводимого авторами с 1991 г. по единой методике, зафиксировало повышение уровня модернизации культуры первого постсоветского поколения студентов (рожденных в 1981–1985 гг. и опрошенных в 2001–2005 гг.) по сравнению с последним советским их поколением (рожденных в период 1971–1975 гг. и опрошенных в период 1991–1995 гг.). У последнего советского поколения студентов средний показатель уровня модернизации культуры был равен 2,78, а у первого постсоветского поколения он вырос уже до 3,01 (обнаруженные различия статистически значимы) [Вассерман, 2009]. Это позволяет предполагать влияние поколенческого фактора на динамику модернизации культуры.

Типы и субъекты доверия. Другая исследуемая нами характеристика, доверие, также исследуется гуманитариями различных сфер как социологический концепт многие десятилетия. Особый интерес исследователей к проблеме доверия стал проявляться в связи с разработкой концептов и показателей социального капитала, в структуре которого доверие играет определяющую роль (см., напр., [Почебут, 2014; Латов, 2021]). Некоторые исследователи даже ставят знак равенства между этими понятиями [Фукуяма, 2008: 52; Штомпка, 2012: 14].

В ходе настоящего исследования авторы провели анализ уровня доверия по основным типам доверия, генерализованному и институциональному. В число изучаемых форм доверия вошли доверие к ближайшему окружению респондентов (семья, коллеги по работе, соседи) – личное доверие по классификации П. Штомпки, а также позиционное доверие (к определенным социальным ролям) и доверие к различным социальным группам (групповое доверие по той же классификации).

Для измерения генерализованного доверия принято использовать вопрос, который с 1950-х используется в массовых опросах во многих странах и формулируется следующим образом: «Как вы считаете, большинству людей можно доверять, или в отношении с людьми следует быть осторожным?». С 1980-х этот вопрос используется в мониторинговом режиме (раз в 10 лет) в проектах The European Value Survey (EVS) и The World Value Survey (WVS), что дает возможность проводить межстрановые сравнения оценок данного показателя. Принято считать, что ответ на этот вопрос базируется на морально-этических нормах и ценностях, принятых в той или иной социальной среде, и практически не зависит от психологических особенностей личности и конкретной ситуации, в которой проводится опрос. Ответ на этот вопрос является показателем доверия к людям «вообще» как основы взаимоотношений людей в данном социуме.

Институциональное, позиционное, групповое и личное доверие чаще всего измеряются путем оценки ответов на закрытый вопрос «В какой степени вы доверяете...» и далее перечисляются объекты оценки доверия. В нашем исследовании в качестве таких объектов были взяты 18 политических, социальных институтов и групп. Варианты ответов представляли собой 4-балльную шкалу Лайкерта, к которой был добавлен вариант ответа «затрудняюсь ответить».

Авторами проведен факторный анализ оценок доверия к 18-ти институтам, в результате которого выделены четыре группы объектов оценок: 1) выборные институты власти; 2) партии, полиция, СМИ; 3) социальное окружение (семья, коллеги, соседи); 4) коммерческие и некоммерческие организации (метод главных компонент, процент объясненной дисперсии 67,6%). Для дальнейшего анализа показателя доверия из каждой группы отобраны по одному объекту, исходя из критерия максимальной близости его к населению: это – депутаты от поселения, телевидение и радио, коллеги по работе или учебе, предприниматели и представители бизнеса.

Методика исследования. Центральной проблемой исследования являлся поиск ответа на вопрос, каким образом в разных поколенческих срезах взаимодействуют между собой модернизационный социокультурный синдром (МСКС) и доверие, находящиеся на разных уровнях структуры личности. Предметом исследования стала поколенческая динамика взаимосвязи (взаимодействия) МСКС и различных типов доверия.

В качестве гипотез авторы выдвинули следующие предположения:

1) на формирование *генерализованного доверия* (доверия к людям вообще, которое, по нашему мнению, входит в состав высшего уровня диспозиционной структуры по Ядову [Саморегуляция..., 2014]) оказывали влияние условия социализации (социально-политические и экономические условия), различные для изучаемых поколений; следовательно, величина оценок этого типа доверия должна показать определенную зависимость от принадлежности респондентов к тому или иному поколению;

2) поскольку, как показывают опросы отечественных служб изучения общественного мнения, наиболее высокий уровень доверия проявляется в «ближнем» (семейном) круге

общения, это дает основание предполагать, что уровень *личного доверия* в нашем исследовании должен быть наиболее высоким и повышаться от предыдущего поколения к последующему;

3) межпоколенческая динамика *различных типов доверия* имеет разнонаправленный характер в силу разной субъективной значимости исследуемых социальных и политических институтов для жизнедеятельности респондентов;

4) опираясь на материалы своих предыдущих исследований, авторы ожидают повышения в каждом последующем поколении *среднего уровня показателя модернизации культуры личности* по сравнению с предыдущим;

5) исходя из предположения о связи показателей *МСКС* и *генерализованного доверия* в процессе модернизации общества, авторы предполагают, что чем выше уровень *МСКС*, тем выше уровень *генерализованного доверия*;

6) основываясь на допущении о разнотемпоральной динамике модернизации различных сфер жизнедеятельности, можно предполагать, что *взаимосвязь МСКС с институциональным, позиционным и групповым типами доверия* в разрезе возрастной динамики зависит от объекта доверия.

Авторами использована следующая поколенческая градация респондентов: 1990–2002 гг. рождения; 1975–1989 гг.; 1960–1974 гг.; 1960 г.р. и старше. Поскольку условия жизнедеятельности, присущие каждому из выделенных нами временных периодов, существенно различались, это не могло не сказаться на формировании поведенческих установок¹.

Эмпирической базой для решения поставленной задачи служили данные репрезентативного социологического опроса жителей Пермского края, проведенного в конце 2019 – начале 2020 г. региональной социологической службой «СВОИ». Репрезентативная выборка² в количестве 2400 чел. отвечает всем требованиям качественной и количественной репрезентативности (максимальная ошибка выборочных оценок $\pm 2,0\%$ при вероятности 0,95). Число опрошенных респондентов в каждом муниципалитете Пермского края составляло от 40 до 432 чел. (максимальная ошибка выборочных оценок варьируется от $\pm 20,0\%$ до $\pm 5,0\%$ при вероятности 0,95).

Межпоколенная оценка доверия. Показатели *генерализованного доверия* в разных поколенческих группах приведены в табл. 2.

Принимая во внимание статистическую погрешность для нашей выборки ($\pm 2,0\%$), можно сделать вывод, что чем старше поколение респондентов, тем более у них выражена установка на доверие к окружающим людям вообще, независимо от их статуса и ролевой принадлежности, что является аргументом в пользу нашей первой гипотезы. Вместе с тем следует отметить невысокую чувствительность используемой двоичной («да/нет») шкалы

Таблица 2

Ответы на вопрос о генерализованном доверии
(% от числа респондентов данной возрастной группы)

Варианты ответа на вопрос «Большинству людей можно доверять, или в отношениях с людьми следует быть осторожными?»	Поколение (года рождения)			
	1990–2002	1975–1989	1960–1974	До 1960
Можно доверять (636 чел.)	26,3	27,8	27,5	30,0
В отношениях с людьми надо быть осторожными (1656 чел.)	73,7	72,2	72,5	70,0
Пропущенные (108 чел.)				
Всего валидных наблюдений (2400 чел.)	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Предложенная авторами возрастная градация нацелена на анализ именно условий формирования личности респондента в тот или иной исторический промежуток времени и не предусматривает лонгитюдного подхода к рассмотрению возрастных различий формирования личности.

² Генеральной совокупностью является городское и сельское население Пермского края 18 лет и старше (2,1 млн чел.).

Таблица 3

Ответы на вопросы о личном, групповом и институциональном доверии
(% ответов «полностью доверяю» от числа респондентов данной возрастной группы)

Объекты доверия	Поколение (года рождения)			
	1990–2002	1975–1989	1960–1974	До 1960
СМИ (радио и ТВ)	7,0	2,9	6,7	8,7
Предприниматели, представители бизнеса	5,0	2,1	3,8	3,8
Коллеги по работе	14,7	12,3	22,1	45,4
Депутаты от поселения	4,5	1,7	6,6	10,9

оценки генерализованного доверия, что не позволяет проводить более глубокий статистический анализ зависимости данного показателя от других социологических параметров.

Результаты нашего опроса по другим типам доверия (личное, позиционное, групповое и институциональное) показали, как и ожидалось, разнонаправленность динамики оценок в разных поколенческих группах в зависимости от характеристики объектов доверия (табл. 3).

Однофакторный дисперсионный анализ, проведенный по указанным объектам доверия, показал разнонаправленную зависимость уровня доверия в зависимости от возраста и от объекта доверия: с возрастом доверие к СМИ повышается (хотя несильно и неравномерно); доверие к представителям бизнеса несколько снижается; доверие к коллегам и доверие к местным депутатам существенно повышается.

Межпоколенная оценка МСКС. Для проверки гипотезы о поколенной динамике уровня показателя модернизации культуры личности авторами проведен одномерный дисперсионный анализ массива. В качестве факторной переменной модели использовался показатель принадлежности респондента к поколению, а в качестве результирующей переменной модели использован показатель уровня модернизации культуры личности.

Согласно рис. 2, в анализируемом массиве данных наблюдается монотонное возрастание величины показателя «уровень модернизации культуры личности респондента» при переходе

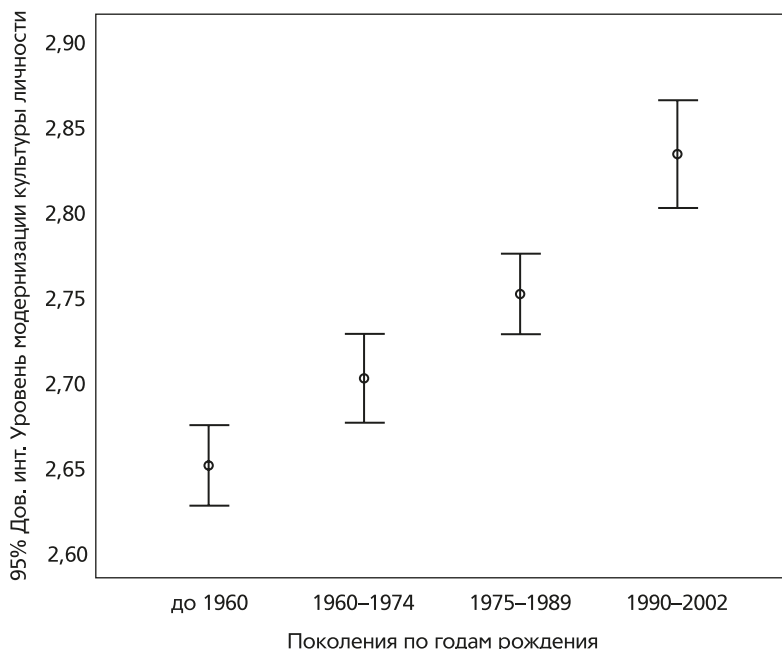

Рис. 2. Межпоколенная динамика уровня модернизации культуры личности (МСКС)

от каждого предыдущего поколения к последующему, что не опровергает высказанную нами гипотезу. Анализ результатов дисперсионного анализа показывает статистическую значимость анализируемой связи для уровня 0,0005. Уровень статистики Ливиня (при значимости 0,0005) не позволяет принять нулевую гипотезу об однородности дисперсий, поэтому для попарных сравнений групповых средних использован критерий попарных сравнений Геймс-Хоуэлла на основе t-критерия (не превышает 0,025). Таким образом, межпоколенные различия показателя уровня модернизации культуры личности статистически значимы, что не опровергает проверяемую гипотезу.

Оценка взаимосвязи доверия и МСКС. Анализ связи генерализованного доверия и показателя МСКС в поколенческом разрезе показал разнонаправленную динамику их социального взаимодействия. В группе «традиционалистов» уровень генерализованного доверия с возрастом сначала повышается, достигая максимума в возрастной когорте 46–60 лет, а затем, в возрастной группе представителей послевоенного поколения, резко снижается. В то же время в группе «модернистов» наблюдается плавное повышение уровня генерализованного доверия с возрастом (табл. 4). Эти данные позволяют сделать вывод о разнонаправленном влиянии модернизационного синдрома на генерализованное доверие в межпоколенном аспекте.

Таблица 4

Ответ на вопрос о генерализованном доверии
(% ответов «можно доверять» от числа респондентов данной возрастной группы)

Группы респондентов	Поколение (года рождения)			
	1990–2002	1975–1989	1960–1974	До 1960
Традиционалисты	25,8	24,3	28,8	23,8
Модернисты	21,3	28,7	30,3	29,5

Межпоколенная оценка взаимозависимости других анализируемых нами типов доверия и модернизационного синдрома проводилась по четырем выделенным нами объектам: СМИ (телевидение и радио), предприниматели и представители бизнеса, коллеги по работе, депутаты от поселения. В табл. 5 приведены результаты этого анализа по альтернативным группам «традиционалистов» и «модернистов».

Приведенные данные подтверждают гипотезу о влиянии типа объектов доверия на возрастную динамику личного, группового и институционального типов доверия при

Таблица 5

Ответы на вопросы о личном, групповом и институциональном типах доверия
(% ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю, чем не доверяю» от числа респондентов данной возрастной группы)

Группы респондентов	Поколение (года рождения)			
	1990–2002	1975–1989	1960–1974	До 1960
СМИ (радио и ТВ)				
Традиционалисты	38,2	24,9	34,1	53,5
Модернисты	18,7	28,7	27,5	47,7
Предпринимателям, представителям бизнеса				
Традиционалисты	44,9	22,6	17,7	14,9
Модернисты	47,5	44,9	33,3	22,7
Коллегам по работе				
Традиционалисты	70,8	67,5	65,3	64,4
Модернисты	73,8	84,7	81,7	88,6
Депутатам от поселения				
Традиционалисты	27,0	10,7	18,0	24,2
Модернисты	15,3	12,6	17,6	22,7

учете влияния фактора МСКС. А именно: чем выше у респондентов показатель МСКС, тем меньше они доверяют СМИ; рост показателя МСКС повышает уровень доверия к представителям бизнеса и к коллегам по работе; групповая динамика доверия к СМИ и представителям бизнеса при росте значения показателя модернизационного синдрома имеют разнонаправленный характер: в отношении СМИ происходит рост доверия, а в отношении представителей бизнеса – снижение; доверие к коллегам по работе и к депутатам в разных поколенческих когортах с ростом значения модернизационного синдрома не выявило никакой закономерности, что свидетельствует о независимости этих типов доверия от показателя МСКС; самый низкий уровень доверия отмечен к местной представительной власти, причем повышение значения МСКС парадоксально повышает уровень недоверия к этому политическому субъекту местного самоуправления.

Общие выводы. Для понимания полученных выводов надо учитывать, что хотя Пермский край – относительно успешный индустриальный регион с диверсифицированной экономикой, но для него характерны [Коробейников, 2017] в целом невысокий уровень и несбалансированность основных социальных ресурсов (относительно высокий уровень человеческого потенциала, средний уровень предпринимательского потенциала и низкий уровень социального капитала). Обнаруженные социологические закономерности, характеризующие взаимосвязи модернизационного синдрома и разных типов доверия в межпоколенном аспекте, могут быть отнесены, по крайней мере, к населению похожих по условиям жизни регионов, входящих, главным образом, в Урало-Поволжье.

Результаты нашего исследования дают основание предположить дифференциацию населения исследуемого регионального социума на группы с различным уровнем модернизации культуры. Сравнительная оценка межпоколенных различий предложенных нами индикаторов социального поведения выявила разнонаправленность их взаимосвязи в зависимости от типа института или социальной группы, по отношению к которым оценивается уровень доверия. В частности, генерализованное доверие слабо зависит от принадлежности респондентов к тому или иному поколению. В то же время личное доверие от поколения к поколению возрастает.

Характер связей модернизированности культуры с доверием различен для разных типов доверия. Показатель модернизации культуры демонстрирует его повышение в каждом последующем поколении. Модернизационный синдром оказывает наибольшее влияние на генерализованное и личностное доверие, а его влияние на уровень институционального доверия зависит от объекта доверия. В дальнейшем следует повысить чувствительность шкалы, измеряющей уровень генерализованного доверия, что позволит исследователям более точно описать характер связей данного типа доверия с уровнем модернизации культуры.

Выявленная в исследовании связь межпоколенной динамики культуры и разных типов доверия позволяет ожидать различных темпов повышения уровней доверия в зависимости от объектов доверия. Полученные результаты дают новые возможности для исследования влияния процесса модернизации культуры на социальный капитал российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. М.: Флинта; Наука, 2006.
- Вассерман Ю.М. Анализ социокультурных последствий модернизации российского общества (некоторые результаты пилотажного исследования) // Ученые записки гуманитарного факультета. Вып. 7. Пермь: ПГТУ, 2004. С. 225–239.
- Вассерман Ю.М. Культура труда и процесс социальной модернизации // Актуальные проблемы развития современного российского общества. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009. С. 78–102.
- Вассерман Ю.М. Модернизация культуры и культура собственности (опыт лонгитюдного исследования) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2014. № 4 (25). С. 36–51.
- Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

- Инглхарт Р.Ф. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. Мысль, 2018.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011.
- Кови С., Меррил Р. Скорость доверия. То, что меняет всё. М.: Альпина, 2010.
- Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011.
- Коробейников А.М. Социальный капитал как предпосылка капитализации человеческого потенциала региона // Развитие менеджмента в условиях перехода к цифровой экономике. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2017. С. 178–184.
- Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.
- Маркарян Э.С. О социально-управленческом значении формирования культурологии // Проблемы планирования, прогнозирования, управления и изучения культуры как целого. Пермь: Изд-во ПГУ, 1981. С. 9–12.
- Селигман А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Почебут Л.Г., Свенцкий А.Л., Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Кузнецова И.В. Социальный капитал личности: Монография. М.: ИНФРА-М, 2014.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расш. изд. М.: ЦСПИМ, 2013.
- Файнбург З.И. Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1978. № 1. С. 28–34.
- Фукуяма Ф. Доверие. М.: АСТ Москва, 2008.
- Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность, 2003. № 2. С. 17–31.
- Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.
- Bohannan P. Rethinking Culture // Current Anthropology. A World Journal of the Sciences of Man. 1974. Vol. 14. No. 4. P. 357–372.
- Culture: Man's Adaptive Dimension. Ed. by A. Montague. New York, 1968.
- Ogburn W. On culture and social change. Chicago, 1964.
- Putnam R.D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.
- White L.A. The science of culture: A study of man and civilization. 2nd ed. New York, 1969.

Статья поступила: 01.11.21. Финальная версия: 10.01.22. Принята к публикации: 31.01.22.

MODERNIZATION SYNDROME AND TRUST: INTERRELATION IN THE ASPECT OF INTERGENERATIONAL CHARACTERISTICS

BURKO V.A., WASSERMAN Y.M.

Perm National Research Polytechnic University, Russia

Viktor A. BURKO, *Cand. Sci (Sociol.)*, Assoc. Prof. (victor-burko@yandex.ru); Yuri M. WASSERMAN, *Cand. Sci (Econ.)*, Assoc. Prof. (yuriywasserma@gmail.com). All – Department of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.

Acknowledgements. This work is supported by the Russian Foundation for Basic Research project No. 18-011-00548.

Abstract. During the implementation of the RFBR grant on the topic “Intergenerational dynamics of culture: territorial aspect”, the authors tried to assess the relationship between two sociological indicators: the modernization syndrome and trust (generalized, institutional, personal, group). At the same time, the operationalization of the modernization syndrome is the original development by one of the article authors. The information base of the study was a survey of 2,400 respondents of the Perm Territory, conducted on a representative sample in late 2019 – early 2020. The results of study give grounds to assume that the regional society is differentiated into groups with different levels of cultural modernization. A comparative assessment of intergenerational differences in the indicators of social behavior that we proposed revealed a multidirectionality of their relationship depending on the type of institution or social group in relation to which the level of trust is assessed. Generalized trust weakly depends on respondents belonging to a particular generation. At the same time, personal trust increases from generation to generation. The conducted research has demonstrated the existence of differentiation of society in terms of the modernization level of culture and its connection with different types of trust. The nature of these links is different for different types of trust. The indicator of cultural modernization shows its increase in each subsequent generation. The modernization syndrome has the greatest impact on generalized and personal trust, and its impact on the level of institutional trust depends on the object of trust. At the same time, in the future, the sensitivity of the scale measuring the generalized trust level should be increased, which will allow researchers to more accurately describe the nature of the relationship of this type of trust with the level of cultural modernization. The connection between the intergenerational dynamics of culture and different types of trust revealed in the study allows us to expect different rates of increase in the levels of trust depending on the objects of trust. The results obtained make it possible to investigate the impact of the process of cultural modernization on the social capital of society.

Keywords: dispositional concept, sociocultural modernization syndrome, generalized trust, institutional trust, intergenerational analysis of culture modernization.

REFERENCES

- Antonenko I.V. (2006) *Socio-psychological concept of trust*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.)
- Bohannan P. (1974) Rethinking Culture. *Current Anthropology. A world journal of the sciences of man*. Vol. 14. No. 4: 357–372.
- Covey S., Merrill R. (2010) *The speed of trust. That which changes everything*. Moscow: Alpina Publishing House. (In Russ.)
- Culture: Man's Adaptive Dimension*. (1968) Ed. by A. Montague. N.Y.
- Feinburg Z.I. (2008) The change of the historical type of culture in the conditions of modernity (some questions of the methodology of the problem). *Izvestiya Severokavkaz. nauch. centra vyssh. shkoly. Obshchestvennye nauki*. [Izv. North Caucasus. scientific center higher school. Social sciences]. No. 1: 28–34. (In Russ.)
- Fukuyama F. (1978) *Trust*. Moscow: AST Moscow. (In Russ.)
- Giddens A., Sutton Ph. (2018) Culture. In: *Basic concepts in Sociology*. Moscow: HSE: 227. (In Russ.)
- Inglehart R.F. (2018) *Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge University Press.
- Inglehart R., Welzel Ch. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press.

- Kozyreva P.M. (2011) *Trust and its Resources in Modern Russia*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Korobeynikov A.M. (2017) Social capital as a prerequisite for capitalizing the region's human potential. In: *Razvitie menedzhmenta v usloviyah perekhoda k cifrovoj ekonomike* [Development of management in the context of the transition to a digital economy]. Perm: Perm State University: 178–184. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2021) Institutional Trust as a Social Capital in Modern Russia (on the Results of Monitoring). *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies]. No. 5: 161–175. (In Russ.)
- Markarian E.S. (1981) On the socio-managerial significance of the formation of cultural studies. In: *Problems of planning, forecasting, management and study of culture as a whole*. Perm: 9–12. (In Russ.)
- Ogburn W. (1964) *On culture and social change*. Chicago.
- Putnam R.D. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Pochebut L.G., Svetsitsky A.L., Mararitsa L.V., Kazantseva T.V., Kuznetsova I.V. (2014). *Social capital of personality*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
- Self-regulation and forecasting of a person's social behavior* (2013): A dispositional concept. 2nd expanded ed. Moscow: TSSPIM. (In Russ.)
- Seligman A. (2002) *The problem of trust*. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)
- Shikhirev P.N. (2003) The nature of social capital: socio-psychological approach. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 2: 17–31. (In Russ.)
- Sztompka P. (2012) *Trust is the foundation of society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Vasserman Yu.M. (2004) Analysis of the socio-cultural consequences of the modernization of Russian society (some results of the pilot study). *Uchenye zapiski gumanitarnogo fakul'teta* [Scientific notes of the Faculty of Humanities]. No. 7: 225–239 (In Russ.)
- Vasserman Yu.M. (2009) Work culture and the process of social modernization. *Aktual'nye problemy razvitiya sovremennogo rossijskogo obshchestva* [Actual problems of development of modern Russian society]. Perm, Publishing House of PSTU: 78–102. (In Russ.)
- Vasserman Yu.M. (2014) Modernization of culture and culture of property (the experience of longitudinal research). *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences]. No. 4 (25): 36–51. (In Russ.)
- White L.A. (1969) *The science of culture: A study of man and civilization*. 2nd ed. New York.

Received: 01.11.21. Final version: 10.01.22. Accepted: 31.01.22.

Р. ШАРОВИЧ, Г. ЧЕРАНИЧ, П. ЖИВКОВИЧ, Н. КРИВОКАПИЧ

ДОВЕРИЕ К СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТАМ КАК ИНДИКАТОР ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЧЕРНОГОРИИ

ШАРОВИЧ Раде – доктор социологических наук, профессор (sarovicrade@gmail.com); ЧЕРАНИЧ Горан – доктор социологических наук, профессор (gorance@ac.me); ЖИВКОВИЧ Предраг – доктор социологических наук, доцент (sociollog@gmail.com); КРИВОКАПИЧ Наташа – доктор социологических наук, доцент (natashak@t-com.me). Все – философский факультет Университета Черногории, Никшич, Черногория.

Аннотация. Результаты исследования показывают взаимосвязь между (не)доверием к социальным институтам в Черногории и социальными изменениями, которые проявились в виде смены правительства этой страны в 2020 г. Сравнительное исследование направлено на объяснение того, как отсутствие доверия к большинству государственных институтов привело к росту доверия к другим институтам – прежде всего, к православной церкви и армии. Авторы доказывают, что культурологическая модель доверия полностью применима для изучения динамики доверия к институтам черногорского общества. Обращение к историческому и экономическому контексту событий позволяет привести дополнительные аргументы об их влиянии на уровень доверия респондентов. Исследование показывает, что доверие к институтам во многом зависит от изменений и процессов, происходящих вокруг них, и в конечном итоге вызывает социальные изменения в форме смены одной системы социального управления на другую.

Ключевые слова: Черногория • доверие • институты • общественные изменения

DOI: 10.31857/S013216250017773-3

Когда мы говорим о доверии/недоверии граждан к политическим институтам, то обычно подразумеваем два теоретических подхода. Один из них – культурологический, другой – институциональный [Mishler, Rose, 2001]. Согласно культурологическому подходу, доверие к политическим институтам зависит от ценностей, которые передаются от родителей к детям через семью, при этом общее социальное доверие является одной из наиболее важных непосредственных детерминант. Институциональные же теории в качестве основных детерминант доверия к любым социальным институтам указывают на их эффективность и действенность, на оценку их функционирования со стороны граждан. Например, Т. Ван дер Меер и П. Деккер рассматривают доверие к национальным политическим институтам как следствие рациональной оценки отношений между индивидом и государством, которая зависит от компетентности, заинтересованности, ответственности и надежности этих институтов [Van der Meer, Dekker, 2011: 110–111].

Исследуя доверие граждан к социальным институтам, необходимо упомянуть исследования, в которых говорится об изучении социального капитала как важного сегмента социальных отношений. Для нашего исследования особенно важно исследование Р. Патнэма, согласно которому эффективность институтов в первую очередь обусловлена экономическими, политическими или более широкими социальными условиями. Особое внимание он уделял социокультурным факторам, которые включают гражданское участие (политическое и неполитическое), политическое равенство (равные права и обязанности для всех членов сообщества), солидарность и доверие [Patnam, 2003].

В предлагаемой статье мы стремились показать на примере Черногории тесную связь доверия к социальным институтам и социальных изменений. С помощью системного подхода в социологии, на основании которого чаще всего анализируется категориальный

аппарат, связанный с понятием социальных изменений, различаются изменения *внутри* системы от изменения *самой* системы [Lazich, 2008: 3–4]. Мы сосредоточимся на определении социальных изменений как изменений *внутри* системы (в данном случае – внутри страны), посредством которых отдельные лица и социальные группы меняют свой образ мышления, политическую власть, роли и положение [Sztompka, 1994: 12]. В нашем случае речь идет о таких отдельных изменениях, которые не меняют существенных свойств системы, но меняют внутренние отношения и носителей политической власти.

Принимая эту концептуальную схему, мы на опыте событий в Черногории в 2000–2010-х гг. попытаемся показать, как социальные изменения осуществляются через смену политического устройства и правительства, а также, самое главное, как они связаны с динамикой доверия к национальным социальным институтам.

Исторический и экономический контекст (не)доверия к социальным институтам.

В начале XX в. черногорское общество принадлежало к традиционному типу общества с автаркичным натуральным сельскохозяйственным производством и неразвитой социальной структурой. В период между двумя мировыми войнами развитие социальных институтов в Черногории не входило в число приоритетов югославского правительства. В то же время в стране постепенно развивалась промышленность, что привело к определенным сдвигам в общественном разделении труда.

После окончания Второй мировой войны Социалистическая Республика Черногория официально стала одной из шести равноправных республик в новой югославской федерации (СФРЮ), тем самым вернув утраченный в 1918 г. статус государства. В середине 1948 г. Югославия меняет свой политический курс – отказывается от правил, навязанных советской коммунистической системой, и разворачивается к Западу. Хотя в 1953–1964 гг., «паря на крыльях помощи» Запада, Югославия прожила исключительно благоприятные 11 лет развития [Antonich, 2004: 25], ее государственный институциональный аппарат и администрация сохраняют все черты авторитаризма. Многопартийная демократия не существует, руководящая коммунистическая партия достигла пика своего могущества. В отношении этого периода следует выделить тот факт, что коммунисты построили промышленность, которая сумела аккумулировать и использовать все природные возможности и богатства страны, освободили крестьян от высоких налогов, ввели самоуправление в производственных компаниях и в каком-то смысле обеспечили эгалитаризм среди людей. Однако югославские социальные институты никогда не были в состоянии обеспечить стабильность и эффективность, как в развитых демократических странах, и не успевали за экономическими «успехами» страны. Почти каждые десять лет происходила конституционная реформа («революция»), направленная на улучшение идеологической поддержки функционирования коммунистической системы. Единственной стабильностью были партийные ячейки, а также неформальные отношения и связи, в то время как руководство и курс социальных институтов постоянно менялись под партийным давлением.

«Золотой» век экономики быстро закончился. В 1980-е гг., когда с Запада перестали поступать льготные кредиты, экономика начала проявлять первые признаки кризиса. «В тот период югославам снова пришлось зарабатывать себе на жизнь своим трудом. Годовая инфляция увеличивается до 84%, а зарплаты и пенсии стремительно падают, поэтому уровень жизни падает на треть» [Antonich, 2004: 29]. Под этим давлением социальные институты с уже полностью окостеневшей структурой постепенно начинают проявлять первые признаки свободы. В то же время их идеология демонстрирует полную беспомощность по отношению к национализму, активно распространяющемуся во всех югославских республиках.

После кровавого распада СФРЮ (1991) Черногория и Сербия вместе создали новый государственный союз – Союзную Республику Югославия. В самом начале своего функционирования (1992–1996) эта страна находилась под санкциями ООН и была полностью коммерчески изолирована от остального мира. На кризисное социально-экономическое развитие тормозящее влияние оказывали многие факторы: деструктивная

и нефункциональная система (социальная, экономическая, организационная, институциональная и нормативная), альтернативные институты, слабое верховенство права, неудачная неолиберальная экономическая политика, разрушенная и неразвитая экономическая институциональная инфраструктура и др. [Драшкович, 2017: 100]. Ко всему этому добавилась агрессия НАТО, цинично названная «Ангел милосердия» (1998), что дополнительно способствовало коллапсу экономики. Эти события еще больше снизили легитимность и силу социальных институтов, в результате чего они потеряли даже тот минимум независимости, который когда-то имели при социализме. Неравенство среди людей стало настолько большим, что средний класс, который доминировал в СФРЮ, почти исчез. В то же время «наверху» выкристаллизовался новый класс политиков-предпринимателей, а «внизу» – огромное количество бедняков.

После восстановления государственной независимости в 2006 г. в Черногории ожидалось радикальное и быстрое изменение всего общественного устройства, стабилизация институциональной системы страны. Однако процесс постсоциалистического транзита, установления нового (социально более гуманного) порядка, лишь начинался. При таком балансе сил и под давлением правящей партии институциональный аппарат нельзя было рассматривать как автономный руководящий орган, который может направлять и инициировать эти изменения. Напротив, как и при социализме, институты строились как партийные «ветви» с минимальной независимостью.

Все нарушения в функционировании политического порядка неизбежно влияют на снижение доверия к институциональной системе, сокращают участие граждан в политической жизни и приводят к полному отчуждению от системы, к которой они принадлежат. В то же время, по мнению ряда ученых, даже в тех случаях, когда политическая элита полностью приватизирует предприятия и злоупотребляет социальными институтами, элементарное доверие позволяет этому общественному порядку работать. Это элементарное доверие к основным институтам общества в итоге ставит под сомнение и само конституционное устройство как общепринятое в обществе соглашение [Balaban, Rimac, 1998: 664].

При таком балансе сил в Черногории росло доверие к традиционным институтам, которые существовали на этой земле на протяжении веков, – армии, системе образования и православной церкви (Сербской православной церкви в Черногории). Исторически именно церкви, школы и монастыри являлись первыми «классными комнатами», незаменимыми культурными и цивилизационными источниками черногорского народа и его культуры. Епископы (владыки) были также в XVI–XIX вв. первыми правителями, которые вместе с народом строили государство Черногория. Они решали как светские, так и духовные вопросы общественного развития; некоторые из них (например, правивший в первой половине XIX в. Петр II Петрович Негош) заслуженно считаются основоположниками общественного строя Черногории [Vukichevich, 2003]. Несмотря на давление социалистического строя (которое было более чем выраженным), непрерывность и стабильность существования церкви сохранялась на протяжении всей истории Черногории.

Методологический подход к исследованию. Данное исследование направлено на определение доверия граждан Черногории к социальным институтам в двух ключевых моментах современной истории Черногории – в 2008 г. (через 2 года после восстановления независимости Черногории) и в 2019 г. (накануне первой демократической смены правительства в 2020 г.), что придает результатам нашего исследования лонгитюдный характер.

Данные о доверии граждан к социальным институтам были получены в рамках международного исследовательского проекта по изучению европейских ценностей *European Values Study*, который осуществляется в 47 европейских странах с 1981 г. Этот проект является крупнейшей европейской исследовательской программой, которая касается основных человеческих ценностей и дает представление об идеях, убеждениях, предпочтениях, взглядах, ценностях и мнениях граждан по всей Европе. Последний опрос в Черногории проводился в июне–декабре 2019 г. на репрезентативной выборке из 1003

Таблица 1

**Степень доверия к социальным институтам
(2019)**

Степень доверия	Социальные институты	Степень доверия, %				Суммарно большое и очень большое доверие, %
		Очень большое	Большое	Небольшое	Нет доверия	
Более 50%	Церковь	45,5	35,5	12,7	6,2	81,0
	Армия	13,7	43,4	32,4	10,5	57,1
	ЕС	12,5	43,4	30,0	14,1	55,9
	ООН	11,1	40,3	32,7	15,9	51,4
40–50%	Полиция	11,7	37,2	36,4	14,7	48,9
	Образование	12,6	34,1	42,2	11,1	46,7
	Здравоохранение	8,8	32,1	43,8	15,4	40,9
30–40%	Организации по охране окружающей среды	6,1	33,8	42,2	18,0	39,9
	Социальное обеспечение	7,5	31,4	41,0	20,1	38,9
	Государственная администрация	6,9	30,4	39,5	23,2	37,3
	Государственные службы	7,5	28,5	48,4	16,7	36,0
	Правосудие	7,7	28,3	43,9	20,1	36,0
	Крупные предприятия	5,9	30,1	44,9	19,0	36,0
	Парламент	8,5	26,2	42,4	22,9	34,7
Менее 30%	Политические партии	5,2	24,6	41,6	28,5	29,8
	Профсоюзы	5,0	21,1	47,6	26,3	26,1
	Пресса	4,9	17,6	44,5	33,0	22,5

респондентов агентством De Facto Consultancy (Подгорицы) под эгидой Министерства иностранных дел¹.

Зависимой переменной нашего исследования является вопрос о доверии к социальным институтам, в котором респондентов просили ответить, насколько они доверяют каждому из предложенных институтов. Доверие можно было выразить ответами «очень большое», «большое», «не очень большое», «нет доверия» и «не знаю». Респонденты, ответившие «не знаю» или не ответившие вообще, исключены из дальнейшего анализа.

Дифференциация доверия к институтам. Анализируя результаты опроса 2019 г., очевидно, что доверие к разным социальным институтам существенно варьируется.

В нашем исследовании в качестве критерия доверия мы взяли доверие к тем институтам, к которым более половины респондентов выразили «большое» или «очень большое» доверие: это – церковь, армия, ЕС и ООН. Церковь – социальный институт, которому в Черногории в 2019 г. больше всего доверяли, доверие ей высказали 81% респондентов. В нижней части шкалы доверия оказались пресса и профсоюзы, которым доверяют лишь около 20% граждан.

Как видно из табл. 1, институты можно иерархически разделить на три группы. В первую группу войдут институты с доверием выше 50% (церковь, армия, ЕС и ООН). Вторую группу составляют социальные институты с показателем доверия от 30 до 50% (правительство

¹ База данных и анкета загружены с <https://europeanvaluesstudy.eu/education-dissemination-publications/> (дата обращения: 25.10.2021).

и государственная администрация, сфера образования, полиция, организации по защите окружающей среды и сфера здравоохранения). Наконец, третью группу составляют институты, получившие менее 30% поддержки граждан (политические партии, государственные службы, профсоюзы и пресса). Как видим, граждане Черногории больше всего верят в оборонные и религиозные институты, в то время как доверие к институтам, которые должны составлять основу демократической системы, находится на очень низком уровне. Например, профсоюзы, важная часть плюралистической системы, имеют крайне низкое доверие граждан. Не в лучшей ситуации находятся государственная администрация и правительство, которые непосредственно занимаются социальными вопросами и положением граждан.

Для сравнения укажем, что, в отличие от Черногории, в странах Западной Европы не церковь, а полиция является институтом, пользующимся наибольшим доверием. В частности, опрос Евробарометра в 2018 г.² показывает, что в большинстве западноевропейских стран именно полиция является самым авторитетным институтом, в то время как доверие, например, к Европейскому союзу падает, а его расширение не поддерживается. С другой стороны, показатели доверия к социальным институтам граждан соседней Хорватии оказались подобны показателям Черногории. Результаты наших соседей тоже говорят о наибольшем доверии граждан к церкви и армии, что свидетельствует о схожей системе ценностей в странах бывшей Югославии. Этот ценностный образец сформировался благодаря общему социокультурному и историческому контексту, а не одной и той же религиозной традиции. Хотя хорваты в большинстве случаев являются католиками, а в Черногории преобладает православие, но в обеих странах религиозным авторитетам доверяют больше, чем всем светским институтам [Sekulich, Shporer, 2010: 81].

Динамика доверия к институтам (2008–2019): «выигравшие» и «проигравшие».

Лонгитюдное исследование доверия к социальным институтам в Черногории позволяет отметить два наиболее важных момента в современной истории страны. Первый относится к 2008 г. и периоду после восстановления независимости Черногории (2006). Это было время создания государственных институтов, время, когда выстраивался курс внешней политики и прилагались усилия для решения внутренних проблем и «закрытия» всех ранее открытых вопросов. Второй момент относится к 2019 г., поворотному моменту для правительства, которое впервые сменилось на демократических выборах менее чем через год³. Почему же произошла эта демократическая смена правительства, кто были «победителями» и «проигравшими» в доверии граждан в тот период? Это – два важных вопроса, на которые частично ответит наше исследование.

Как ясно видно из табл. 2, за прошедшие 10 лет больше всего доверия потеряли те институты, которые составляют основу современного государства, – сферы

Таблица 2

Социальные институты, которым граждане в 2019 г. выражали меньше доверия, чем в 2008 г. («проигравшие»)

Социальные институты	% доверия в 2008 г.	% доверия в 2019 г.	Величина падения доверия, %
Образование	67,8	46,7	-21,1
Здравоохранение	55,7	40,9	-14,8
Государственные службы	48,5	36,0	-12,5
Правосудие	43,9	36,0	-7,9
Социальное обеспечение	44,6	38,9	-5,7

² Eurobarometer. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys> (дата обращения: 30.10.2021).

³ Речь идет о выборах в парламент (Скупшину) Черногории в августе 2020 г., в результате которых правящая Демократическая партия социалистов Черногории (преемник Союза коммунистов Черногории) впервые потеряла большинство в парламенте, уступив его коалиции оппозиционных партий, поддерживаемой православной церковью.

образования и здравоохранения, государственные службы, правосудие и сфера социального обеспечения.

За период от восстановления независимости (2008) до последних приготовлений к смене власти (2019) ясно видно, насколько исполнительная власть «постаралась» построить отношения взаимного (не)доверия между институциональной системой и рядовым гражданином. Коррупционные скандалы и перманентный экономический кризис, потрясавшие Черногорию за последние 10 лет, отразились и в результатах этого исследования. Действительно, все «проигравшие» в нашем исследовании имеют тесные связи с правительством, и размер потери доверия к ним за прошедший период как раз является результатом этой связи. Раскрытие новых скандалов и «запудривание» наиболее важных из прошлых привели к тому, что большинство граждан перестали доверять системе, в которой они живут, поскольку государственные институты рассматриваются скорее как партийные офисы, чем как службы для всех граждан Черногории. В этом открытии нет ничего удивительного. В нем проявляется непрерывное партийное давление на институты, которое доминировало в нашей стране во времена социализма. Поскольку молодая коммунистическая элита 1990-х только изменила название партии, добавив приставку «демократическая», и таким образом снова пришла к власти, их отношение к институтам в Черногории существенно не изменилось. Изменились определения и внешние формы, но суть осталась прежней: до падения режима в 2020 г. государственные институты оставались партийными ветвями и логистикой всех побед на выборах.

Из табл. 2 более чем очевидно, что доверие граждан к государственным институтам накануне смены правительства было на исторически низком уровне. Это (не)доверие здесь скорее можно определить как «разочарование». После первоначальной эйфории от восстановления независимости и веры в лучшее завтра нередко наступает болезненная «трезвость» и полное падение доверия. Такое резкое падение доверия к системно наиболее важным институтам, по сути, указывает на важный сдвиг в общественном мнении. Меньшие изменения в несколько процентов можно рассматривать как статистические ошибки, но отмеченное большое снижение (от 6 до 21%), безусловно, является отражением начавшегося социального процесса смены власти, который не заметило только бывшее правительство.

Если государственные институты являются самыми «проигравшими» за последние 11 лет и в то же время самым большим разочарованием рядового гражданина, то логично предположить, что доверие граждан оказалось перенаправлено или «перетекло» на какие-то другие, «альтернативные», институты (табл. 3).

Вспомним культурологический подход, который акцентирует внимание на взглядах и ценностях, которые передаются через семью (от родителей к детям), при этом акцент делается на *социальном доверии* как одной из наиболее важных непосредственных детерминант. В таком случае неудивительно, что в сохраняющем патриархальные ориентиры черногорском обществе институты с самыми давними традициями (армия и церковь) убедительно являются крупнейшими «победителями». Ведь оборонные и религиозные

Таблица 3

**Социальные институты, которым граждане в 2019 г.
выражали больше доверия, чем в 2008 г. («победители»)**

Социальные институты	% доверия в 2008 г.	% доверия в 2019 г.	Величина роста доверия, п.п.
Армия	37,0	57,1	20,1
Церковь	63,6	81,0	17,4
Политические партии	16,0	29,8	13,8
ООН	38,4	51,7	13,3
ЕС	46,9	55,9	9,0
Крупные предприятия	29,9	36,0	6,1

институты, ценности которых передавались через семью, являются тем фундаментом, на котором исторически была создана Черногория, и потому представляют собой одну из важнейших социальных детерминант истории Черногории и ее государственности.

Помимо армии и церкви также можно отметить рост доверия к политическим партиям как альтернативе государственным институтам и существующему общественному порядку. Рассматриваемый 2019 г. был предвыборным, что объясняет активизацию партий, поэтому, с одной стороны, они показывают такой рост. С другой стороны, напомним, что во времена социализма институты оставались (или становились) своего рода партийными ячейками. На протяжении десятилетий граждане привыкли решать жизненно важные для них и их семей вопросы в партийных палатах, а не в представительствах госинститутов. При таком балансе сил институциональный аппарат (государственная бюрократия) становится простым исполнителем этих решений, так что единственное, что им остается, это исполнять партийные приказы. Таким образом, чем больше падает доверие к государственным институтам, тем больше начинает расти доверие к политическим партиям, и это крайне тревожный факт.

Точно так же выросло доверие к крупным компаниям, которые в Черногории, в основном, находятся в частной собственности. Поскольку социальный сектор полностью разрушен, а государственных компаний и предприятий почти нет, рядовые граждане вынуждены искать работу у частных предпринимателей, которые опять-таки чаще всего связаны с партийными ячейками и их узкими интересами. Сохранить работу при таком балансе сил означало поддерживать выбор владельца бизнеса и господствующую идеологию. Но владельцы предприятий всегда вознаграждали такую лояльность.

В середине таблицы «победителей» находятся ЕС и ООН. Мы видим, что эти два внешних института тоже демонстрируют значительный скачок доверия по сравнению с 2008 г. (13,3 и 9%). Этот рост частично объясняется разочарованием во *внутренних* социальных институтах и ожидании от *внешних* сил, что они решат наши внутренние проблемы. Эта матрица стала имманентной для населения и институтов Черногории, из-за такого баланса сил подобный результат был ожидаем.

Динамика доверия к институтам (2008–2019): сдвиги в рейтингах доверия. Подводя итог, мы составили «рейтинговый список» доверия к институтам за два этапа исследования и сравнительную шкалу, которая ранжирует институты Черногории в 2008 и 2019 гг. Акцент делается при этом не на «росте» или «упадке» отдельных институтов, а на сравнении их взаимного положения в обществе. Основным критерием в этой процедуре является средняя арифметическая взвешенная. Четыре степени доверия (очень большое; большое; небольшое; нет доверия) были преобразованы в ранговые оценки от 1 до 4 (1 – оценка граждан, имеющих «очень большое» доверие к черногорским социальным институтам, а 4 – оценка выражающих недоверие институтам) и взвесили по долям респондентов, соответствующим каждой оценке доверия.

Из табл. 4 видно, что по среднему арифметическому различия результатов невелики. Однако они также указывают на основные тенденции изменений, произошедших в нашем обществе. Наибольшее «падение» снова испытали институты, которым, по логике вещей, должно быть оказано наибольшее доверие. Самым большим проигравшим является сфера образования (переместилась с 1-го места на 4-е), за ней следуют государственные учреждения, социальное страхование, здравоохранение и правосудие. Но если смотреть на качественные «скачки», то наибольший сдвиг в доверии получили армия (с 10-го на 2-е место) и церковь (вырвалась на 1-е место).

Период, прошедший между двумя опросами, был отмечен экономическим и социальным кризисом, разгулом коррупции (тесно связанной с государственными учреждениями), блокадой парламента и рядом других скандалов. В результате всех этих событий доверие к институтам, которые должны быть инициаторами борьбы с коррупцией и преступностью, падало, а нормальное функционирование общественного строя ставилось под сомнение. Доверие к краеугольным институтам демократического общества,

Таблица 4

Рейтинг доверия к институтам в 2008 и 2019 гг.

2008			2019		
Место	Социальный институт	Средняя оценка доверия	Место	Социальный институт	Средняя оценка доверия
1	Образование	2,18	1	Церковь	1,80
2	Церковь	2,21	2	Армия	2,40
3	Здравоохранение	2,41	3	ЕС	2,46
4	Государственные службы	2,51	4	Образование	2,52
5	Социальное обеспечение	2,55	5	ООН	2,53
6	Полиция	2,62	6	Полиция	2,54
7	ЕС	2,62	7	Здравоохранение	2,66
8	Правосудие	2,63	8	Организации по охране окружающей среды	2,72
9	Организации по охране окружающей среды	2,68	9	Государственные службы	2,73
10	Армия	2,75	10	Социальное обеспечение	2,74
11	Правительство и государственная администрация	2,77	11	Правосудие	2,76
12	ООН	2,78	12	Крупные предприятия	2,77
13	Парламент	2,80	13	Правительство и государственная администрация	2,79
14	Крупные предприятия	2,82	14	Парламент	2,80
15	Профсоюзы	2,97	15	Политические партии	2,93
16	Пресса	3,00	16	Профсоюзы	2,95
17	Политические партии	3,19	17	Пресса	3,06

правительству и парламенту, и в 2008 г. было на очень низком уровне, но в 2019 г. стало еще ниже (13-е место из 17-ти). Правосудие пассивно наблюдало за всеми коррупционными скандалами предыдущего правительства, показав очень плохой результат, опустившись по уровню доверия с 8-го на 11-е место.

Однако снижение доверия к государственным институтам не отразилось на международных партнерах: ЕС поднимается с 7-го на 3-е место (средняя оценка выросла с 2,62 до 2,43), а ООН – с 12-го на 5-е место (средняя оценка поднялась с 2,78 до 2,53). Параллельно также выросло доверие к тем институтам, которые воспринимаются в глазах граждан как борцы за права обездоленного населения. Одним из таких институтов является Сербская православная церковь в Черногории, у которой «Закон о свободе вероисповедания» от 2019 г. пытался конфисковать ценное имущество по всей стране. Это религиозное сообщество впоследствии организовало широкомасштабные религиозные протесты (литии), которые впоследствии переросли в открытую борьбу с режимом и стали одним из основных факторов его падения на выборах 2020 г.

Как ясно видно, в абсолютном выражении доверие к «униформе» растет или сохраняется на том же уровне, что является доминирующей тенденцией, выявленной в этом исследовании. Военные получили большой скачок в рейтинге, церковь оказалась на «вершине» институтов, лишь полиция не изменила места в рейтинге. Наибольший относительный сдвиг – «подскок» доверия к церкви. Помимо того, что в 2019 г. она заняла 1-е место в рейтинге, надо принять во внимание абсолютный рост по балльному показателю изменения доверия, который у церкви является самым большим.

Заключение. Итак, следует сделать вывод, что из-за различных социальных, экономических и политических влияний доверие к разным социальным институтам в Черногории

в 2000–2010-х гг. сильно варьировалось, причем именно (не)доверие к институтам в значительной степени определило качественные социальные изменения, произошедшие в 2020 г.

Социальные институты Черногории можно по степени доверия к ним граждан разделить на три группы. Доверие к институтам, которые оказывают наибольшее влияние на функционирование системы государственного управления (образование, правительство, государственные службы, здравоохранение, правосудие, парламент, политические партии, сфера социального обеспечения), находится на низком уровне, что красноречиво свидетельствует о слабом доверии граждан к тем социальным порядкам, по которым они живут. Доверие к внешним международным институтам нельзя рассматривать с чрезмерным энтузиазмом, но и говорить о евроскептицизме в Черногории мы тоже не можем. Отношение к международным институтам (Европейскому союзу и ООН) совершило серьезный сдвиг за 2008–2019 гг., они заслужили относительно высокое доверие граждан. Повышение доверия к этим институтам – часть модернистской матрицы. Третья группа, абсолютные «победители» в «соревновании» за доверие граждан Черногории, – православная церковь и армия. Доверие к этим двум институтам обусловлено культурой и относится к консервативно-традиционалистскому комплексу, который исторически ярко выражен в Черногории.

В конце концов, открытый конфликт между церковью и правительством в 2019–2020 гг. привел к «победе» церкви и, как следствие, к первой демократической смене правительства Черногории. Выявленная нашим исследованием динамика доверия этим двум институтам перед выборами убедительно объясняет логику событий и демонстрирует важность детальных социологических наблюдений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Драшкович М., Йовович Р., Драшкович В., Стреимикиене Д. Эрозия социокультурного капитала в странах Юго-Восточной Европы // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 99–106. [Drashkovich M., Yovovich R., Drashkovich V., Streimikiene D. (2017) Social institutional factors of slow-down: the case of south-east European countries development. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 99–106. (In Russ.)]
- Antonich S. (2004) Društvena osnova i sadašnji pokušaj modernizacije [The social basis and the current attempt of modernization]. In: *Društvena transformacija i strategije društvenih grupa: svakodnevica Srbije na početku trećeg milenija* [Social transformation and strategies of social groups: everyday life of Serbia at the beginning of the third millennium]. Belgrade: Institute for Sociological Research, Faculty of Philosophy in Belgrade. (In Serb.)
- Baloban S., Rimac I. (1998) *Povjerenje u institucije u Hrvatskoj* [Trust in institutions in Croatia]. Zagreb: Institute of Social Sciences «Ivo Pilar». Vol. 68. No. 4. (In Croat.)
- Mishler W., Rose R. (2001) What are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post Communist Societies. *Comparative Political Studies*. Vol. 34: 30–62.
- Lazich M. (2008) Pojam društvene promene: osnovna teorijska shvatanja [The concept of social change: basic theoretical concepts]. *Sociološka lica* [Light of sociology]. Niksic: Faculty of Philosophy. Vol. II/2: 3–4. (In Mont.)
- Patnam R. (2003) *Kako demokraciju učiniti djelotvornom – Civilne tradicije u modernoj Italiji* [How to make democracy effective – Civil traditions in modern Italy]. Zagreb: Faculty of Political Science. (In Croat.)
- Sekulich D., Shporer Zh. (2010) Gubimo li povjerenje u institucije? [Are we losing trust in institutions?] *Korupcija i poverene* [Corruption and trust]. Zagreb: Centar za demokraciju i pravo: 77–117. (In Croat.)
- Sztompka P. (1994) *The Sociology of Social Change*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Van der Meer T., Dekker P. (2011) Trustworthy states, trusting citizens? A multilevel study into objective and subjective determinants of political trust. In: *Political trust: Why context matters*. Ed. by S. Zmerli, M. Hooghe. Colchester: ECPR Press: 95–116.
- Vukichevich S. (2003) *Crna Gora na prelazu milenijuma* [Montenegro at the turn of the Millennium]. Cetinje: Obod. (In Mont.)

Статья поступила: 02.12.21. Финальная версия: 24.01.22. Принята к публикации: 25.01.22.

TRUST IN SOCIAL INSTITUTIONS AS AN INDICATOR OF SOCIO-POLITICAL CHANGES IN MONTENEGRO

SAROVIC R.*, CERANIC G.*, ZIVKOVIC P.*, KRIVOKAPIC N.*

**University of Montenegro, Montenegro*

Rade SAROVIC, Dr. Sci. (Soc.), Prof. (sarovicrade@gmail.com); Goran CERANIC, Dr. Sci. (Soc.), Prof. (gorance@ac.me); Predrag ZIVKOVIC, Dr. Sci. (Soc.), Assistant prof. (sociollog@gmail.com); Natasha KRIVOKAPIC, Dr. Sci. (Soc.), Assistant prof. (natashak@t-com.me). All – University of Montenegro, Faculty of Philosophy, Department of Sociology, Niksic, Montenegro.

Abstract. Trust in the institutions of the system is a broad concept whose theoretical basis lies in the study of social capital. It is influenced by the socio-historical and social context, various policies that encourage or abolish social inclusion, encourage social mobility and cumulatively develop trust in society. The research shows that the culturological model of trust is fully applicable to the study of trust in the institutions of Montenegrin society. As we will see, since the time of socialism the party and political pressure on the institutional order has continued and deepened with certain special aspects. Institutions remain party's chapters with a minimum of autonomy and institutional credibility. As a consequence, the inhabitants of Montenegro began to believe in other social institutions, which will be shown through this paper. The results of the study singled out two players who significantly determined the result of the last elections and directly influenced the political change of government that took place in 2020. Difficult relationships and complete mutual distrust between the church and the government (state apparatus), as well as the attitude of our respondents to them were crucial elements of the whole process and the initial capsule of the change that followed in Montenegro.

Keywords: Montenegro, trust, society, institutions, social changes.

Received: 02.12.21. Final version: 24.01.22. Accepted: 25.01.22.

© 2022 г.

Е.С. БАЛАЦЮК, Е.А. ГЛАДЧЕНКО

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ КРАФТА В СФЕРЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

БАЛАЦЮК Елизавета Сергеевна – стажер-исследователь Центра молодежных исследований НИУ «Высшая школа экономики» (СПб.) (ebalatsyuk@hse.ru); ГЛАДЧЕНКО Екатерина Андреевна – стажер-исследователь того же центра (egladchenko@hse.ru). Обе – Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Крафтовые мастера – люди, создающие с помощью ручного труда уникальные немассовые товары и включенные в DIY-практики. Крафтовый мастер может оказывать образовательные услуги и, таким образом, совмещать две профессиональные идентичности – создателя и учителя. Работа посвящена анализу представлений крафтовых мастеров Санкт-Петербурга о профессиональной идентичности учителя в сфере неформального образования. На основе лейтмотивных биографических интервью с учителями крафта показано, как крафтовые мастера определяют для себя категорию «профессионала» в сфере обучения, какие навыки и ценности определяют их понимание идентичности учителя. Выделены пять стилей преподавания, через которые крафтовые мастера на практике воплощают свои представления об идеальном учителе в сфере ремесленного неформального образования.

Ключевые слова: крафтовое предпринимательство • карьерные траектории • профессиональная идентичность • профессионализация • неформальное образование • учитель

DOI: 10.31857/S013216250016402-5

Введение. Неформальное образование в современной креативной индустрии можно концептуализировать как любую образовательную деятельность, осуществляемую вне формальных образовательных институций для обеспечения особого типа обучения отдельных групп населения [Bekerman, Keller, 2004: 55]. Формальное образование предполагает наличие иерархической структуры и хронологическую градацию в рамках институционализированной системы, неформальный тип образования часто характеризуется как «творческий», «нетрадиционный», «оригинальный», то есть выведенный за рамки формализованных структур, имеющих гибкую и подвижную организацию преподавания [Bekerman, Keller, 2004: 50].

В сфере данного типа образования могут участвовать и крафтовые мастера. Крафтовое предпринимательство – особый тип хозяйствования, которое отличается центральной ролью физического труда и DIY-практик¹ в немассовом производстве аутентичных

Использованы результаты проекта «Новые мастера и новые ученики в крафтовой экономике: просьюмеризм как феномен молодежной повседневной культуры», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

¹ DIY – Do It Yourself (англ.) – практика производства изделий «своими руками», основанная на творческом самовыражении и противопоставляемая мейнстримным тенденциям [Вольф, 2016: 3].

товаров и услуг [Fox Miller, 2017: 2–3]. В рамках своей предпринимательской деятельности крафтовые мастера повышают квалификацию за счет самостоятельного обучения и расширения своих рефлексивных практик – для приобретения знаний и навыков о ведении дела [Katre, 2020: 56].

Такие предприниматели, помимо собственно ремесла, часто работают в нескольких контекстах одновременно или последовательно – в творческих отраслях, в сфере отдыха, туризма и организации мероприятий, в сфере образования [Yari, Schwarz, 2011: 310]. В ведении своего дела они берут на себя ответственность за избираемые для решения проблем стратегии ведения бизнеса и оценку их эффективности [Katre, 2020: 59]. Одна из услуг – проведение обучающих занятий по своему ремеслу вне формальных институций. Анализ биографических проектов крафтовых мастеров Санкт-Петербурга позволяет рассмотреть вопрос формирования профессиональной идентичности крафтовых мастеров в сфере неформального образования, для которого характерно сочетание обучающей и досуговой деятельности.

В статье мы рассмотрим, каким образом происходит процесс конструирования профессиональной идентичности крафтовыми мастерами Санкт-Петербурга, которые преподают ремесло другим в пространстве неинституционализированного, неформального образования через концепцию о профессиональной идентичности как совокупности убеждений и ценностей, через которые люди определяют себя как профессионалов.

Профессиональная идентичность: подходы к исследованию. В современном мире идентичность, в том числе профессиональная, основана в большей степени на индивидуальном выборе, в меньшей – на предписанных социальных ролях [Arthur, 2008: 169]. Под профессиональной идентичностью понимается совокупность атрибутов, убеждений и ценностей, используемых людьми для определения себя в профессиональном качестве, которые основаны на навыках и образовании [Slay, Smith, 2011: 87].

Идентичность учителя может определяться по-разному: как осознанное или бессознательное представление учителей о самих себе, как пересечение личного, педагогического и политического участия в широком социально-политическом контексте. В ее формировании задействованы как внутренние аспекты – эмоции и мотивация, так и внешние – контекст преподавания и предыдущий опыт. Идентичность учителя может отображаться в том, какие решения, касающиеся содержания педагогической практики и типа отношений с учениками, принимаются учителем [Izadinia, 2013: 694–695].

В исследованиях социологии образования конструирование профессиональной идентичности учителя рассматривается как постоянный процесс, в ходе которого человек переосмысливает и интерпретирует собственный опыт. С этой позиции профессиональная идентичность представляется как динамичный непрерывный процесс [Beijaard et al., 2004: 122]. Профессиональная идентичность учителя может рассматриваться как карьерный проект в образовательной сфере, где сама работа учителей складывается из трех ключевых областей – их личного опыта, профессионального контекста и внешней политической среды, через которые конструируются профессиональные аспекты их работы [Mockler, 2011: 4].

Одним из важных профессиональных качеств, способствующих развитию учителя в своей профессии, является рефлексивный навык [Antonek et al., 1997: 17]. С помощью саморефлексии учителя могут интегрировать в представления о себе как учителя собственные переживания, связывая их со своими знаниями и чувствами [Beijaard et al., 2004: 114].

Другим определяющим аспектом профессии учителя является эмоциональная работа с учениками, которая может выражаться в заботе – желании мотивировать, вдохновлять и помогать ученикам [O'Connor, 2008: 117]. Эта сторона работы не имеет под собой экономической выгоды, но может быть источником внутренней мотивации и причиной продолжения профессиональной деятельности [O'Connor, 2008: 118].

В англоязычных академических исследованиях отмечается, что представление об учителе в сфере формального образования стало включать в себя такие характеристики, как эффективность, стандартизация и менеджериальные качества, заменяющие собой

доверие, партнерство и свободу действий [Hall, McGinity, 2015: 4]. Характер формального образования предполагает выполнение ряда обязательств и строго регламентированное время образовательного процесса, в отличие от педагогического процесса неформального образования, характеризуемого в терминах «досуга», «расслабления» и «отдыха» [Silberman-Keller, 2003: 15]. Это ставит вопрос о том, какую роль данный внешний аспект – контекст – будет играть в процессе конструирования идентичности учителя крафтовыми мастерами, занятыми в сфере неформального образования.

Таким образом, под профессиональной идентичностью учителя мы понимаем совокупность ценностей и убеждений, основанных на навыках и опыте, через которые люди определяют себя в профессиональном качестве учителя. Идентичность учителя может складываться через рефлексию, работу с учениками, в том числе эмоциональную, через получение навыков и соответствующего образования. Важную роль в этом процессе играют как внутренние аспекты – мотивация и эмоциональное восприятие обучения, так и внешние – контекст преподавания и предыдущий опыт.

Мы рассмотрим, как в среде крафтовых мастеров Санкт-Петербурга, где ограничены возможности институционального образования, выстраивается профессиональная идентичность учителя, и какие внешние и внутренние аспекты могут играть роль в данном процессе. Для достижения данной цели нами был выполнен ряд следующих задач: проанализированы критерии, на основании которых информанты конструируют свою профессиональную идентичность учителя; выделены производимые стили преподавания учителей крафта.

Методология исследования. Исследование выполнялось в рамках качественной методологии. Эмпирическую базу исследования составили 23 лейтмотивных биографических интервью с учителями крафта. Это предприниматели, которые работают одновременно как в сфере крафта, т.е. создают и продают аутентичные изделия, так и в сфере неформального образования и досуга, т.е. обучают своему ремеслу других людей вне формальных образовательных институций. Из них 20 интервью с женщинами и три интервью с мужчинами; возраст – от 28 до 40 лет. В выборке представлены мастера, специализирующиеся на гончарном ремесле, ювелирном, столярном мастерстве, рукоделии, мозаике, арт-обучении, фитодизайне, резьбе по камню, скетчбукинге, стекольном деле.

Обучение может проходить в формате как курсов, так и отдельных мастер-классов. Крафтовые мастера преподают в частных школах (являются наемными работниками, следуют уже разработанной программе курса или мастер-класса, не занимаются набором учеников) либо преподают как частное лицо. В последнем случае мастера самостоятельно определяют цели и задачи курса или мастер-класса, занимаются рекламой и набором, арендой помещения и определяют стоимость своей услуги. Мы будем опираться на опыт тех учителей, которые не задействованы в формализованных структурах преподавания – то есть не преподают в государственных и частных образовательных учреждениях, за исключением создателей частных школ.

Целевая аудитория преподавателей крафта достаточно разнообразна. Как правило, преподаватель работает с несколькими группами: это и дети, и взрослые, пришедшие провести досуг или обрести новое хобби или профессию. Среди учеников чаще встречаются женщины, чем мужчины. К сожалению, имеющиеся данные не дают возможности более точно описать аудиторию преподавателей крафта. Можно лишь отметить, что аудитория имеет стабильный заработок, позволяющий оплачивать курсы или мастер-классы.

Полученные данные были обработаны с использованием процедур тематического анализа – выделения в нарративе ключевых тем: идентичность «учителя», критерии отношения к учителю крафта, требования, понимание профессионализма, стили преподавания. Также применялись аналитические процедуры обоснованной теории по версии А. Стратуса и Дж. Корбина – открытое построчное кодирование для выделения кодов в каждом из интервью и осевое кодирование при синтезе выделенных кодов, их последующее объединение в общие категории.

Конструирование представлений о профессиональной идентичности. Анализ интервью с учителями крафта показал, что представление о себе как об учителе выстраивается за счет выделения тех или иных критериев – навыков, ценностей и убеждений, наличие которых является показателем профессионала. Некоторые учителя крафта могут относить их к «прирожденным» качествам – тогда предполагается, что проведение успешного занятия происходит не за счет знания специальных преподавательских методик, а за счет «интуитивности», «органики», «наития»: «... это органика. Какой-то момент, что я перенимаю легко все. Это может быть конструктивным, в русле, когда я преподаю» (№ 26, ж., 34 года, книжные переплеты, скетчбуки, блокноты).

Среди наиболее часто называемых навыков, которыми, по мнению информантов, должен обладать учитель-профессионал, можно выделить умение коммуницировать и работать с людьми. Необходимость в этом обосновывается спецификой самой деятельности, которая включает в себя постоянный контакт с разными учениками. «Умение общаться» может включать в себя способность не допустить или разрешить конфликтную ситуацию, не оценивать учеников субъективно и в негативном ключе: «...помню, что скилы я действительно прокачивал, но они скорее были в принципе связаны с общением... с людьми, решением каких-то конфликтных ситуаций» (№ 22, м., 33 года, мозаика).

С этим тесно связан навык понятной и доступной подачи материала для учеников с разным уровнем мастерства. Учителю-крафтеру необходимо понимать, что очевидные для тебя как мастера вещи и приемы не являются таковыми для ученика. Для этого учитель может сам рефлексировать над своей подачей либо менять её в соответствии с рекомендациями коллег: «Ну мозг включался по-другому, потому что я думала за себя и за того парня, я думала так: насколько человек понимает, что я говорю, что я несу сейчас, действительно ли слушатель меня понял» (№ 23, ж., 39 лет, резьба по камню).

Третьим важным навыком для учителя в сфере ремесленного образования становится создание атмосферы, способствующей не только научению человека ремеслу, но и приятному времяпрепровождению во время занятия. «Атмосфера» может включать в себя настрой преподавателя, его манеру подачи, способ выстраивания общения с учениками. На своих занятиях учителя-крафтеры стремятся к созданию «дружественной», «неформальной», «вдохновляющей» атмосферы, которая предполагает совмещение творчества и учебы, равные позиции между учителем и учениками, что, в свою очередь, способствует процессу обучения и получению представления о ремесле: «Потому что, ну, я не очень люблю вообще формальное общение, и я стараюсь на мастер-классах сразу поддерживать какую-то дружескую атмосферу, но без, там... перегибаний там каких-то... и какого-то хамства» (№ 7, ж., 33 года, стекло).

Навыки коммуникации и создания атмосферы наделяются учителями крафта особым значением. Во-первых, эти навыки приобретаются сразу в процессе преподавания путем проб и ошибок. Клиенты-ученики могут значительно отличаться и по уровню владения мастерством (новички или опытные ученики), и по возрасту, и по настроенности на работу. Сложно предугадать заранее, как именно нужно будет себя вести на занятии. С каждой новой группой учеников крафтер выстраивает новые отношения, особый стиль преподавания, атмосферу, способ доносить информацию. Все это показывает индивидуальную направленность таких занятий.

Во-вторых, навыки общения с разными аудиториями не связаны напрямую с крафтовым ремеслом – зачастую создание уникального предмета вовсе не подразумевает коммуникацию с кем-либо. Мастерам необходимо оттачивать эти навыки, чтобы иметь возможность передать свои знания другим, и для некоторых из них это может стать сложной задачей. В-третьих, коммуникация с учеником может осложняться двойной ролью последнего: как ученика и как клиента, который оплачивает услугу по обучению. Таким образом, не только сам крафтовый мастер, но и его аудитория задает содержание неформального обучения и требуемые для преподавания навыки учителя.

Немаловажным является и наличие у преподавателя соответствующего уровня знаний и опыта в том ремесле, которому он обучает. При этом не задается четких рамок того, с какого момента твой опыт является достаточным для обучения других; важно, чтобы ты знал больше, чем твой ученик. *«Когда у тебя есть определенный опыт, несколько лет, когда ты в этой сфере уже провел, ты можешь делиться опытом с новичками»* (№ 17, ж., 28 лет, фитодизайн).

Следующим навыком учителя-профессионала для информантов является умение развить у ученика интерес к ремеслу, что в перспективе может привести к продолжению самостоятельного развития человека в сфере крафта за счет полученных от учителя навыков: *«Для меня показателем является то, что люди возвращаются вот. Им нравится, да, – то есть они оставляют какие-то слова благодарности и, ну, чувствуешь, что ну как бы интерес возникает? Возникает, значит это хорошо»* (№ 3, ж., 32 года, гончарное ремесло).

Для некоторых информантов профессиональный учитель должен был разрабатывать и применять на практике специальные методики преподавания. Для этого учителя-крафтеры могут целенаправленно искать необходимую информацию или перерабатывать собственный преподавательский опыт, чтобы понимать, как улучшить подачу материала: *«...нужны были какие-то знания, ...именно методики, как это преподавать, как это рассказать, чтобы это стало понятно. ...если человек чувствует рост, движение и просто работу над собой, то да, тогда это наш человек»* (№ 16, ж., 29 лет, рукоделие).

Названные информантами навыки профессионала – умение общаться и работать с людьми, понятно донести материал, создать комфортную атмосферу; обладание соответствующим для обучения других уровнем знаний; развитие у учеников интереса к своему ремеслу, разработка методики ведения занятий, стремление к саморазвитию и улучшению своих способностей как в сфере ремесла, так и в сфере преподавания – те критерии, по которым учитель может быть отнесен к профессионалу.

Данные навыки учителя-крафтеры реализуют на практике различными способами. Это зависит от того, какой именно преподаватель видит свою роль и какие задачи в сфере обучения он себе ставит. Разное воплощение этих навыков на практике выражается в наличии нескольких стилей преподавания, которые отражают представления учителей крафта о профессиональной идентичности учителя.

Процесс преподавания и ведения занятий учителями-крафтерами характеризуется наличием устойчивого набора приемов и способов, проявляющихся при различных условиях профессиональной деятельности и в индивидуально-психологических особенностях ее субъектов – то есть наличием определенного стиля преподавания [Минько, Минько, 2014: 86].

Следует отметить, что у одного учителя-крафтера стиль преподавания может меняться, совмещаться с другим. Разные методы обучения могут применяться учителем в рамках одной группы учеников. Выбор стиля преподавания может зависеть, во-первых, от количества учеников. В случае обучения группы перед учителем встает задача не только подстроиться под ученика, но и организовать групповое взаимодействие, где люди смогут работать вместе: *«...и задача преподавателя – это, действительно, подружить этих людей и превратить их в группу, и дальше уже работать с группой, и делать так, чтобы ученики ему помогали работать с каждым таким учеником, то есть помогали друг другу»* (№ 22, м., 33 года, мозаика).

Во-вторых, стиль ведения занятия может определяться возрастом аудитории. Некоторые учителя-крафтеры занимались либо занятиями сейчас в сфере обучения детей. В этом случае основной акцент делается на развлечение, досуговый характер занятия, отсутствуют строгие требования к обязательным характеристикам изготавливаемого изделия, но при этом важно создать полноценную вещь: *«Даже вот у меня этой весной, ну не весной, зимой еще, в феврале, было несколько детских мастер-классов, и даже дети уходят с готовым изделием, ааа, потому что для ребенка просто сделать какую-то тряпочку или еще что-то не так интересно»* (№ 9, ж., 35 лет, рукоделие).

В случае же работы со взрослой аудиторией учитель-крафтер работает с людьми, имеющими разный уровень мастерства и разные цели посещения занятий по ремеслу.

Для части учеников – это способ провести досуг; для других – развитие навыков в том или ином ремесле. В зависимости от целей ученика, учитель выбирает тот или иной подход к занятию с ним – быть более строгим или давать ученику больше свободы в работе над изделием: «...опять-таки и какие цели, если человек приходит и говорит: я хочу научиться, вот прямо вот научиться, то тогда придется, наверное, работать с ним серьезно, – а это, извините, без дисциплины ничего не сделаешь, – то, конечно, я буду наверно уже совсем другим преподавателем» (№ 23, ж., 39 лет, резьба по камню).

Другим аспектом, определяющим стиль преподавания, является бэкграунд ученика – наличие или отсутствие у него опыта работы в конкретной сфере ремесла и специальных навыков: «То есть, э-э, если это преподавание... то мастерство – это когда, ну, у учеников получаются хорошие результаты. Вне зависимости от того, с каким уровнем они пришли» (№ 15, ж., 29 лет, арт-обучение).

Учитель-крафтер, таким образом, может использовать несколько стилей в различных ситуациях, для разных учеников, а также несколько стилей преподавания в рамках работы с одной группой, ориентируясь на конкретную ситуацию. На основе нарративов информантов нами были выделены следующие стили преподавания: «Помощник» («Направляющий»), «Эксперт» («Компетентный»), «Ментор» («Контролирующий»), «Аниматор» («Развлекающий»), «Психолог» («Успокаивающий»). Перечисленные стили являются взаимопроницаемыми, например, преподаватель может придерживаться «направляющего» стиля и встраивать в него элементы «развлекающего» или «психологического».

«Направляющий» стиль включает в себя такие моменты в ведении занятия, как следование за учеником, подстройка под его цели и запросы; свобода ученика в выборе тех или иных творческих особенностей изделия, если они не опасны для целостности изделия и не противоречат технике изготовления: «То есть, я могу, э-э, советовать что-то, подсказать, но я всегда говорю: “Ну это ваша работа, и если вы видите так, то делайте так, потому что это – это ваша работа, это не моя работа”, то есть зачем... под свою как бы голову всех подгонять...» (№ 8, ж., 34 года, мозаика).

Стиль «Ментора» характеризуется дисциплиной, большим контролем как за процессом изготовления продукта, так и за итоговым результатом – возможно исправление изделия, если оно не соответствует тем или иным критериям. Учитель-крафтер может дополнительно готовиться к каждому из занятий, ставя себе целью именно передать конкретные знания и навыки, которые помогут ученику в развитии его мастерства: «Ну нужно как-то контролировать процесс, из-за этого контроля, как бы незаметного, больше доверительного, ...человеку тебе сразу доверять хочется, ну, когда ты приходишь к какому-то специалисту, который все четко контролирует, ты же доверяешь сразу, – зубному, допустим» (№ 19, м., 31 год, арт-обучение).

Для стиля «Аниматора» характерна направленность на получение учениками положительных эмоций и впечатлений от занятий. Для этого учитель-крафтер может специально организовывать пространство студии, помещения – создавать «творческое», красивое пространство, а также применять игровые методики в преподавании: «...все равно спрашиваешь, ну там вообще минут 5–10, что человек ждет от занятий, и уже относительно этого начинаешь преподавать информацию, либо это в какой-то шутилой, игривой форме, чтобы человек просто расслабился, но все равно получил знания, и как бы пришел еще и дальше развивать знания...» (№ 6, ж., 28 лет, гончарное ремесло).

«Развлекающий» преподаватель постоянно включен в коммуникацию с учениками – отвечает на их вопросы, шутит, демонстрирует готовые изделия, их фотографии, чтобы вдохновить аудиторию. Возможно исправление или доделывание итоговой работы, чтобы человек не расстроился, получил памятную вещь, ушел с занятия с приятными впечатлениями: «...я сразу говорю, что, если вы вдруг устали, как бы вы можете спокойно пойти и попить чай, у нас есть место, где можно попить, то есть никто никого не насилует, не заставляет, если что-то не комфортно, можешь сразу сказать, и мы попробуем сразу исправить» (№ 5, ж., 31 год, гончарное ремесло).

Стиль преподавания «Психолог» направлен на эмоциональное расслабление и успокоение ученика, на обучение в комфортной обстановке без лишнего давления, где преподаватель внимателен к индивидуальным особенностям обучаемого, учитывает его запросы. Некоторые учителя-крафтеры, проводя занятия в данном стиле, описывали их как «терапевтические» по своим функциям: *«Потом я уже поняла, что более терапевтический момент. Я следила за качеством, не чтобы было идеально, а чтобы они вкладывали все свое внимание»* (№ 26, ж., 34 года, книжные переплеты, скетчбуки, блокноты). Для этого стиля характерна ситуация исправления или доделывания итогового изделия – рассчитывая на то, чтобы человек не расстроился, получил удовольствие. При этом уделяется внимание индивидуальному стилю ученика, т.е. исправления могут носить технический характер, но не затрагивать творческого видения: *«...здесь все-таки нужно создать условия, чтобы человек сам написал картину, вот, но если что-то идет не так, нужно вовремя, конечно, это поправить, а то он испортит потом все, и поэтому сложнее»* (№ 11, ж., 31 год, арт-обучение).

Преподаватели могут противопоставлять одни стили преподавания другим, выбирая тот, который соответствует их представлению о правильном обучении. Одним из стилей, который критиковали многие учителя-крафтеры, стал стиль «Эксперта». Среди самих информантов данный стиль, по их словам, не встречается. Он основывается на представлении о более высоком статусе преподавателя в сравнении с учениками. Этот статус он может использовать, чтобы «поставить ученика на место», подчеркнуть свою компетентность как учителя. Преподаватель, придерживающийся такого стиля, мало заботится об эмоциональном комфорте учеников: *«...я сама ходила на разные курсы, мастер-классы художественные, мне было интересно, какие знания дают другие преподаватели. И обратила внимание, что вообще многие такую позицию занимают, что вы никогда не сможете рисовать, как я... что было странно, то есть много критики...»* (№ 11, ж., 31 год, арт-обучение).

Таким образом, среди учителей-крафтеров существуют различные стили преподавания, которые они могут применять, ориентируясь на количество учеников, возраст аудитории, бэкграунд, эмоциональное состояние и цели учеников. В зависимости от этих аспектов преподаватель может использовать или комбинировать различные стили, которые отличаются по типу коммуникации с учеником, по отношению к исправлениям изделия, по общим целям занятия, то есть стили преподавания не являются строго заданной структурой. В подвижности и вариативности выбора стиля преподавания проявляется гибкий характер профессиональной идентичности учителя крафта – стили могут и даже должны меняться в соответствии с контекстом.

Заключение. Процесс выстраивания мастерами-крафтерами Санкт-Петербурга профессиональной идентичности учителя отражает специфику данного процесса в сфере неформального образования. Представление о себе как учителя выстраивается крафтовыми мастерами за счет выделения определенных навыков, обладание которыми является критерием профессионала. Обладание навыками – создание и поддержание подходящей атмосферы, выстраивание индивидуального подхода в обучении, постоянное самосовершенствование в сфере крафта и преподавания – обуславливается как целями, которые определяет для себя учитель-крафтер, так и запросами со стороны самих учеников. Мастера обучаются преподаванию, что происходит непосредственно во время проведения занятия.

Учителя крафта преподают в контексте неформального образования, для которого характерно превалирование досугового характера и отсутствие строгих обязательств по отношению к обучаемым. Этот внешний контекст играет определяющую роль в постановке целей обучения в крафтовой среде – не просто передать навыки и знания, а обеспечить человеку приятный досуг на несколько часов: развлечь или успокоить, развеселить или поддержать, что может выражаться через стремление крафтовых мастеров организовать комфортное пространство (как физическое, так и эмоциональное) для реализации самых разных целей своих клиентов-учеников.

Описанные цели и навыки реализуются на практике различными способами, в зависимости от того, какую роль в процессе обучения ремеслу себе отводит крафтер, что

выражается в наличии разных стилей преподавания: «Помощник» («Направляющий»), «Ментор» («Контролирующий»), «Аниматор» («Развлекающий»), «Психолог» («Успокаивающий»), «Эксперт» («Компетентный»). Каждый из этих стилей выражает определенный идеал того, каким должен быть учитель, а смешение стилей в работе крафтовых мастеров является подтверждением идеи, что учитель может быть разным в зависимости от контекста.

Получение навыков и их дальнейшая реализация в рамках выделенных стилей на практике происходит в процессе самостоятельной деятельности и рефлексии. Подвижность и вариативность применяемых крафтовыми мастерами стилей показывает, что конструируемая ими идентичность учителя является гибкой и подвижной категорией, регулируемой в соответствии со своим личным отношением к данной работе. Конструирование идентичности учителя выступает как непрерывный процесс, включающий в себя самостоятельное освоение навыков и рефлексию для обеспечения успешного профессионального развития как учителя. Вместо следования формальным правилам, задаваемым образовательной институцией, крафтовые мастера опираются в первую очередь на персональный опыт, выстраивая гибкие и контекстуальные нормы деятельности профессионального учителя в сфере неформального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Вольф Д.В. Феномен DIY в художественной культуре XX–XXI веков: дис. ... канд. культуролог. наук: 24.00.01. М., 2016. 211 с. [Wolf D.V. (2016) DIY Phenomenon in the Artistic Culture of the 20th – 21st Centuries: Ph.D. thesis. culturology: 24.00.01. Moscow. 211 p. (In Russ.)]
- Минько Э.В., Минько А.Э. Профессиональные культура и стиль преподавания в высшей школе // Вестник высшей школы. 2014. № 6. С. 83–89. [Minko E.V., Minko A.E. (2014) Professional culture and style of lecturing at high school. *Vestnic vyshey shkoly* [Higher School Herald]. No. 6: 83–89. (In Russ.)]
- Antonek J.L., McCormick D.E., Donato R. (1997) The student teacher portfolio as autobiography: Developing a professional identity. *The Modern Language Journal*. Vol. 81. No. 1: 15–27.
- Arthur M.B. (2008) Examining contemporary careers: A call for interdisciplinary inquiry. *Human relations*. Vol. 61. No. 2: 163–186.
- Beijaard D., Meijer P.C., Verloop N. (2004) Reconsidering research on teachers' professional identity. *Teaching and teacher education*. Vol. 20. No. 2: P. 107–128.
- Bekerman Z., Keller D.S. (2004) Non Formal Pedagogy Epistemology Rhetoric and Practice. *Education and Society*. Vol. 22. No. 1: 45–65.
- Fox Miller C. (2017) The contemporary geographies of craft-based manufacturing. *Geography compass*. Vol. 11. No. 4: 1–13.
- Hall D., McGinity R. (2015) Conceptualizing teacher professional identity in neoliberal times: Resistance, compliance and reform. *Education Policy Analysis Archives*. Vol. 23. No. 88: 1–17.
- Izadinia M. (2013) A review of research on student teachers' professional identity. *British Educational Research Journal*. Vol. 39. No. 4: 694–713.
- Katre A. (2020) Self-Directed Learning on the Runway to Crafts Entrepreneurship: Achieving Product–Market Fit through Learning Cycles with Self-Management and Self-Control. *Artivate*. Vol. 9. No. 2: 45–62.
- Mockler N. (2011) Beyond 'what works': Understanding teacher identity as a practical and political tool. *Teachers and Teaching*. Vol. 17. No. 5: 517–528.
- O'Connor K.E. (2008) "You choose to care": Teachers, emotions and professional identity. *Teaching and teacher education*. Vol. 24. No. 1: 117–126.
- Silberman-Keller D. (2003) Toward the Characterization of Non-formal Pedagogy. *Presentation at the annual meeting of the American Educational Research Association*. Chicago, 21–25 April: 1–55.
- Slay H.S., Smith D.A. (2011) Professional identity construction: Using narrative to understand the negotiation of professional and stigmatized cultural identities. *Human relations*. Vol. 64. No. 1: P. 85–107.
- Yair K., Schwarz M. (2011) Making value: Craft in changing times. *Cultural Trends*. Vol. 20. No. 3–4: 309–316.

Статья поступила: 16.08.21. Финальная версия: 30.01.22. Принята к публикации: 02.02.22.

PROFESSIONAL IDENTITY OF CRAFT TEACHERS IN THE FIELD OF INFORMAL EDUCATION IN ST. PETERSBURG

BALATSYUK E.S., GLADCHENKO E.A.

Centre for Youth Studies HSE University, Russia

Elizaveta S. BALATSYUK, Research Assistant, Centre for Youth Studies HSE University, St. Petersburg, Russia (eбалатсыук@hse.ru); Ekaterina A. GLADCHENKO, Research Assistant, Centre for Youth Studies HSE University, St. Petersburg, Russia (egladchenko@hse.ru).

Acknowledgements. This research paper uses the results of the project within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020. We express our deep appreciation and gratitude to our colleagues from the Centre for Youth Studies and young craft entrepreneurs who took part in this research.

Abstract. Making craft products is one of the areas of the modern creative industry, within which new professional identities can be built. The masters of crafts, who provide educational services in the field of non-formal education, are one example of this process. Thus, they take on a new professional identity – that of teachers. The study focuses on the analysis of the ways craft masters construct this professional identity. The analysis was done on the results of the project “New Craftsmen and New Apprentices in the Craft Economy: Prosumerism as a Phenomenon of Youth Everyday Culture” carried out within the HSE Program of Fundamental Research in 2020. The research result was the identification of five teaching styles that reflect the ideas of craft masters about the professional teacher’s qualities in their field.

Keywords: craft entrepreneurship, career trajectories, professional identity, professionalization, informal education.

Received: 16.08.21. Final version: 30.01.22. Accepted: 02.02.22.

В.А. МАНСУРОВ, А.В. СЕМЕНОВА

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ИНЖЕНЕРА: ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

МАНСУРОВ Валерий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (mansurov@isras.ru); СЕМЕНОВА Анна Валерьевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник (annasem62@yandex.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. Курс России на инновационное развитие остро поставил вопрос о надежной кадровой основе технологической модернизации общества. Это в свою очередь требует реформирования инженерной подготовки, позволяющей поставлять во все отрасли экономики высококвалифицированных инженерно-технических работников нового поколения. Чтобы понять, каким должен быть образ этого инженера, авторы провели качественный контент-анализ отобранных при помощи ключевых слов научных публикаций в специализированных изданиях. Было выявлено, что в глазах профессорско-преподавательского состава образ объединяет в себе научно-технические, социально-экономические и личностные компетенции, что обусловлено синергией традиционного подхода русской инженерной школы и новых требований современной техносферы.

Ключевые слова: инженерное образование • компетенции • техническое образование • инженерно-техническое образование • компетентностная модель • инженерные функции • инжиниринг • структура • социальные роли

DOI: 10.31857/5013216250014313-7

Стремление современной России занять устойчивые позиции на рынках высокотехнологических и интеллектуальных услуг сопряжено с опорой на отечественных инженерно-технических работников – основную движущую силу технологической модернизации. Особую важность приобретает подготовка инженеров нового поколения, в равной степени обладающих техническими и управленческими навыками, т.е. не только высококвалифицированных технических работников, но и талантливых менеджеров. Таких специалистов может готовить усовершенствованная, адаптированная к современным условиям система высшего инженерного образования, сочетающая в себе новые методологии и методики и проверенные временем традиции российской инженерной школы.

Описание исследования. Можно предположить, что большинство научно-педагогических работников российской инженерной школы имеют собственное представление об идеальном образе современного инженера. Выявление таких мнений, их анализ и обобщение могут стать важным шагом на пути к созданию собирательного портрета. При помощи ключевых слов (указаны в начале статьи после аннотации) мы отобрали научные статьи, содержащие характеристику качеств современного инженера как личности, профессионала и социального субъекта, и провели контент-анализ для выявления элементов идеального образа современного инженера с точки зрения авторов анализируемых статей. Также анализировались структура этого портрета, его характерные функциональные элементы, связанные с различными социальными ролями инженера в современном обществе. Можно допустить, что контент-анализ отобранных научных статей есть наблюдение за определенным аспектом профессионального поведения профессорско-преподавательского состава инженерных вузов, но зафиксированного в написанных ими научных текстах. Это позволило нам в контент-аналитической методике применить качественный подход, присущий обоснованной теории Ансельма Страусса и Джюльет Корбин [Strauss,

Corbin], где использовалось особое кодирование при выделении категорий анализа именно для метода наблюдения. В результате определялся идеальный образ выпускника российского технического вуза.

Особенность метода состоит в том, что он объединяет в себе количественный подход традиционного контент-анализа с качественным авторским анализом текстов. Такая синергия объективного с субъективным позволила, с одной стороны, объективно оценить степень внимания авторов анализируемых материалов к различным темам, а с другой – дала возможность более глубоко и многопланово проанализировать наиболее важные для нашей работы аспекты. Основная трудность – соблюдение баланса между объективным и субъективным – была преодолена путем сравнения интерпретаций текстов и обсуждения спорных моментов с выработкой общей аргументированной позиции. Отличительная черта этой авторской методики состоит в соединении количественного систематизированного кодирования элементов текста в соответствии с контент-аналитической традицией с анализом закодированных категорий, применяемом в так называемой grounded theory [Strauss, Corbin, 1990], основанной на качественном подходе. Три типа кодирования – открытое, осевое и выборочное – мы решили применить для анализа смысловых категорий.

На этапе открытого кодирования были промаркированы все темы, затронутые в текстах, затем сконденсированы в категории. Часть из них была далее использована в изучении проблем инженерного образования в России и династичности в инженерной профессии, по которым написаны статьи. С теми категориями, которые содержали данные, значимые для настоящей исследования, было проведено осевое кодирование, позволяющее установить логическое отношение между центральной темой исследования и ее эмпирическими подтверждениями в различных текстах. В ходе выборочного кодирования были отобраны эпизоды, наиболее ярко иллюстрирующие основную тему.

Исследование профессиональной группы инженеров начало проводиться в 2018 г. сектором социологии профессий и профессиональных групп Института социологии ФНИСЦ РАН и продолжается по настоящее время. Выборка для контент-анализа формировалась на основе заданных ключевых слов из материалов, размещенных в интернет-версиях отечественных специализированных изданий, таких как журнал «Высшее образование в России», а также материалах специализированных тренингов. Всего по ключевым словам было отобрано 79 публикаций. Обсуждение различных аспектов образа российского инженера содержалось в 37 из них, что показывает актуальность данной проблематики для научной общественности. Ценность выбранного исследовательского метода в том, что он, в отличие от опроса, никак не влияет на изучаемые мнения, они уже опубликованы.

Основные результаты контент-анализа. Нами был выделен ряд доминирующих содержательных блоков: исторический экскурс в процессы формирования и трансформации взглядов на образ российского инженера; социально-философские дискуссии о социальном статусе и социальных ролях отечественных инженеров; структурирование профессиональной группы инженеров по различным основаниям; выделение основных профессиональных и социальных функций инженера; формирование компетентностных моделей выпускников российских технических вузов.

От общего числа публикаций (37) 8% составили исторически ориентированные. Мы будем опираться в основном на статью Д.Л. Сапрыкина, поскольку она аккумулировала в себе основные опорные пункты в рассуждениях других авторов, предложив наиболее полный и подробный исторический обзор интересующих нас позиций [Сапрыкин, 2012].

Проблемную ситуацию автор обрисовывает следующим образом: «По господствующему все еще в нашем обществе представлению, инженер – всего лишь специалист, выполняющий определенные функции в дифференцированном современном хозяйстве. На практике же, особенно в малых высокотехнологичных компаниях, являющихся основным генератором инноваций в современной экономике, инженер является одновременно и исследователем, и организатором работы “команды”, и руководителем»

[Сапрыкин, 2012: 134]. Каковы же исторические истоки восприятия различных аспектов инженера как социального субъекта?

Центральный исследовательский вопрос, поставленный автором публикации: каковы основные черты «классической концепции» инженерного образования, какой «идеальный образ» инженера заложен в нее? Отвечая на него, Д.Л. Сапрыкин предлагает историческую ретроспективу взглядов на инженерное образование и фигуру инженера в царской России. В период с конца XIX до нач. XX в. инженерное образование соединяло в себе научно-технический подход и духовную идею целостного образования человека, суть которой – в формировании целостной личности, культивировании ее интеллекта, воли, нравственного и эстетического начала. Латинское «*ingenium*», от которого образовалось слово «инженер», означает не только изобретательность, но и способность, талант, остроту ума, образованность в целом. Целостность образования прежде всего предполагает «гуманитаризацию» технической школы. Считалось, что инженер, наряду с глубокими научными и техническими знаниями, должен обладать основательной гуманитарной культурой. Это наиболее очевидно проявляется, например, в профессии архитектора, где единство технического и художественного образования составляет основу профессиональной компетенции.

Следующий важный элемент в инженерном образовании – соединение науки и практики. Русская инженерная традиция изначально опиралась на сильное базовое математическое и естественнонаучное знание. Однако в инженерной деятельности гармонично сосуществуют техническая практика и творческая научная работа. Технические знания без умения руководить не позволяли считаться инженером в полном смысле этого слова, а лишь «техником» или «помощником инженера». Поэтому в инженерной подготовке делался упор на развитие не только интеллекта, но и воли, организаторских способностей. Положение о том, что инженер должен быть готов выполнять сложные руководящие функции, было принципиальным.

В XX в. массовость получения инженерного образования привела к нарушению его целостности. Из оборота вышла часть бывших инженерных компетенций, например экономическая и менеджерская. Руководство предприятиями переходило постепенно от инженеров к ученым-академикам, партработникам, кадровым хозяйственникам. Ближе всего к понятию «инженер» в традиционном понимании оказалась должность «генерального конструктора» (в основном в оборонной промышленности). В современной России инженер вновь обязан действовать в качестве ученого, технического работника, руководителя с высоким уровнем ответственности.

Вопросы ролевого плюрализма инженеров рассматриваются в формате социально-философских дискуссий во многих публикациях. Например, Ю.Б. Свешникова считает, что инженерная деятельность очень важна для общества и имеет свой характер и содержание [Свешникова, 2008]. В ее основе лежит созидание, что очевидно проявляется в таких видах инженерной деятельности, как конструирование, проектирование, изобретательство и т.п. Инженерное дело неразрывно связано с творчеством, где гармонично сосуществуют логика и интуиция. Особенность профессии состоит в интегративном ее характере: инженер может одновременно выполнять роль проектировщика и технолога, создателя новых технологий и проектов, а также исследователя, организатора и руководителя.

В современном обществе большое значение приобретает понятие «социальная ответственность». Поскольку развитие науки и техники тесно связано с социальными преобразованиями, для инженера важно осознавать последствия его технической деятельности для общества. Выпускник технического вуза должен уметь выбирать такие технологические средства для решения профессиональных задач, которые бы минимизировали негативное воздействие на окружающую среду. Иными словами, современный инженер должен быть социально компетентным.

Профессиональная культура инженера предполагает, что он обязан быть высококвалифицированным специалистом и в то же время обладать определенными социальными качествами: умением критически мыслить; адаптироваться к меняющимся условиям

рабочей среды; профессиональной гибкостью и мобильностью; социальной компетентностью – ответственностью перед обществом и окружающей средой.

В многочисленных статьях следующего тематического блока, обсуждающих структуру инженерной профессии, профессиональные функции и компетенции по сути актуализируют исторические и философские подходы к понятию «инженер». Так, В.Н. Михелькевич и С.В. Никифорова предлагают выстраивать функциональную структуру инженерного труда, основываясь на понятии «инжиниринг» [Михелькевич, Никифорова, 2014], что, по их мнению, позволяет выделить профессиональные и личностные компетенции инженерно-технического работника.

Инжиниринг, являясь совокупностью видов деятельности специалистов по реализации различных проектов, имеет такую характеристику, как «жизненный цикл», который состоит из совокупности взаимосвязанных стадий реализации проекта. Каждому этапу соответствуют определенные функции инженерной деятельности. Они довольно многочисленные и разносторонние: разработка конструкции технического объекта и поиск способов наиболее рациональной его конструкции, обоснование целесообразности создания нового или усовершенствования существующего технического объекта и составление бизнес-плана реализации проекта, разработка рабочих проектов технического объекта и технологической документации, организация работ по реализации проекта и обеспечение их выполнения в соответствии с проектно-конструкторской документацией, руководство и непосредственное участие в монтажно-наладочных работах, оперативное управление сложными технологическими системами, руководство эксплуатацией и ремонтом технического объекта, диагностика оборудования, контроль за соблюдением режимов его эксплуатации.

Для выполнения этих многочисленных функций инженеру требуются как базовые компетенции, так и дополнительные специфические знания, которые в свою очередь должны сочетаться с профессионально значимыми личностными качествами. Например, для инженера-исследователя знание методологии научных исследований и умение планировать научный эксперимент будут сочетаться с определенным стилем мышления, доминирующим каналом восприятия информации. Для инженера-оператора знание инженерной психологии будет дополняться определенным уровнем скорости обработки психомоторных операций.

Исходя из вышесказанного, авторы предлагают для разработки компетентностной модели специалиста в сфере техники и технологий использовать два вида компетенций: инвариантные и специальные (функционально-ориентированные). К первым относятся социально-личностные, организационно-управленческие, экономические, общенаучные и общепрофессиональные компетенции. Специальные функционально-ориентированные – это экспериментально-исследовательские, проектно-инструкторско-технологические, эксплуатационно-управленческие и оперативно-управленческие компетенции.

Что касается функций, то авторы предлагают разделить их на исполнительские и творческие. Для тех и других характерны свои наборы компетенций. Исполнительские функции предполагают наличие производственно-технологических, эксплуатационно-управленческих и оперативно-управленческих компетенций. Творческие опираются на обладание экспериментально-исследовательскими и проектно-конструкторскими группами компетенций. Конкретизируя эти группы в виде знаний и умений, мы можем сконструировать компетентностные модели инженера-исполнителя и инженера-творца.

Для первого список должностных обязанностей сегодня выглядит примерно так: планирование и организация работы персонала для надежной и эффективной эксплуатации оборудования на конкретном производственном участке; обучение персонала инновационным приемам работы, правилам безопасной жизнедеятельности, менеджменту качества, рациональному расходованию ресурсов; составление технической документации; умение пользоваться современными приборами и аппаратами, комплексами для наладки технических объектов любой сложности; знание правил выполнения работ по стандартизации, умение подготовить к сертификации технические системы, процессы, оборудование; умение находить оптимальные решения при эксплуатации технических объектов с учетом требований качества, надежности, безопасности жизнедеятельности и экологической чистоты;

обладание устойчивой эмоционально-волевой сферой и высокой скоростью обработки психомоторных операций по адекватному оперативному управлению техническим объектом в нештатных и аварийных ситуациях [Михелькевич, Никифорова, 2014: 68].

Инженер-творец должен обладать следующими знаниями и умениями, а также личностными качествами: владеть методологией научных исследований и уметь использовать ее при решении профессиональных задач; знать теоретические основы планирования и проведения инженерного эксперимента, статистических методов обработки экспериментальных данных; уметь находить и анализировать научно-техническую информацию по технике инжиниринга; знать правила проведения маркетинговых исследований и владеть навыками составления бизнес-планов; уметь разрабатывать эскизные, технические и рабочие проекты технических объектов с использованием средств автоматизированного проектирования и расчетов; знать правила патентных исследований, уметь использовать их для выявления патентоспособности разрабатываемых технических объектов; уметь проектировать технологические процессы в конкретной предметной области с использованием автономных систем технологической подготовки производства; уметь выполнять расчеты по проектам, проводить технико-экономический и функционально-стоимостный анализ; уметь обосновывать эффективность принимаемых конструкторско-технологических решений; уметь оценивать риски коммерциализации разработанных проектов; обладать критическим способом мышления [там же, 2014: 69].

Другие авторы предлагали похожие наборы компетенций, но менее полные и систематизированные и по другим основаниям. Например, подход к компетентностной модели выпускника инженерного вуза [Пустовой, Зима, 2008] основывается на идее универсального ядра общих компетенций, состоящего из двух групп – социально-личностных и организационно-управленческих. Эти компетенции характеризуют способность инженера взаимодействовать с другими людьми и обществом в целом, а также планировать и принимать управленческие решения. Здесь отчетливо просматривается возврат к концепции целостного образования, свойственной традиции дореволюционной инженерной школы России. Также направлены в сторону гуманитаризации инженерного образования компетентностные модели современного инженера, предложенные Н.Н. Фоминой и О.В. Кузьминой [2011]. Эксперты, участвовавшие в работе семинара¹ «Инженерное дело и инженерное образование в России. Проблемы и пути их решения с участием Ассоциации инженерного образования России» [Инженерный труд, 2006], разработали в качестве критерия оценки подготовки инженеров соответствие следующему набору компетенций: владение алгоритмами профессиональной деятельности; способность к самостоятельному развитию в профессиональной области; умение работать в коллективе, команде; способность формулировать задачи и находить пути их решения; владение современными информационными технологиями; знание иностранных языков.

Набор специфических компетенций, основанный на структуре инженерной профессии, предложил В.И. Лившиц [2011]. Автор на основе теоретико-прикладного словаря [Ядов, 2006] выделил три основные категории инженеров и на их базе определил семь ареалов профессиональной деятельности: конструктор; технолог; линейный руководитель производства; пусконаладчик; эксперт-аналитик; преподаватель; системотехник-генералист.

Первым шести соответствуют функции: проектная, реализационная, сопроводительная, обеспечивающая, профилактическая, образовательная. Седьмой ареал сосредоточен на инновационно-перспективной стратегии и тактике, цель которых – соблюдение баланса между стабильностью объекта деятельности и его адекватностью инновационным атакам. Последнему сильно мешает энтропийное сопротивление внешней среды, для преодоления которого приходится принимать эмпирические креативные решения. Деятельность во всех этих

¹ Материалы тренинга «Инженерное дело и инженерное образование в России. Проблемы и пути их решения» // ООО Ассоциация инженерного образования России. URL.: <http://aeer.ru/events.ru/trainings.htm> (дата обращения: 05.08.2018).

ареалах требует, кроме общепрофессиональных компетенций, специфических навыков. Для линейного руководителя производства – это дополнительные знания по менеджменту, эргономике, инженерной психологии; для пусконаладчика – по средствам жизнеобеспечения и защиты оборудования и людей. Эксперт-аналитик должен знать патентное дело, промышленную юриспруденцию, промышленное и международное право, а преподаватель – владеть инженерной педагогикой. Системотехнику-генералисту должны быть свойственны креативность, владение нестандартными и гибкими подходами и стратегиями в решении проблем.

Н.П. Кириллов и Ю.С. Плотников [2011] основывают свой подход на идее встроенности инженерного дела в систему бизнеса и власти. Это объясняется тем, что постоянно развивающиеся социально-экономические связи в обществе влекут за собой необходимость посредничества между наукой и производством, важного не только для инженерного сообщества, но и для бизнеса. В результате наука и производство становятся постоянными и устойчивыми партнерами бизнеса. Власть в этой кооперации выступает субъектом социально-экономического равновесия. Из этого авторы выводят набор из четырех актуальных спецификаций в рамках инженерной профессии: базовые спецификации – ученый-исследователь и ученый-производственник, спецификации прикладного характера – бизнесмен и госслужащий. Таким образом, исследователи возвращаются к традициям дореволюционной российской инженерной школы, когда инженеры естественно вписывались в бизнес и в государственные структуры.

Некоторые выводы. Результаты проведенного контент-анализа продемонстрировали, с одной стороны, разнообразие подходов отечественного научного сообщества к конструированию идеального образа современного российского инженера, с другой – в них присутствует общее содержательное ядро. Все авторы сходятся на том, что данный образ характеризуется интегративностью, объединяет в себе не только научно-технические, но и социально-экономические и личностные компетенции, возвращая в научный оборот принципы традиционной российской инженерной школы, дополненные в соответствии с современными тенденциями развития техносферы и общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажанов В. Призрак казенного инженера // Высшее образование в России. 2008. № 8. С. 150–155.
- Бодрова Е. Формирование инженерного корпуса в России // Власть. 2009. № 8. С. 154–156.
- Грэхем Л. Призрак казенного инженера. Технология и падение Советского Союза / Пер. А. Стручков. СПб.: Европейский дом, 2000.
- Кириллов Н.П., Плотников Ю.С. Инновационная модель инженерного образования: метафора тройной спирали // Высшее образование в России. 2011. № 4. С. 74–85.
- Лившиц В.И. Формирование креативности при подготовке инженеров массовых профессий // Высшее образование в России. 2011. № 11. С. 42–51.
- Михелькевич В.Н., Никифорова С.В. Компетентностная функционально-ориентированная профессиональная подготовка инженеров в системе двухуровневого высшего образования // Высшее образование в России. 2014. № 9. С. 61–72.
- Пустовой Н., Зима Е. Формирование компетенций современного инженера в условиях перехода на двухуровневую систему // Высшее образование в России. 2008. № 10. С. 37–45.
- Свешникова Ю.Б. Методологические основы культуры инженерии и тенденции ее функционирования // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 3. С. 220–225.
- Сапрыкин Д.Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125–137.
- Фомина Н.Н., Кузьмина О.В. Компетенции современного инженера и гуманитарное образование // Высшее образование в России. 2011. № 1. С. 81–85.
- Инженерный труд // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В.А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. С. 86–87.
- Strauss A., Corbin J. Basic of Qualitative Research. Grounded Theory Procedures and Techniques. Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications, 1990.

Статья поступила: 17.03.21. Финальная версия: 01.06.21. Принята к публикации: 04.10.21.

THE IMAGE OF THE MODERN RUSSIAN ENGINEER: A CONTENT ANALYSIS OF ACADEMIC PUBLICATIONS

MANSUROV V.A.*, SEMENOVA A.V.*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Valery A. MANSUROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher (mansurov@isras.ru); Anna V. SEMENOVA, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher (annasem62@yandex.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. The course of Russia on innovative development sharply raised the question of reliable personnel basis for technological modernization of society. This, in turn, requires the modernization of engineering training, which allows to supply all sectors of the economy with highly qualified engineers and technicians of the new generation. Such modernization should be based on a strong ideological foundation, one of the important elements of which is an ideal image of the engineer, combining all the necessary qualities, knowledge and competence. In order to understand what this ideal image should be, the authors of the study turned to the opinion of the scientific community – the teaching staff of domestic engineering and technical universities. The research method is qualitative manual content analysis. Empirical object – scientific publications in specialized journals selected using keywords. 36 scientific publications were selected to be analysed. This study had been realized by sector of the sociology of professions and professional groups of the Institute of sociology of the Federal research sociological center of the Russian Academy of Science. All contents of papers under investigations were divided into 5 thematic groups: historical excursion on the process of the formation and transformation of looks on the image of Russian engineers; socio-philosophical discussions on the social status and roles of Russian engineers; structurations of professional group of engineers according to diverse bases; definitions of basic professional and social functions of engineer; formation the competence models for the students of Russian engineering and technical universities. Posterior analysis had demonstrated that image of modern Russian engineer constructed by academic community was rather complicated and included various scientific, technical, socio-economic and personal character competences.

Keywords: engineering education, engineering culture, competences, technical education, technical engineering education, competence model, engineering functions, engineering, structure of engineering activity, social roles of engineer.

REFERENCES

- Bazhanov V. (2008) Ghost of the engineer executed. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [High school in Russia]. No. 8: 150–155. (In Russ.)
- Bodrova E. (2009) Formation of engineering corpus in Russia. *Vlast'* [Power]. No. 8: 154–156. (In Russ.)
- Fomina N., Kuzmina O. (2011) Competences of the modern engineer and humanitarian education. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [High school in Russia]. No. 1: 81–85. (In Russ.)
- Graham L. (2000) Ghost of the engineer executed. Technology and degradation of the USSR. St. Petersburg: Evropeiskii dom. (In Russ.)
- Kirillov N., Plotnikov J. (2011) Innovation model of engineering education: metaphor of triple spiral. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [High school in Russia]. No. 4: 74–85. (In Russ.)
- Livshitz V. (2011) Formation of creativity during the education of the engineers of mass professions. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [High school in Russia]. No. 11: 42–51. (In Russ.)
- Mihelkevich V., Nikiforova S. (2014) Competence-based functional-oriented professional training of engineers in the system of two-level higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [High school in Russia]. No. 9: 61–72. (In Russ.)
- Pustovoy N., Zima E. (2008) Formation of the competences of the modern engineer in the conditions of the conversion on two level system. *High school in Russia* [High school in Russia]. No. 10: 37–45. (In Russ.)
- Svesnikova J. (2008) Methodological basis of engineering culture and trends of its functioning. *Vestnik VGU, Seriya «Lingvistika i mezhdul'turnaya kommunikatsiya»* [Bulletin of VGU, Series "Linguistics and intercultural communication"]. No. 3: 220–225. (In Russ.)
- Engineering labour (2006) In: *Sociology of labour*. Theory-practical explanatory dictionary. Ed. by Yadov V. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Strauss A., Corbin J. (1990) *Basic of Qualitative Research. Grounded Theory Procedures and Techniques*. Newbury Park, London, New Delhi: Sage Publications.

Received: 17.03.21. Final version: 01.06.21. Accepted: 04.10.21.

© 2022 г.

О.Б. БАЛЬЧИНДОРЖИЕВА, М.В. ЗОЛХОЕВА

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА vs КУЛЬТУРНАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности)

БАЛЬЧИНДОРЖИЕВА Оюна Баировна – доктор философских наук, доцент (baoyu2008@yandex.ru);
ЗОЛХОЕВА Мария Валентиновна – доктор философских наук, заведующая кафедрой
(badmaeva_maria@mail.ru). Обе – кафедра философии, Бурятский государственный университет имени
Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия.

Аннотация. Влияние процессов глобализации и цифровизации на различные стороны жизни социума, его культурное богатство и разнообразие не раз становилось предметом научных статей, диссертаций, монографий. Представленная работа – реплика в дискуссии о возможности сохранения культурной идентичности в условиях современной экспансии цифровой культуры. Рассматривается успешный в этом отношении опыт Китая. Успех опыта этой страны обосновывается архетипическими структурами китайской культуры. Делается вывод, что единство традиции и новации как историческая специфика этой культуры сформировалось в ее исходных основаниях и сохраняется до современной эпохи цифровизации. В контексте указанного единства традиции и новации обосновывается адаптационная способность современной китайской культуры, специфически воспринявшей постмодернизм в форме диджимодернизма.

Ключевые слова: китайская культура • постмодернизм • традиция • новация • современность • цифровая культура • диджимодернизм

DOI: 10.31857/S013216250016858-6

Процесс глобализации и создания общего культурного пространства мира, кажется, не выдержал проверку временем. О кризисе в этой сфере сегодня говорят и серьезные научные исследования, и попытки реализовать на практике теоретические установки мультикультурализма (недавняя ситуация агрессии культурных столкновений с мигрантами в Западной Европе) показали крах этих установок. Вопрос встает о принципиальной возможности/невозможности принятия культур друг другом, если каждая из них в то же время хочет сохранить себя. Удавшийся опыт такой коммуникации демонстрирует история Китая, где доминантная культурная характеристика – сохранение своей идентичности – не была утрачена во взаимодействии с другими культурами в эпоху глобализации и цифровизации.

Очевидно, история страны научила культуру выбору верного пути удержания собственной идентичности. Таким путем стало адаптивное внимание к трендам мирового развития, способствующим процветанию государства, росту благосостояния его граждан. Интересно проследить этот выбор в горизонте современной культуры, ее глобализации, стремления к единству мирового масштаба, информатизации и цифровизации. Актуальность так поставленной проблемы не вызывает сомнения, если иметь в виду ведущиеся сегодня дискуссии относительно кризиса глобализации и возрастания теоретического

интереса (и его практической реализации) к вопросу о специфических локальных культурах отдельных стран.

На фоне возросшего напряжения в межнациональных отношениях в европейской части мира стало особенно заметно исследовательское внимание к восточным культурам, которым присущ универсальный дуализм, акцент на взаимодействии, взаимосвязи и взаимодополнении, способности преодолевать противостояние и противоборство. Культура Китая, возникая на почве «Великого предела» – единства противоположных начал «инь» и «ян», зафиксированного в историческом символе-метафоре двух тесно сплетенных рыбок, – не предполагала уже самой возможности их противостояния. Напротив, они крепко сцеплены в единство, которое символизирует универсальный дуализм, когда даже полярная дуализация (светлое и темное) не являет противоречия, напротив, свидетельствует об актуальной способности возвыситься над оппозициями.

Архетипическое единение двух начал «Великого предела» в истоке инициировало культурное единство, которое и до сих пор обнаруживает себя в самых разных сферах жизни. В статье исследуется одна из названных сфер – единство и органическое сплетение традиций и мейнстримных новаций наступившей цифровой культуры. Считается, что именно это единство в современных условиях дало возможность Китаю войти в число стран, считающихся мировыми лидерами. Китай в высокой степени обнаружил стремление к овладению техническими новациями, сохранив при этом собственные культурные традиции. Изучить этот культурный опыт и по возможности его использовать не бесполезно для других стран.

Отметим исследования, в которых представлена специфика современной китайской культуры, ее формирование под влиянием традиционных культурно-исторических архетипов. Так, Н.А. Абрамова исследует ценностный потенциал китайского «культурного государства» в проекциях глобального развития [Абрамов, Абрамова, 2014], Ху Янли – специфику традиционной культуры Китая в глобальном измерении [Ху, 2020], Ли Ваньли – влияние древнекитайской философской мысли на современную жизнь в Китае [Ли, 2020], Ни Цзяоцзяо раскрывает содержание культурных брендов в Китае, основу которых составляют традиционные и социалистические культурные ценности [Ни, 2019].

Все авторы утверждают, что современная китайская культура прочно удерживает единство традиций и современных культурных новаций. Как это удается?

Можно допустить, что современный мир сконструирован постмодернизмом (не будем поднимать вопрос об отказе от этого типа культуры, о констатации его смерти и т.п.). Посмотрим, в какой адаптированной форме он (постмодернизм) повлиял на китайскую культуру. Самый наглядный пример в этом отношении – китайский диджимодернизм (цифро-модернизм). Китай не остался в стороне от постмодернистских веяний, но адаптировал их к своим условиям и принял цифровизацию, главным образом, в аспекте ее технологического производства. Не будучи погружена в западные традиции постмодернизма, китайская культура, тем не менее, не осталась в стороне от постмодернистских идей, успешно адаптировав их на своей почве. Здесь нет постмодернистских концепций «текучести» (З. Бауман), «ризомы» (Ж. Делез), нет указания на неустойчивость культурной почвы и ее постоянный «переход» в нечто другое (В. Лехциер). Оптикой, через которую в Китае присутствует постмодернизм, явился диджимодернизм как серьезная практика дигитализации – производства современных технологий. Результаты такой практики – смартфоны, персональные компьютеры, цифровые приложения и социальные сети – наводнили мир. Это обеспечило Китаю возможность показать себя лидером цифровых технологий. Российский исследователь А.В. Павлов отмечает, что западные теоретики культуры (например, Алан Кирби), разрабатывая постпостмодернистскую концепцию диджимодернизма, показывают специфику состояния современной массовой культуры через компьютерные игры, кино, телевидение, музыку, литературу [Павлов, 2018: 200]. По мнению А.В. Павлова, специфика этого осмысления именно в Китае состоит в дистанцировании от метафоры аутизма, которой Запад наделил диджимодернизм [Павлов, 2018: 209–211]. А. Кирби квалифицирует психологические состояния человека разных культур как невроз (модерн),

шизофрения (постмодерн) и аутизм (диджимодерн) [Kirby, 2020]. В Китае не случилось полного погружения человека в тот мир, куда уводит используемый гаджет, не произошло и замыкания себя в нем. Напротив, Китай демонстрирует при «гаджетном аутизме», которым страдает весь мир, активную культурную коммуникацию. «Китайский аутизм» не покушается и на традиционный внутренний китайский коллективизм [Сюй, 2011: 190–191]. Уже поэтому диджимодернизм в Китае аутизмом не является. Это стало возможно, считает Сюй Хунбо, посредством захвата китайца консьюмеризмом, который заставил его рефлексировать не по поводу ухода во внутреннюю «личную Вселенную», которую открывает гаджет, а по поводу потребления, торговли, товара. Этот доминантный интерес вывел Китай на необходимость коммуникации с миром.

Знакомясь с китайской культурой и отмечая органическое единство традиционного и современного, следует сказать, что эта характеристика исходит из специфики китайского общества, его устойчивости, уверенности, вызывающих доверие к его прошлому и настоящему, к истории и современности. Сошлемся на мнение председателя ассоциации дизайнеров модной одежды Чжан Цинхуэя, утверждавшего, что «интерес к отечественному продукту – результат экономической мощи страны, а сам этот феномен демонстрирует ... интерес к традициям своей страны. Все больше молодых китайцев выбирает отечественные бренды, стремясь с помощью их продукции выразить себя, и за этим можно увидеть растущую уверенность китайцев в собственной культуре» [Ван, 2020]. Отметим, что ценности традиционной культуры сохраняются и продвигаются на современных цифровых ресурсах, в онлайн-играх, музыке и т.д., свидетельствуя о гармоничном формировании двойственной культурной и личностной идентичности. Китайская цифровая культура инициирует появление такой «структуры образов, создаваемых в сферах торговли, культуры, облике городов, в развлекательной индустрии и т.д., которые отличаются сложностью, очень часто подчеркивают двойную идентичность (современности и истории, западного и традиционно китайского)» [Wang, Feng, 2021]. В фильмах, сериалах, музыкальных стилях и онлайн-играх современные и общекультурные тенденции гармонично переплетаются с собственно китайскими (традиционный костюм, национальная кухня, национальная музыка, традиционные мифические животные-символы дракон и феникс и т.д.).

При этом нельзя не сказать о специфике указанной двойной идентичности (как говорит Чжан Цинхуэй), когда современные китайские бренды, обращающиеся к элементам традиционной китайской культуры, сохраняют доминанту традиции и понимаются как «своеобразный механизм, транслирующий особенности духа нации и ее культурных ценностей». Бренд в таком понимании наделен способностью воспитывать чувство гордости за свою страну, укрепляя национальную идентичность. Неотъемлемым компонентом содержания культурных брендов являются культурные ценности, и основными являются традиционные и социалистические духовные ценности» [崔丁尹; 杨雪; 顾艳文, 2016: 83–84]. Тенденцией стало появление брендов целых городов, областей «Прекрасный Цзянсу» (精彩江苏), «Райский Сучжоу» (天堂苏州), «Очаровательный Уси» (魅力无锡), «Разнообразный Яньду» (盐渻文化), «Творческий Шанхай» (创意上海), «Танцующий ветер Хань Сючжоу» (徐州舞动汉风) и др. При создании таких брендов большое внимание уделяется использованию высококачественных информационных технологий для акцента идентичности, определяющей уникальность и отличительные черты городов или провинций [Ни, 2019: 99].

Культурные бренды, широко представленные в современном цифровом пространстве, ориентированы на реализацию культурных инноваций, в которые одновременно интегрированы современные технологические решения и элементы традиционной культуры. Это свидетельствует о специфике развития культурных индустрий, их продуктов и проектов [Ни, 2019: 37–38], разошедшихся по всему миру. Создается впечатление, что цифровые ресурсы, онлайн-игры, современные музыкальные произведения и т.д. используются для сохранения и привлечения внимания к китайским ценностям, философским, религиозным, эстетическим и этическим учениям, красоте природных ландшафтов Китая

и т.д. Они во многом воплощают присущие китайской культуре идеалы гармонии, почтительности, долга, любви к родине и т.д.

Обратимся к такому традиционному для Китая ремеслу, как выращивание и продажа чая. В последние годы многие производители чая открывают интернет-магазины или используют иные цифровые платформы. Здесь они могут более наглядно и доступно представить покупателям концепцию своего бренда, в Интернете можно разместить не только логотипы и рекламу, но и видео или статьи о том, как выращивается чай, о культуре чайной церемонии, о пользе чая для здоровья и т.д. Таким образом, потребитель получает не только продукт, но и эмоции, знания, ценности, что важно для современного человека, теряющего доверие к сугубо рациональному, логически очищенному дискурсу.

Однако этим дело не ограничивается, дополнительно предлагается услуга «усыновления» чайных деревьев, т.е. желающие могут приехать на плантацию, в специально отведенные места и там выбрать себе деревце или посадить новое, а потом в онлайн-режиме наблюдать за его ростом, иногда приезжать и ухаживать «офлайн». В социальных сетях люди объединяются в группы, общаются между собой (переписываются, размещают записи, комментируют) относительно специфики выращивания чая и чайной культуры в целом и т.д. Отметим, что чайная церемония в Китае носит специфически ритуальный процесс – глубокое погружение в себя, в свой внутренний мир, сосредоточенность не только на вкусе чая, но и на собственных мыслях и чувствах.

Культура чайной церемонии уходит корнями в философию даосизма с его стремлением к гармонии, равновесию «пяти первостихий», недеянию «у-вэй». Чайную церемонию также толкуют в контексте конфуцианства как путь, помогающий человеку вернуться к своей изначальной гуманной природе, возможность постичь истину «Дао» [Носкова, 2010: 70]. По своей сути это напоминает западноевропейскую практику «заботы о себе», духовного очищения, успокоения и созерцания. Конфуцианская этика трактует также приготовление чая младшими для старших как проявление традиционной ценности – уважение к старшим и человеколюбие. Конечно, такие церемонии происходят в «офлайн», однако современные технологии и Интернет позволяют не только передавать широким массам идеи, знания, эмоции, но и создавать в виртуальной среде новые возможности, новую реальность, где могли бы взаимопроникать новое и старое, традиционное и современное, западное и китайское.

В культуре Китая сегодня без труда можно обнаружить многочисленные примеры совмещения традиции и современности. Так, на сайте Tencent (одной из крупнейших в Китае технологических компаний, которая специализируется на различных услугах и продуктах, связанных с Интернетом, развлечениями, искусственным интеллектом и технологиями) в разделе «О нас, нашей культуре» наряду с основными принципами компании мы видим довольно большое изображение китайского веера с иероглифом 善 (добро), обозначающим в исторической традиции этическую категорию, характеризующую в моральном сознании китайцев основополагающие положительные нравственные ценности. Веер с иероглифом 善 символизирует, говорит о необходимости придерживаться принципов, этики, справедливости; призывает к тому, чтобы вносить положительный вклад в коллективное дело, проявлять ответственность. На этой же странице выделены другие основные принципы компании – честность, проактивность, сотрудничество и креативность. Они символизируют прорывы к сотрудничеству, стремление к открытости, творчеству и прогрессу. Это – символ связи традиций и креативных инноваций, сохранения прошлого и принятия новых возможностей развития в будущем.

В качестве еще одного примера приведем контент-анализ популярной китайской цифровой платформы для коротких видео «Доуинь» (несколько сот миллионов пользователей), которая применяет искусственный интеллект для анализа интересов и предпочтений пользователей посредством их взаимодействия с содержанием персонализированной ленты каждого пользователя. На данной платформе немалый процент видеороликов, посвященных воспитанию традиционных для китайского общества ценностей, таких, например, как сыновняя почтительность, уважение к старшим, человеколюбие.

Итак, тезис состоит в том, что в китайском обществе современные индустриальные технологии служат актуализации традиции. Почему это происходит? Можно высказать гипотезу, которая в своем теоретическом обосновании уже может считаться аргументированной теорией. Гипотеза (теория) состоит в том, что причина внимания китайской культуры к собственным традициям восходит к основам китайского образа мышления, который возникал и формировался в своей специфике в глубокой взаимосвязи с иероглифическим письмом. Об этом утверждали и утверждают многие исследователи. Так, Н. Спешнев делает вывод о том, что в «китайском типе мышления превалирует синтез и эстетическое (художественное) начало... Связанная с художественным образом мышления иероглифика несет в себе всю полноту информации и выступает в качестве культурного знака (веньхуа, фухао), в котором хранится историко-культурная информация, имеющая неизмеримую ценность» [Спешнев, 2017: 99–101]. В. Бауэр отмечал, что благодаря идеографической письменности поддерживался не только высокий уровень ассимиляционных процессов, но также сохранялась и устойчивость в повторении собственных тем, имевших важное значение для поддержания общности [Bauer, 1973: 285]. Китайское понимание культуры в философских традициях даосизма и конфуцианства различается. В даосизме культура («вэнь») больше рассматривается как возвращение к первозданной природе, простоте, умеренности. В конфуцианстве же «вэнь» понимается как упорядочивающее общество начало. Но общим моментом является то, что в обеих традициях активно проявляется ценностно-этическая коннотация данной категории. Контент, производимый китайскими цифровыми платформами, не допускает видео, содержащие насилие, негативные установки и ориентации. И, напротив, здесь очевидны почтение к своему историческому прошлому, стремление к сохранению национальной идентичности, гордость за свою родину и т.д. В целом в китайской традиции достаточно проявлен принцип холизма в том его виде, который встречается в классическом изречении «хэ эр бу тун», что можно перевести как «согласование различного, а не безликое тождество», «находиться в согласии, имея разные взгляды». В этом изречении используется иероглиф 和 («хэ») – гармония. В данном принципе речь идет о гармонии при сохранении различий. Именно такое понимание и делает возможным синтез различных традиций, традиционного и современного, а также актуализацию традиции без стремления к архаизации.

Стоит отметить, что обозначенная тенденция актуализации традиции, а также единства традиционного и современного явно прослеживается в политике китайского руководства (политика укрепления «национального духа», следования «китайской мечте»). Указанная тенденция находит поддержку и у населения, которое гордится экономическими успехами своей страны, общим ростом уровня жизни, и находит этому объяснение в причастности китайского общества к своим корням, к традициям, единству прошлого и настоящего. Этот синтез традиции и современности во многом способствует развитию «прорывных» технологий, ориентированных на создание вклада в будущее развитие (освоение космоса, ускоренное создание глобальной производственной цепочки на основе 5G и др.). Решение задач в рамках указанных направлений осуществляется посредством цифровых технологий.

Цифровизация в современной китайской культуре достигла невиданных масштабов. Постепенно растет запрос на качественное образование, в том числе и в онлайн-режиме. Проректор научно-исследовательского института образования «XXI век» Сюн Бинци отмечает, что «в словосочетании “онлайн-обучение”» главное слово – обучение, а “онлайн” это всего лишь один из возможных форматов» [Гао, 2020: 58]. Акцент делается на сочетании высокого уровня преподавания, обратной связи, индивидуального подхода, применении искусственного интеллекта. Одной из задач является повышение доступности качественного образования в сельских школах. Развитие образования, таким образом, отвечает идее воспитания гармоничной личности (недаром Всемирный философский конгресс 2019 г. в Пекине прошел под лозунгом «Учиться быть человеком»), способной

к инновационной деятельности и являющейся носителем таких важнейших ценностей, как любовь к родине, человеколюбие, трудолюбие, добродетельность, почитание старших.

Цифровые технологии облегчают доступ к информации, расширяют коммуникацию, предоставляют новые возможности, экономят время и ресурсы и т.д.

Влияние цифровых технологий в варианте диджимодернизма проявляется в сфере взаимодействия и коммуникации между людьми. Повсеместное распространение социальных сетей, посредством которых формируется культура мемов, «онлайн» комментариев, «лайков», «репостов», «блогов», «хайпа» и т.д. изменяет жизненный опыт человека. В обществе распространяется мнение о том, что данные изменения представляют собой одну из радикальнейших трансформаций нашего жизненного опыта, мировосприятия, ценностей, которую до конца еще осознать очень трудно, поскольку процесс изменений еще далеко не принял свои окончательные формы. Как это отразится на ведущей культурной тенденции, свидетельствующей о единстве традиционного и современного? Этот вопрос волнует, но в то же время есть уверенность в том, что китайские культурные традиции, помогающие стране эффективно развиваться, будут и впредь сохраняться.

Конечно, нельзя не учитывать и угрозы, которые несет традиционной культуре цифровизация. Многими авторами выделяются негативные тенденции: уход от реальности, распространение «cancel culture» [Макдермотт, 2019], «неразличение» виртуального и реального, интернет-зависимость [Миронов, 2019], фрагментация сознания, проблемы самоидентификации [Катаева, 2020: 133–134]. Интенсификация процесса цифровизации во многом меняет мир человека, социокультурное пространство. В наши дни возникает беспрецедентная, никогда ранее в истории человечества не имевшая места искусственная, рукотворная, виртуальная культура. Происходит взаимопроникновение реального мира и мира виртуального. «Виртуализация жизненного мира понимается как дополнение жизненного мира миром виртуальной реальности, продуцируемой современными цифровыми технологиями: intersубъективность жизненного мира всё больше оказывается представленной в виртуальном социальном взаимодействии; повседневность неразрывно связана с цифровыми технологиями; сфера получения новых опыта и смыслов расширилась за счёт возможностей виртуальной реальности Интернета» [Катаева, 2020: 133]. Эти процессы еще до конца не изучены, но их влияние – негативное и позитивное – уже ощущается. Как скажется влияние новой – виртуальной – реальности на китайскую культуру? Останется ли ее собственная доминанта – стремление стоять на традиции как той основе, которая исторически всегда формировала ее уникальность и сохраняла идентичность? Это вопросы будущих исследований и дискуссий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Восточная книга, 2014.
- Ван Цянь. Мода на все китайское // Китай. 2020. № 5. С. 64–65.
- Гао Мо. Онлайн-образование // Китай. 2020. № 4. С. 58–59.
- Катаева О.В. Цифровизация и виртуализация жизненного мира: оценки и позиции // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 6. С. 129–136.
- Кирби А. Смерть постмодернизма и то, что после // Metamodern. Журнал о метамодернизме; пер. с англ. С. Оносенко. URL: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism> (дата обращения: 15.03.2020).
- Ли Ваньли. Влияние древнекитайской философской мысли на современную жизнь в Китае: социально-философский дискурс. Дис. ... к. филос. н. Чита, 2020.
- Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4–24.
- Ни Цзяоцзяо. Феномен культурного бренда в современной китайской культуре. Дис. ... к. филос. н. Чита, 2019.
- Носкова В.Б. Философия чайной церемонии // Дискурс Пи. 2010. № 1–2. С. 68–72.

- Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: диджимодернизм: рецензия на книгу Алана Кирби // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II. № 2. С. 197–212.
- Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: Каро, 2017.
- Сюй Хунбо. Особенности китайского национального характера (часть 2) // Молодой ученый. 2011. № 3 (26). Т. 2. С. 190–191.
- Ху Янли. Специфика глобализационных процессов в культуре Китая. Дис. ... к. культур. Владивосток, 2016.
- 崔丁尹;杨雪;顾艳文. 文化产业品牌的特征和价值分析 // 科技经济市场. 2016. № 7. Р. 81–85. (На кит. яз.)
- Bauer W. *The China and the Hoping for Happiness. The Paradise. The Utopian. The Ideals*. New York: The Seabury Press, 1973.
- McDermott J. Those people we tried to cancel? They All Hang Out Together // NYTIMES. 2019. November. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/02/style/what-is-cancel-culture.html> (дата обращения: 13.09. 2021).
- Wang Yilei, Feng Dezhen. History, modernity, and city branding in China: a multimodal critical discourse analysis of Xi'an's promotional videos on social media // Social Semiotics. 2021. Vol. 1. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10350330.2020.1870405> (accessed 17.03.2020).

Статья поступила: 15.09.21. Принята к публикации: 04.10.21.

DIGITAL CULTURE VS CULTURAL ORIGINALITY? (from the experience of preserving Chinese cultural identity)

BALCHINDORZHEVA O.B., ZOLKHOEVA M.V.

Banzarov Buryat State University, Russia

Oyuna B. BALCHINDORZHEVA, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. (baoyu2008@yandex.ru); Maria V. ZOLKHOEVA, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Head of Department (badmaeva_maria@mail.ru). Both – the Department of Philosophy, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Abstract. This paper examines the problem of the own cultural identity maintenance in the context of modern processes of globalization, informatization and digitalization, so as the development of digital modernity in China. The article emphasizes such a feature in the process of formation of digital modernity in Chinese society as actualization of tradition in modern digital culture. This feature manifests not as the archaization of culture and restoration of the past but as a harmonious interweaving of the modern with the traditional, the Western with the Chinese. The paper suggests that the possibilities for the synthesis of tradition and innovation are inherent in the very origins of Chinese civilization. The holistic worldview that has been repeatedly considered by the researchers of Chinese culture and philosophy is also of great importance. The authors considered it necessary to reflect the ideology of holism in the form that means 'to be in agreement, having different views', 'striving for harmony while maintaining differences'. The authors note that the reverence for the historical past, the desire to preserve national identity that determines the indicated tendency to actualize traditions in Chinese modernity are supported not only from above (by the policy of strengthening 'the national spirit') but also are supported by the population experiencing a feeling of patriotism and pride for its present.

Keywords: Chinese society, tradition, modernity, digitization, digimodernism.

REFERENCES

- Abramov V.A., Abramova N.A. (2014) *The value potential of the Chinese "powerful cultural state" in the projections of global development*. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russ.)
- Bauer W. (1973) *The China and the hoping for Happiness. The Paradise. The Utopian. The Ideals*. New York: The Seabury Press.
- 崔丁尹;杨雪;顾艳文. 文化产业品牌的特征和价值分析 // 科技经济市场. 2016. № 7: 81–85 (In Chinese)
- Gao Mo. (2020) Online education. *Kitai* [China]. No. 4: 58–59. (In Russ.)
- Hu Yanli. (2016) Specificity of globalization processes in the culture of China. Ph.D. thesis. Vladivostok. (In Russ.)
- Kataeva O.V. (2020) Digitization and virtualization of the life world: assessments and positions. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. No. 6: 129–136. (In Russ.)
- Kirby A. (2020) Death of postmodernism and what is after. *Metamodern. Zhurnal o metamodernizme* [Metamodern. Journal of Metamodernism]. Transl. from Eng. by S. Onasenko. URL: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism/> (accessed 03.15.2020). (In Russ.)

- Li Wanli. (2020) The influence of ancient Chinese philosophical thought on modern life in China: socio-philosophical discourse. Ph.D. thesis. Chita. (In Russ.)
- McDermott J. (2019) Those people we tried to cancel? They All Hang Out Together. *NYTIMES*. November. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/02/style/what-is-cancel-culture.html> (accessed 13.09. 2021).
- Mironov V.V. (2019) Plato and the modern big-data cave. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. [Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology]. Vol. 35. No. 1: 4–24. (In Russ.)
- Ni Jiaojiao. (2019) The Phenomenon of Cultural Brand in Contemporary Chinese Culture. Ph.D. thesis. Chita. (In Russ.)
- Noskova V.B. (2010) Philosophy of the Tea Ceremony. *Diskurs Pi* [Discourse Pi]. No. 1–2: 68–72. (In Russ.)
- Pavlov A.V. (2018) Images of modernity in the XXI century: didjmodernism: a review of the book by Alan Kirby. *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. II. No. 2: 197–212. (In Russ.)
- Speshnev N.A. (2017) *The Chinese: features of National Psychology*. St. Petersburg: Karo. (In Russ.)
- Wang Qian. (2020) Fashion for everything Chinese. *Kitai* [China]. No. 5: 64–65. (In Russ.)
- Wang Yilei, Feng Dezheng. (2021) History, modernity, and city branding in China: a multimodal critical discourse analysis of Xi'an's promotional videos on social media. *Social Semiotics*. Vol. 1. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10350330.2020.1870405> (accessed 17.03.2020).
- Xu Hongbo. (2011) Features of the Chinese national character (part 2). *Molodaj uchenyj* [Young Scientist]. Vol. 2. No. 3 (26): 190–191. (In Russ.)

Received: 15.09.21. Accepted: 04.10.21.

М.Г. МАТЛИН

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ МЕСТ ГИБЕЛИ ЛЮДЕЙ В ДТП В ФОКУСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

МАТЛИН Михаил Гершенович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия (matlin@mail.ru).

Аннотация. На основе контент-анализа форумов одиннадцати порталов, сайтов, блогов, как региональных, так и общероссийских, проанализированы особенности отражения в общественном мнении современной традиции отмечать места гибели людей в ДТП. Установлено, что для участников обсуждения данной традиции характерно три основных типа отношения: принятие, отрицание и частичное принятие с частичным отрицанием, хотя в целом преобладает отрицательное отношение как к самой традиции, так и к тем, кто ей следует. Приведены аргументы ее сторонников и противников. Показано, что в процессе обсуждения участники выходили на более общие социальные проблемы и вопросы, в том числе о взаимодействии публичного и частного в общественной жизни, о типах и формах выражения отношения к смерти и о роли государства и церкви в их формировании, регулировании и развитии.

Ключевые слова: общественное мнение • мемориализация • традиция • придорожные памятники • дорожно-транспортное происшествие • контент-анализ

DOI: 10.31857/S013216250016861-0

Постановка проблемы. Традиция отмечать места гибели людей в ДТП распространена во всем мире. Она зафиксирована в Европе, Северной и Южной Америке, Средней Азии, Австралии и Новой Зеландии, Японии, Таиланде и др. Можно говорить о трех ее основных аспектах: материальном, духовном и социальном, которые, соответственно, выражаются: в установке специальных объектов-знаков; в комплексе представлений, переживаний и поминальных практик, связанных с местом внезапной трагической гибели людей; специфических функциях в социально-культурной жизни общества.

Социальное измерение этой традиции возникает вследствие того, что специальные знаки на местах ДТП представляют собой мемориализацию «личных смертей в обрамлении социальных обстоятельств, которые к ним привели» [Сантино, 2019: 15], они «показывают смерть в самом сердце социальной жизни. Это не могилы, ожидающие случайных посетителей и санкционированного украшения. Вместо того чтобы семья навещала могилу, “могила” сама приходит к “семье” – то есть к публике. Ко всем нам» [Сантино, 2019: 24]. Социальное измерение традиции также определяется отношением к ней государственных и религиозных организаций, общественного мнения, в том числе населения территорий, на которых расположены объекты-знаки [Sanders, 2010; Dickinson, Hoffmann, 2010; Owens, 2006; Nešporová, 2008, 2015; Bednar, 2013; Przybylska, 2015, 2021].

Наиболее обобщенно об отражении данной традиции в общественном мнении высказался Р. Беднар в статье «Убийство памяти. Демонтаж придорожных мемориалов и некрополитика аффекта»: «Придорожные мемориалы похожи на пробные камни – они сильно воздействуют на большинство людей, но непредсказуемо, неопределенно и бесконтрольно, и по-разному для разных людей» [Bednar, 2013: 343].

Таким образом, придорожная меморизация, являясь важным явлением современной народной культуры, проблематизируется в процессе восприятия ее обществом, порождая широкий диапазон осмыслений и переживаний. Анализ особенностей этого восприятия в его связи с некоторыми традиционными представлениями о «правильных»

и «допустимых» формах выражения отношения к смерти, о роли государства и церкви в их регулировании и составляет цель данной статьи.

Методика и материал исследования. Как считают многие исследователи, анализ отражения данной традиции в общественном мнении необходимо проводить, учитывая позиции представителей разных групп не только в зависимости от их пола, возраста, социального положения, образования и религиозности, но и с точки зрения степени информированности о ДТП. Так, например, О. Нешпорова в статье «Публичная память о смерти – придорожный мемориал» показала, что по указанному критерию можно выделить следующие группы: «группу создателей и хранителей памятников» и три группы прохожих или проезжающих. «Первая группа <...> не имеет много информации о памятнике и обстоятельствах его создания, вторая группа имеет больше информации, например, ей известны обстоятельства аварии или выжившие, или сам пострадавший, а в третью группу получателей могут входить те, кто присутствовал при аварии, в которой погиб человек (люди)» [Nešporová, 2008: 156]. Как полагает автор, «наиболее общий социальный взгляд на исследуемое явление, вероятно, можно получить у рядовых реципиентов и в то же время лиц, не заинтересованных в создании или поддержании памятника» [там же: 157]. Эти три группы занимают разные позиции к традиции: приятие, отрицание и двойственное отношение, совмещающее частичное приятие и частичное отрицание.

Польская исследовательница в статье «Мемориальные кресты в Польше: обычный и спорный элемент дорог общего пользования» представила результаты интернет-опроса, инициированного Гданьским муниципалитетом, поставившим перед жителями региона вопрос: «Следует ли убирать мемориальные кресты с проезжей части?» Зафиксировано 3790 высказываний, которые показали, что «мнения о мемориальных крестах в польском обществе разделились почти поровну: 52% высказались за то, чтобы оставлять их вдоль дорог, и 48% – за их устранение» [Przybylska, 2015: 507].

Нами для выяснения своеобразия отношения к этой традиции жителей России проведен контент-анализ форумов на порталах, сайтах, блогах за 2013–2019 гг., посвященных обсуждению этой традиции. Результаты анализа и подтверждают выводы польской исследовательницы, и открывают некоторые другие стороны общественного мнения о данной традиции в России. Прежде всего укажем, что обсуждение традиции инициировано разными причинами. Во-первых, наиболее важным триггером стало обсуждение законопроекта № 317652-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”», внесенного в Государственную думу в 2013 г. В нем, в частности, предполагалось ввести прямой запрет на установку и размещение предметов похоронного назначения (похоронных принадлежностей, обрядовой атрибутики, надмогильных сооружений) в границах полосы отвода автомобильной дороги и придорожных полос. Во-вторых, обсуждение указанной проблемы инициировано отдельными администраторами, пользователями порталов и сайтов, а также блогерами без связи с предполагаемым законопроектом.

Значимость предлагаемого анализа заключается в том, что его участники высказывались добровольно, откровенно и эмоционально, что свидетельствует о важности темы и личной заинтересованности в ней. Существенно и то, что это порталы и сайты как региональные, так и всероссийские, а участие в обсуждении проблемы приняли водители-профессионалы, автолюбители и люди, не имеющие автомашин, мужчины и женщины самых разных возрастов. Не менее важно, что на половине порталов и сайтов не задавалось никаких вопросов, а помещался только журналистский материал по данной теме. Например, статья «Могила неизвестного водителя: что такое кенотафы и зачем их ставят на обочинах?» [6]¹ посвящена трагическим историям, которые «лежат» за тремя придорожными памятниками на автодорогах Новосибирской области. Ни в начале, ни в конце

¹ Источники обозначены цифрами, см. в конце статьи перед списком литературы.

статьи журналист не задавал никаких вопросов, но читатели активно откликнулись на нее – 52 человека высказали свою позицию относительно данной традиции. Что касается тех сайтов, на которых к читателям обращались с конкретными вопросами, то среди вопросов были, например, такие как «Действительно ли стоит очистить обочины трасс от памятников, или пусть люди отдадут дань погибшим в ДТП родственникам, если они хотят это делать?» [3], «Убрать ли надгробия, венки, кресты с обочин ярославских дорог?» [1], «А как вы относитесь к кенотафам?» [9].

Из 812 постов, зафиксированных на указанных порталах, сайтах, форумах и блогах, для анализа отношения к традиции выбрано 536 высказываний, в которых оно выражено прямо или опосредованно. А в отобранных постах в результате их анализа и обобщения выявлены высказывания, отражающие наиболее обобщенное отношение к ней в диапазоне от абсолютного неприятия до полного одобрения, включая непонимание традиции и индифферентное отношения к ней.

Результаты исследования. Результаты исследования отношения участников обсуждения к данной традиции представлены в следующей таблице.

На проанализированных форумах порталов, сайтов и блогов в обсуждении приняли участие 812 человек. Однако не все посты посвящены проблеме придорожной мемориализации. Как отмечено выше, многие писали о наличии и своеобразии этого явления в разных областях и республиках России, в Европе, Северной и Латинской Америке,

Таблица 1

Отношение участников форумов к традиции мемориализации мест гибели людей в ДТП

Источник	Дата обсуждения	Количество высказавшихся участников	Поддерживают традицию	Не поддерживают традицию	Двойственное отношение к традиции	Информируют о более сложном и широком контексте бытования традиции	Не понимают традиции	Индифферентны	Иное
1	2013	55	3	27	6	16	2	0	15
2	2014	40	6	12	3	11	1	0	15
3	2015	181	69	27	20	62	4	1	41
4	2015	189	32	49	14	12	1	0	105
5	2016	198	66	74	13	37	4	6	10
6	2018	80	20	27	5	16	0	0	25
7	2018	10	1	4	0	3	0	0	3
8	2019	37	8	14	0	3	1	1	14
9	2019	5	4	1	0	4	0	0	1
10	2019	6	0	5	1	0	0	0	0
11	2019	11	1	3	0	2	0	0	5
Итого		812	210	243	62	166	13	8	234
Итого* (%)		536	39,2%	45,3%	11,6%	–	2,4%	1,5%	–

Примечания. Многие участники не только обозначили свое отношение к традиции, но давали новую информацию о ней, вступали в полемику с другими форумчанами, поднимали более общие политические, социальные, экономические, религиозные проблемы. * От числа высказываний, в которых отношение к данной традиции выражалось прямо или опосредованно (были исключены данные колонок «Информируют...» и «Иное»).

Японии и т.д., делились личными историями, а также высказывались по широкому кругу иных проблем. Так, например, в 2015 г. при обсуждении законопроекта ГД относительно придорожной мемориализации многие из участников высказали резкие суждения как о самой Думе, ее деятельности, так и о данном законопроекте.

Прямо или опосредованно свое отношение к традиции высказали 536 человек. Положительную оценку дали 210 чел. (39,2%), отрицательную – 243 чел. (45,3%), двойственную – 62 чел. (11,6%), поделились дополнительной информацией по традиции без высказывания своего отношения к ней 166 чел., индифферентны к традиции – 8 чел. (1,5%), не понимают традицию – 13 чел. (2,4%).

Сравним отношение в 2013–2015 гг. (когда обсуждался указанный законопроект) и в 2016–2019 гг. (учитывались только высказывания, в которых отношение к данной традиции выражалось прямо или опосредованно). В 2013–2015 гг. (277 чел.) к традиции отнеслись положительно 39,7%, отрицательно 41,5%, двойственно 15,5%, не понимают традицию 2,9%, индифферентны к ней 0,4%. В 2016–2019 гг. (259 чел.) оценивали положительно 38,6%, отрицательно 49,4%, двойственно 7,3%, не понимают традицию 1,9%, индифферентны к ней 2,7%. Полученные данные свидетельствуют, что положительное и отрицательное отношение к традиции почти не изменилось, тогда как двойственное и индифферентное отношение сократилось. Если сравнить общественное мнение в России с отношением общества к данной традиции в Польше и некоторых других странах Европы, то можно утверждать, что оно имеет более негативный характер. Понять, почему это так, помогает анализ мотивов-аргументов, высказанных участниками обсуждения.

В данных, приведенных в таблице 2, учтено, что некоторые участники обсуждения в обоснование своего мнения приводили не один аргумент, а несколько, дополняя суждение сведениями о традиции, личными историями или затрагивая другие социально-политические проблемы.

Анализ также показывает, что главным аргументом против традиции, ее поддержания было утверждение о несоответствии ее принятым правилам и нормам коммеморации и мемориализации. *«Чтить надо в специальных местах, тем более, где похоронены! А не устраивать из общественных мест жизни кладбище!»* (Pft6fkbybrb, [5])². *«Если не можете успокоиться надо к психотерапевту на прием идти, или в церковь – кто во что верит. На кладбище, но не на обочину, случайно ставшую местом аварии. Скорбь публичности не терпит»* (Иджис, [6]).

На втором месте – утверждение абсурдности самой традиции. Причем в некоторых постах это делалось в крайне грубой форме, с подчеркнутым сарказмом в адрес тех, кто ее поддерживает. *«...Честно говоря тут и спорить не о чем. Чтобы понять почему – доведите ситуацию до абсурда – крайние значения обычно характеризуют лучше процесс. Ну кого-то задавили во дворе дома (что не бывает?) – как вам могила, крестик и веночек во дворе? А если за год-другой еще человек пять придавили, да еще кто-то сиганул с крыши? Отличное кладбище получится во дворе...»* (nznz, [4]).

На третьем месте – утверждение, что придорожные памятники, венки и другая кладбищенская атрибутика отвлекают водителей и не способствуют повышению безопасности. *«Эти монументы и стальные кресты на обочине могут послужить дополнительным негативным препятствием при следующей аварии»* (chuk74, [4]). *«Кресты у дороги меня часто отвлекают от самой дороги, а это очень опасно»* (Людмила П., [7]).

Не менее важно и то, что они негативно воздействует на эмоциональное состояние водителя. *«Мне они сволочи постоянно напоминают, что я когда-нибудь умру... чувствуешь себя в машине как в боксе в море»* (targaryen30, [4]). Соответственно у тех, кто поддерживает эту традицию, обоснованием были два аргумента: придорожные памятники помогают движению, дисциплинируют водителей, они необходимы тем, кто потерял в аварии своих близких. *«Если хотя бы один человек глядя на эти кресты задумается и сбросит*

² В цитатах сохранены особенности орфографии и пунктуации авторов.

Таблица 2

Мотивы-аргументы отношения к традиции установки памятных мест участникам ДТП

Мотивы-аргументы	2013 № 1	2014 № 2	2015 № 3	2015 № 4	2016 № 5	2018 № 6, 7	2019 № 8, 9, 10, 11	Итого
Отрицательное отношение к традиции	27	12	49	69	74	34	23	288
Нарушает правила и нормы коммеморации и мемориализации	13	7	27	33	36	16	17	149
Негативно воздействует на эмоциональное состояние водителя	3	0	4	5	7	2	2	23
Создает препятствия движению и дорожным работам	0	0	1	0	2	0	0	3
Отвлекает водителей и не способствует повышению безопасности	2	0	5	17	26	4	4	58
Нарушает государственные правила и законы	1	0	0	1	2	0	2	6
Абсурдность самой традиции	4	3	7	8	23	11	7	63
Отрицание без мотивировки	6	2	7	5	12	1	1	34
Итого мотивов-аргументов	29	12	51	69	108	34	33	336
Положительное отношение к традиции	3	6	32	27	66	21	13	168
Необходима тем, кто потерял близких	0	2	3	2	10	5	0	22
Помогает движению, дисциплинируют водителей	3	3	29	22	63	14	12	146
Выявляет проблемы дорожной безопасности	0		0	0	0	0	0	0
Положительное отношение к традиции без мотивировки	0	1	1	3	2	0	1	8
Итого мотивов-аргументов	3	6	33	54	75	19	26	176
Двойственное отношение к традиции	6	3	14	20	13	4	1	61
Индифферентное отношение к традиции	0	0	0	1	6	0	1	8
Не понимают традицию	2	1	1	4	4	0	1	13
Информируют о более сложном бытовании традицию	16	11	12	62	37	19	9	166
Иное	15	15	40	38	10	28	20	155
Отрицательное отношение к Государственной думе и самой инициативе	0	0	65	3	0	0	0	

скорость, то пусть они стоят» (SergeiY, [7]). «По мне так, если для кого-то место памятно, достойно любое проявление памяти. Пусть и дорогая часовня или копеечный венок главное – проявление переживаний и сочувствия, чего в современном мире нет. Нельзя, понимаете ли, нельзя давать людям скорбеть...» (макс_13, [1]).

Нельзя не заметить принципиальную разницу аргументов у придерживающихся этих позиций: негативно настроенные по отношению к ней главный акцент делают на то, что нарушаются нормы и правила, регулирующие отношение общества к смерти. Главное из них – смерть отдельного человека, не обладавшего высоким социальным статусом, скорбь о нем, его поминовение не должны становиться общественно значимым фактом.

Поэтому индивидуальные памятники должны стоять только на кладбищах, поминать погибших нужно только в местах отправления религиозного культа, скорбеть – дома.

А вот те, кто поддерживают эту традицию, основной акцент делают на том, что включение индивидуальной коммеморации и мемориализации в общественное пространство, независимо от того, каким был погибший и что послужило причиной аварии, этически значимо и социально оправдано. Это же считали основным признаком данной традиции Дж. Кларк и А. Чешир, отметившие, что «принятие общественного пространства для частного траура, присвоение обочины дороги в качестве места смерти и празднования жизни личности, которая не была ни хорошо известной, ни обязательно особенно добродетельной, представляет собой утверждение индивидуализма над властью государства и церкви. <...> Придорожный мемориал переносит атрибуты культа знаменитости на человека, который, возможно, не совершил ничего героического или запоминающегося, но был важен для ближайшего круга семьи и друзей. При всех различиях внутри образцов торжество индивидуальности выделяется как константа» [Clark, 2004: 216, 218].

Что касается двойственного отношения к традиции, то оно чаще всего поддерживает установку временных поминальных знаков (венки, цветы), но категорически не принимает долговременные памятники кладбищенского типа (обелиски, стелы, пирамидки и проч.). *«Венки – да бог с ними висят, а вот надгробия, плиты кресты и прочее – это угроза безопасности»* (Kigo, [4]).

Некоторые участники дискуссии указывали на то, что эту традицию нужно рассматривать, учитывая все многообразие поминальных и памятных знаков, в том числе и тех, что установлены вдоль автодорог. *«Ехал вчера по трассе размышлял над этой темой, везде разные расстояния до памятников/могил, на днях гаишники украшали, например, могилку коллеги у заправки СИБНЕФТЬ, у некоторых вообще могилки с беседками крытыми как например у дальнбоя у Шихазан и подростка мотоциклиста под Канашом... их тоже будут убирать?»* (BEAVIS, [2]). *«Ставят же памятники различным происшествиям, как и героическим. Памятники местам боевой славы. Для чего? чтоб человек помнил или мог окунуться в атмосферу»* (SorokinEV, [4]).

Высказались и те, кто устанавливал поминальные знаки, но и они занимали разные позиции. *«У меня трое родных погибли в одном ДТП, мы цветы ставили, через 40 дней приехали и убрали. Я не сторонник этих вещей на дорогах, для этого есть кладбище. Я место где они погибли и так никогда не забуду, так для чего эти лишние напоминания...»* (MarinaLov, [3]). *«Я сестра одной из погибших под Верх-Тулой компании из 4 человек, нам родным порой тянет побыть на этом месте, как-то, что ли, успокаивает, естественно мы против сноса»* (141977, [6]).

Контент-анализ также выявил наличие конфликта между теми, кто устанавливает поминальные знаки в населенных пунктах, и теми, у чьего дома он поставлен. *«У приятельницы муж погиб, она на дереве, у которого он разбился соорудила и венок и руль от машины, цветы постоянно возила, а дерево стоит у въезда в частный дом, хозяин дома ей и так и этак – я разделяю ваше горе, но мне жить как на кладбище уже надоело, уже год прошел, а я все в венках живу – идите скорбеть на кладбище, ведь муж ваш там... так потом до ругани дошло – он просит, она игнорит – память, понимаешь ли, он взял все и выбросил, а она в крик... Сейчас уgomонилась»* (hellroad, [3]).

Выводы. Контент-анализ постов на разных сайтах, посвященных обсуждению традиции отмечать места гибели людей в ДТП, показал, что высказывания отражают три позиции: отрицательную, положительную и двойственную, в которой есть частичное отрицание и частичное одобрение, но в целом все же преобладает отрицательное отношение к традиции как форме проявления индивидуального поведения и к тем, кто следует ей. Основные аргументы противников указанной традиции: коммеморация и мемориализация погибших должны совершаться строго в рамках существующих государственных, конфессиональных законов и правил; местом установки поминального знака погибшему человеку, где бы и как бы это не произошло, должно быть только кладбище; скорбь по

погибшим – частное дело его близких, и она не должна затрагивать посторонних, особенно в публичном пространстве, каковым являются автодорога, улица в населенном пункте и проч.; погибший мог быть сам виноват в своей гибели или даже в гибели других людей и потому не заслуживает общественного внимания и поминовения.

У тех, кто одобрял существующую традицию, доминировали два аргумента: скорбь близких о погибших имеет право выражаться в свободных и нерегламентированных формах; поминальные знаки дисциплинируют водителей, побуждают соблюдать ПДД. Люди, высказывавшие двойственное отношение, считают, что временные поминальные знаки (цветы, венки) имеют право на существование, но памятники кладбищенского типа необходимо убирать из придорожного пространства.

Выявленные особенности отражения указанной традиции в общественном мнении в России, как и в других странах, приводят к постановке более общих вопросов: как должны взаимодействовать публичное и частное пространства? в каких формах и как общество и отдельные люди могут выражать свое отношение к смерти? кто виноват в гибели людей в ДТП: сами водители, дорожные службы, государство?

ИСТОЧНИКИ

1. Убрать ли надгробия, венки, кресты с обочин ярославских дорог? // Ярпортал, форум Ярославля. URL: <https://yarportal.ru/topic473872s0.html> (дата обращения: 09.09.2021). Вопрос посетителя форума: «Убрать ли надгробия, венки, кресты с обочин ярославских дорог?»
2. ОАО «Чувашавтодор» призывает жителей республики не устанавливать ритуальные памятники на обочинах дорог // Автомобильный портал Чебоксар. URL: <https://forum.zarulem.ws/?showtopic=624779> (дата обращения: 09.09.2021). Обращение регионального учреждения к жителям республики.
3. Могила на российских дорогах // ЯПлакаль. URL: <https://www.yaplakal.com/forum2/st/0/topic1233466.html> (дата обращения: 10.09.2021). Статья пользователя, которая заканчивается вопросом: «Действительно ли стоит очистить обочины трасс от памятников или пусть люди отдадут дань погибшим в ДТП родственникам, если они хотят это делать?»
4. В Госдуме предложили запретить похоронные венки вдоль дорог... // ЯПлакаль. URL: <http://www.yaplakal.com/forum11/topic1173857.html> (дата обращения: 10.09.2021). Пост администратора только с информацией о предполагаемом законопроекте.
5. Венки и памятники вдоль дорог // ЯПлакаль. URL: <https://www.yaplakal.com/forum2/topic1429660.html> (дата обращения: 10.09.2021). Информация участника форума о своем негативном отношении к традиции с вопросом к другим: «А как вы считаете?»
6. Истомина А. Могила неизвестного водителя: что такое кенотафы и зачем их ставят на обочинах // НГС – новости Новосибирска. URL: <https://ngs.ru/text/criminal/2018/07/18/62624801/> (дата обращения: 10.09.2021). Статья журналиста о традиции без вопроса.
7. Абросимова Н. Могила без мертвеца // Да вы, батенька, трансформер. URL: <https://batenka.ru/unity/cenotaphs/> (дата обращения: 09.09.2021). Статья журналиста о традиции без вопроса.
8. Соколовский В. Чем опасны кресты вдоль дорог для водителей и пассажиров // Паноптикум // Яндекс.Дзен. URL: <https://zen.yandex.com/media/pravonline/chem-opasny-kresty-vdol-dorog-dlia-voditelei-i-passajirov-5d3f298404af1f00ac812dd4> (дата обращения: 09.09.2021). Статья блогера о традиции без вопроса.
9. ISSA. Кенотаф... Что в имени твоём? // fishki.net. URL: <https://fishki.net/3104884-kenotafchto-v-imeni-tvoyom.html> (дата обращения: 09.09.2021). Пост с вопросом: «А как вы относитесь к кенотафам?»

10. «Могины» вдоль дорог. За и против // Наталия Уайльд – это я! // Яндекс.Дзен. URL: https://zen.yandex.ru/media/natalia_wilde_its_me/mogily-vdol-dorog-za-i-protiv-5d884c2d-0ce57b00add3076a (дата обращения: 09.09.2021). Пост блогера с вопросом: «...за или против таких мер на дорогах? И сможет ли это повысить осторожность водителей?»
11. Grek I. Про баны и кенотафы // livejournal. URL: <https://apxiv.livejournal.com/350180.html> (дата обращения: 09.09.2021). Вопросы блогера: «Если вы видите одну звездочку “здесь погиб человек” – это одно. А если там 5–10 или более звездочек нарисовано, вы что почувствуете? Может быть много звездочек – это уже большой вопрос к дорожным службам?»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Сантино Д. Перформативные коммеморативы: Спонтанные святилища и публичная мемориализация смерти // Фольклор и антропология города. Т. II. № 1–2. 2019. С. 14–26. [Santino J. (2019) Performative commemoratives: Spontaneous shrines and the Public memorialization of death. *Folklore and anthropology of the city*. T. II. No. 1–2: 14–26. (In Russ.)]
- Bednar R.M. (2013) Killing memory. Roadside Memorial Removals and the Necropolitics of Affect. *Cultural Politics*. (9): 337–356.
- Clark J., Cheshire A. (2004) Rip by the Roadside: A Comparative Study of Roadside Memorials in New South Wales, Australia, and Texas, United States. *OMEGA – Journal of Death and Dying*. 48 (3): 203–222.
- Dickinson G.E., Hoffmann H.C. (2010) Roadside memorial politics in the United States. *Mortality*. 15. No. 2: 154–167.
- Nešporová O. (2008) The public remembrance of death – Roadside memorials. *Sociological journal*. (44): 139–166.
- Nešporová O. (2015) Roadside memorials from the longitudinal perspective. *Czech People*. 102 (2): 173–198.
- Owens M. (2006) Louisiana Roadside Memorials: Negotiating an Emerging Tradition: 119–145. In: Jack Santino (ed.). *Spontaneous Shrines and Public Memorialization of Death*. New York, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Przybylska L. (2015) Memorial crosses in Poland: A Commonplace and contested element of public roads. *Geography*. Vol. 120. Issue 4: 507–526.
- Przybylska L. (2021) Are Roadside Crosses in Poland a Religious or Cultural Expression? *Religions*. (12): 1–14.
- Sanders J. (2010) Roadside memorials: Highways authority policies and good practice. *Bereavement Care*. 29 (3): 41–43.

Статья поступила: 14.09.21. Финальная версия: 18.12.21. Подписана к печати: 25.01.22.

MEMORIZATION OF PLACES OF DEATH IN ROAD ACCIDENTS IN THE FOCUS OF PUBLIC OPINION

MATLIN M.G.*

**Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Russia*

Mikhail G. MATLIN, Dr. Sci. (Philol.), Prof. of the Department of Russian Language, Literature and Journalism Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia (matlin@mail.ru).

Abstract. The article analyzes the public opinion on the modern tradition of setting up roadside memorials on car accident sites. For this purpose, the contents of various Internet forum websites posted in 2013–2019 and devoted to this topic have been analyzed. There were 812 discussion participants of different gender and age, including professional drivers, car enthusiasts and people without cars. 536 people expressed their attitude to this tradition. Of these, 210 people (39.2%) expressed their positive opinion about roadside monuments; 243 people (45.3%) expressed negative opinion; 62 people (11.6%) had mixed feelings on this matter; 166 people shared some information on this topic without expressing their own attitude to it; 13 people (2.4%) were indifferent; 8 people (1.5%) didn't understand the meaning of this tradition, 234 spoke on other issues. The reasons for which the participants approved or disapproved the tradition have also been defined. The main arguments against roadside memorials were the following: commemoration and memorialization of the deceased should be committed within the framework of state and confessional laws; the only place where a memorial sign should be installed is a cemetery, no matter where the person died; grief for the dead is a personal business of the deceased person's family, and it shouldn't be displayed publicly; the people who die in car accidents can be responsible for the tragedies and for the death of others, so they don't deserve public attention and commemoration. Those who approved roadside memorials mentioned two major arguments: the relatives' grief has the right to be expressed in unregulated forms; roadside memorials remind all the drivers that they should drive safely, without breaking traffic rules. The people with mixed feelings considered that temporary roadside memorials (flowers, wreaths) are acceptable, but monuments like the ones that are installed at cemeteries should be removed from roadsides. The participants of the discussions highlighted some other problems as well: the actions of the State Duma and the government; the Church's role in social life; the quality of roads and highways; drivers' deliberate disregard of traffic regulations, etc.

Keywords: public opinion, tradition, roadside monuments, traffic accident, content analysis.

Received: 14.09.21. Final version: 18.12.21. Accepted: 25.01.22.

© 2022 г.

А.Н. ДАНИЛОВ, Е.В. ШКУРОВА

ОСОБЕННОСТИ И ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

ДАНИЛОВ Александр Николаевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь (a.danilov@tut.by); ШКУРОВА Елена Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент; заведующая центром оперативных исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси (9620@tut.by). Оба – Минск, Беларусь.

Аннотация. Рассмотрены особенности и этапы трансформации религиозности в Республике Беларусь. Выделено четыре этапа ее эволюции, раскрыты основные тенденции и их специфика. Первый этап «религиозный бум» (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) связан с окончанием процесса форсированной секуляризации, резким увеличением числа последователей религий, восстановлением религиозных традиций и появлением новых религиозных движений. Второй этап (вторая половина 1990-х гг.) характеризуется продолжением роста числа зарегистрированных религиозных организаций, появлением широкого спектра протестантских общин и новых для Беларуси религиозных движений. Третий этап (первое десятилетие XXI в.) связан с прекращением роста численности регистрируемых религиозных общин, вступлением в силу новой редакции Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях». Четвертый этап (второе десятилетие XXI в.) характеризуется постепенным снижением числа зарегистрированных религиозных организаций, замедлением роста религиозности населения и ее переходом в стадию качественных трансформаций. В настоящее время белорусская религиозная среда характеризуется демографическим разнообразием, социальной стабильностью, высокими показателями образованности и квалифицированной занятости. Религия становится ценностно-мотивирующим фактором, способствующим формированию смысло-жизненной позиции, ориентирующим на соблюдение нравственных норм и ценностей, обеспечивая укрепление и сохранение традиций.

Ключевые слова: Республика Беларусь • трансформация религиозности • этапы, содержание и особенности развития • новые формы религиозности • Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях»

DOI: 10.31857/S013216250015547-4

Постановка цели исследования. За период суверенного развития религиозный ландшафт Республики Беларусь претерпел существенные изменения. Кардинально изменились политические, экономические, социально-культурные условия, влияющие на религиозную ситуацию. Сформировалась новая структура государственно-конфессиональных отношений, нормативно-правового регулирования в делах религий, установились основные принципы взаимодействия светских и религиозных институтов в сфере образования, здравоохранения, культуры, информации, науки и др. Республика Беларусь оформилась как светское, но при этом поликонфессиональное государство, ориентированное на

закрепление принципа равенства всех религий перед законом и одновременно признающее значимость религиозной сферы в духовной жизни белорусского общества.

За последние три десятилетия существенно модифицировались внутренние характеристики религиозного поля, стабилизировались конфессиональный состав и количество населения, причисляющего себя к категории верующих, изменились социально-демографические и пространственно-географические характеристики религиозного населения, показатели вовлеченности в религию и ее организационная основа.

Цель статьи – показать особенности и этапы трансформации религиозности в Республике Беларусь, раскрыть их содержание, выявить новые тенденции и направления развития данного процесса с учетом специфики перемен в социуме.

Методология исследования. Основной моделью социологического изучения религиозности во второй половине XX в. стал подход, интерпретирующий ее как совокупность измерений, аспекты которых проявляются в различных религиозных традициях и сопоставимы между собой. Это обусловило распространение вариативных моделей ее изучения в рамках многомерного подхода. Их стандартизация осуществлялась в 1980-е гг. в рамках масштабных европейских и международных программ изучения ценностей – European Values Study (EVS), World Values Survey (WVS), European Social Survey (ESS), International Social Survey Program (ISSP). Особенностью этих моделей стала возможность сравнения характеристик религиозности в ряде европейских государств, в том числе на постсоветском пространстве.

Социологические исследования религиозности на постсоветском пространстве, прежде всего российские и белорусские, проводились с начала 1990-х гг. и основывались преимущественно на моделях западных опросов по изучению ценностей, где базовыми характеристиками религиозности населения выступали конфессиональная принадлежность, исследуемая путем самоидентификации респондента с конкретной конфессией, и принадлежность к определенному религиозно-мировоззренческому типу. В белорусской социологии религии в первую очередь сложился подход, определяющий религиозность как меру воздействия религии на сознание и поведение индивидов и групп [Новикова, 1999; 2001; Беларусь после..., 2006]. В совокупности эти исследования дали количественную картину уровня и динамики религиозности в Беларуси в период с 1990 по 2007 г. и стали значимым фактором оценки религиозной ситуации в стране.

Таким образом, в связи со спецификой динамики религиозности в 1990–2000-х гг. ее изучение в Беларуси связано преимущественно с двумя показателями: мировоззренческой позицией и конфессиональной принадлежностью.

Эмпирической базой статьи служат результаты научно-исследовательских проектов, направленных на изучение социальных показателей, включая вопросы отношения к религии и религиозности. Проект «Исследование европейских ценностей» (EVS), начавшийся в 1981 г., представляет собой масштабную кросснациональную программу по изучению идей, убеждений, предпочтений, взглядов населения европейских государств по поводу жизни, семьи, работы, религии, политики и общества (исследование 1). В первой волне проекта (1981–1984) приняли участие 16 стран, во второй (1990–1993) – 29 стран. Республика Беларусь вошла в состав стран-участниц исследования, начиная с третьей волны (1999–2001), в которой приняли участие 33 страны. Организационное сопровождение исследования осуществлялось ЦСПИ БГУ (руководитель – Д.Г. Ротман). В Беларуси исследование проводилось в 2000 г., опрошено 1000 респондентов. Четвертая волна (2008–2010) охватила 47 стран. В Беларуси она пришлась на 2008 г., было опрошено 1500 респондентов. Пятая волна проекта «Исследование европейских ценностей» началась в сентябре 2017 г. В Республике Беларусь в 2018 г. опрошено 1548 респондентов [Шкурова, 2019: 123–124].

В рамках реализации государственных программ научных исследований Институтом социологии НАН Беларуси проводятся систематические мониторинговые замеры целого ряда социальных проблем, проводившиеся в 2007–2021 гг., в круг которых в том числе включались замеры религиозности населения (исследование 2). В качестве генеральной

совокупности рассматривалось население страны старше 18 лет. Исследования проводились методом опроса «лицом к лицу» по репрезентативной случайной республиканской территориальной выборке с проверкой квот на последнем этапе (общий объем в разные годы 1500–2100 человек). Замеры осуществлялись во всех регионах Беларуси с соблюдением пропорционального представительства по основным социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности (полу, возрасту, образованию). При размере выборочной совокупности в 2100 респондентов она является репрезентативной (ошибка выборки – 2,1% при уровне значимости $\alpha = 0,05$) по семи регионам республики (шесть областей и г. Минск) и зонам проживания (областные центры (население свыше 250 тыс.), крупные города (от 100 до 250 тыс.), большие города (от 50 до 100 тыс.), города с населением от 10 до 50 тыс. и малые города с населением менее 10 тыс., поселки городского типа и сельские населенные пункты).

Количественные исследования дают представления об общих характеристиках религиозного ландшафта в целом, определяя общие тенденции развития конфессиональной ситуации. Кроме того, изучение особенностей религиозного населения Беларуси осуществлялось в рамках конструирования типологии религиозности для выявления специфики включенности в компоненты религиозной системы (исследование 3). В результате исследования опрошено 2723 респондента во всех областях Республики Беларусь соответственно численности зарегистрированных религиозных организаций в каждой из областей. Из них 2013 респондентов, относящих себя к традиционным доминирующим конфессиям (ошибка выборки = 0,02, доверительная вероятность = 95%), и 710 представителей других конфессий (ошибка выборки = 0,04, доверительная вероятность = 95%). Опрошенные являются последователями 20 конфессий, в том числе 18 зарегистрированных и двух незарегистрированных [Шкурова, 2019а: 69–76].

Трансформация религиозной сферы. Религиозность интерпретируется как многомерный феномен, включающий мировоззренческие и институциональные элементы, который присутствует в поликонфессиональном обществе. Религиозность мы рассматриваем как вовлеченность (индивида, группы, общества) в религию, оформленную (в той или иной степени выраженности) в религиозную систему и существующую в виде религиозной традиции или религиозного движения. При этом в социологическом плане религия понимается как сложное явление, определяемое сущностными характеристиками функционирующих в единстве аспектов или измерений: религиозных представлений, религиозной деятельности и религиозных институтов.

Трансформация религиозной сферы с момента получения республикой независимости актуализировала перед правовой системой государства вопрос о регулировании свободы совести и вероисповеданий. В настоящее время основу правового регулирования в данной сфере составляют Конституция Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об образовании, Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях». Особенностью национального законодательства в делах религий является выстраивание государственно-конфессиональных отношений с учетом влияния религиозных организаций на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа.

Для религиозного поля Беларуси характерно разнообразие конфессиональных субъектов с различными формами и сроками исторического присутствия. К сегодняшнему моменту Беларусь сформировалась как поликонфессиональная страна: на ее территории действуют 26 зарегистрированных конфессий, пять из которых (Православная, Католическая, Евангелическо-лютеранская церкви, иудаизм и ислам) законодательно определены как традиционные и культуроформирующие традиции белорусского народа.

Судить об особенностях религиозной ситуации в стране можно по двум параметрам. В объективном плане показателем состояния конфессиональной сферы являются сведения органов государственного управления о количестве зарегистрированных религиозных организаций. Восприятие религии в общественном сознании находит отражение

Таблица 1

Количество религиозных общин, имеющих государственную регистрацию Республики Беларусь, 1991–2021 гг.

Конфессия	Количество религиозных общин по состоянию на 1 января																
	1991	1996	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Православная церковь Христиане веры евангельской Римско-католическая церковь Евангельские христиане баптисты Адвентисты седьмого дня Христиане полного Евангелия Иудейская религия Старообрядческая церковь Свидетели Иеговы Лютеранская церковь Мусульманская религия Новоапостольская церковь Греко-католическая церковь Прогрессивный иудаизм Христиане веры апостольской Кришнаиты	603	938	1399	1431	1473	1509	1545	1567	1594	1615	1643	1659	1670	1687	1698	1709	1714
	119	311	493	494	500	501	505	512	517	520	522	524	521	521	524	524	524
	222	372	440	457	467	470	475	479	483	488	491	493	495	497	499	498	499
	108	192	267	268	269	272	275	286	287	287	288	289	280	281	281	281	281
	12	34	74	73	72	72	72	73	73	73	73	73	73	73	73	73	73
	3	21	54	54	54	55	55	55	59	59	59	59	59	59	60	62	64
	23	32	33	32	32	32	32	33	33	33	33	34	34	34	34	34	36
	11	26	26	26	26	26	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
	5	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27	26	25	25
	2	20	24	24	25	25	25	25	25	25	25	25	24	24	24	24	24
	17	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	20
	11	13	14	14	14	14	14	15	15	15	15	15	15	15	15	16	16
	5	17	17	17	17	17	16	17	17	10	14	14	14	14	14	15	15
	8	9	9	9	9	9	9	9	10	10	10	10	10	10	11	11	11
	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
	Армянская апостольская церковь Бахаи Церковь Христовая Мормоны Мессианские общины Буддизм Католики латинского обряда Пресвитерианская церковь Реформатская церковь Иоганнская церковь			1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	2	2	2	2
3		5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
6		5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
3		4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
2		2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	3	3	3	3	3
													1	1	1	1	1
		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Всего	1092	2009	2953	3003	3062	3106	3162	3210	3251	3280	3314	3337	3337	3358	3375	3389	3395

Источник: по данным Аппарата уполномоченного по делам религий при Совете Министров Республики Беларусь. URL: <http://belarus21.by/articles/1439296790/> (дата обращения: 01.01.2021).

в категории религиозность, характеристики которой определяются на основании результатов социологических исследований, проводимых для изучения особенностей ее распространения в целом, а также последователей отдельных религиозных направлений и их взаимодействия.

Динамика численности зарегистрированных в республике религиозных общин с 1991 г. по настоящее время представлена в табл. 1.

Согласно сведениям Аппарата уполномоченного по делам религий при Совете Министров Республики Беларусь конфессиональная ситуация в Республике Беларусь за последние десять лет не претерпела заметных изменений. Традиционно в стране численно преобладают (по состоянию на 01.01.2021) общины Православной церкви, протестантских церквей евангелического толка, Римско-католической церкви. На порядок по количеству зарегистрированных субъектов им уступают общины Старообрядческой церкви, Греко-католической церкви, Евангелическо-лютеранской церкви, Свидетелей Иеговы, различных ветвей иудаизма, ислама. В целом большая часть религиозных организаций имеет довольно длительную историю пребывания на территории Беларуси.

Динамика религиозной сферы Беларуси обусловлена особенностями исторического развития, и в первую очередь спецификой формирования независимого государства. С обретением республикой суверенитета в трансформации ее религиозной сферы можно выделить четыре этапа. **Первый этап** формирования религиозного поля получил название «религиозного бума». Он охватывает конец 1980-х – первую половину 1990-х гг. и связан с окончанием процесса форсированной секуляризации, резким увеличением числа последователей религий, восстановлением религиозных традиций (православия, католицизма, ислама, иудаизма и т.п.) и появлением новых религиозных движений. В 1992 г. официально зарегистрировано 1092 религиозные общины по сравнению с 765 в 1988 г. (прирост составил 227). Существенно возросли показатели религиозной вовлеченности. По данным социологических исследований, проведенных ЦСПИ БГУ, в 1994 г. доля верующих составила 32,7%, доля колеблющихся и носителей квазирелигиозного сознания – 43,7%, а доля атеистов (неверующих) – 14,3%, по сравнению с 1989 г., когда доля верующих составляла 22%, а доля неверующих и атеистов – 65% [Новикова, 1998: 94].

Провозглашение государственного суверенитета и изменения религиозного поля потребовали государственно-правового регулирования религиозной сферы, основой которого стало принятие Верховным Советом Республики Беларусь Закона Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. «О свободе совести и религиозных организациях». В нем закреплены базовые принципы правового регулирования в делах религий: гарантировано право граждан на определение и выражение своего отношения к религии и исполнение соответствующих обрядов, закреплено равенство религий перед законом и между собой. Закон утвердил за религиозными организациями статус юридических лиц, обеспечивающий возможность осуществлять религиозное образование, иметь собственность, заниматься благотворительностью, и при этом содержал весьма либеральные требования относительно формирования их правового статуса: регистрации в государственных органах уставов и других документов, которые определяют вероучительную деятельность и внутреннюю структуру организации, не требовалось.

Второй этап охватывает вторую половину 1990-х гг. Он характеризуется продолжением роста числа зарегистрированных религиозных общин. По состоянию на 1996 г. их численность составила 2009 (прирост по сравнению с 1992 г. – 917). Существенно дифференцируется видовой состав религий: появляется целый спектр протестантских общин и направлений (реформаторская, лютеранская, иоганская, новоапостольская церкви, христиане веры апостольской, Церковь Христова, мессианские общины), а также новых для Беларуси религиозных движений (мормоны, бахаи, кришнаиты, оомото (до 2005 г.)). Возрастает доля верующих в структуре населения, однако этот рост происходит за счет уменьшения доли носителей других типов религиозного мировоззрения (квазирелигиозного и колеблющегося). Эти процессы сказываются на отдельных аспектах правового

регулирования в делах религий. С внесением в 1996 г. изменений в Конституцию Республики Беларусь принцип равенства религий перед законом был дополнен принципом учета влияния конкретной религии на формирование белорусской истории и культуры, и конкретно на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. В 1995 г. в Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» внесены изменения, запрещающие деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, направленную против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия или связанную с нарушением прав и свобод граждан. В связи с этим органами государственного управления приняты решения о проведении экспертиз уставов и деятельности религиозных групп, которые действуют в Беларуси в статусе общественных, культурно-просветительских, благотворительных и иных организаций и объединений, а также о контроле деятельности зарубежных миссионеров в стране.

Третий этап охватывает первое десятилетие XXI века. В 2000-е гг. начинается процесс снижения численности регистрируемых религиозных общин (рис. 1). Положительные тенденции в динамике конфессиональной структуры и вовлеченности населения в религию сохраняются, однако они гораздо менее интенсивны. С 2005 по 2010 г. ежегодный прирост количества зарегистрированных религиозных общин составляет не более 50–70 [Шкурова, 2019а: 194].

В этот период стабилизируется численность населения, относящего себя к определенным конфессиям, а также принадлежащего к различным религиозно-мировоззренческим типам. Особенности распространенного в данный период религиозного мировоззрения в русскоязычных научных публикациях получили название «секулярная религия» («секулярный верующий», «квазирелигия», «светская духовность», реже – «гражданская религия») [Безнюк, 2006; Богатова, 2011; Говорун, 2015; Задорожнюк, 2007] и выражаются в том, что при осознании значимости определенной религиозной традиции, при декларации принадлежности к определенному религиозно-мировоззренческому типу происходит размывание включения в конфессиональную практику и организационную структуру религии.

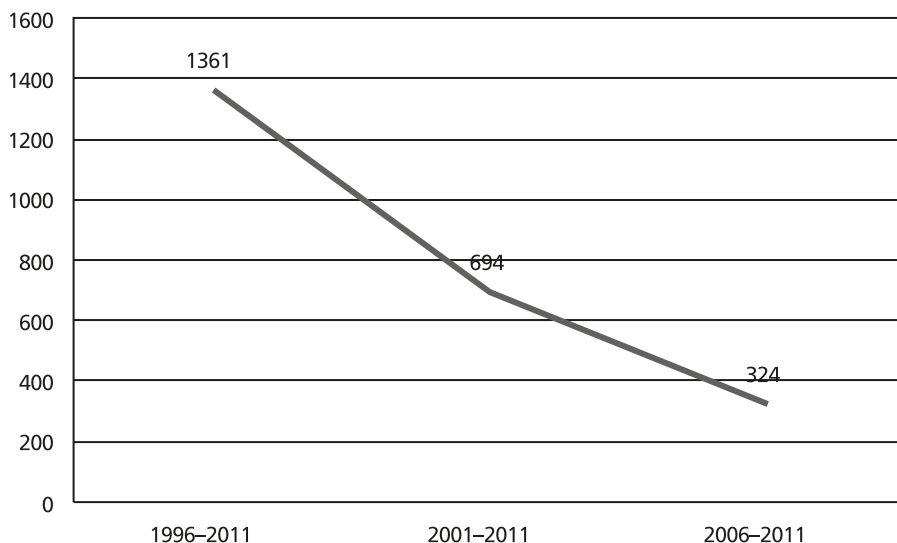

Рис. 1. Прирост количества зарегистрированных религиозных общин, 1996–2011

Источник: Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь // Минск: Уполномоченный по делам религий и национальностей Республики Беларусь, 2021. URL: <http://belarus21.by/Articles/1439296790/> (дата обращения: 01.01.2021).

Значительно изменилась сфера правового регулирования. В 2002 г. принята и вступила в силу новая редакция Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях». Неизменными остались гарантии свободы совести и равенства религий перед законом. В законе получила конкретизацию конституционная норма об учете культурно-исторической роли конкретных конфессий, которые существуют в Беларуси: в преамбуле признана «определяющая роль Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных, государственных традиций белорусского народа; духовная и историческая роль Католической церкви на территории страны; неотделимость от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама». Изменения коснулись и других аспектов: расширены полномочия органа государственного управления по делам религий (статья 11), детализированы условия и процедура государственной регистрации религиозных организаций – общин и объединений (статьи 14–22), уточнены условия ликвидации религиозных организаций (статья 23), введена в практику процедура государственной религиоведческой экспертизы (статьи 22 и 26), конкретизированы условия проведения религиозных богослужений, религиозных обрядов и церемоний.

И наконец, **четвертый этап** охватывает второе десятилетие XXI века. К 2010-м гг. рост как числа зарегистрированных религиозных организаций, так и количества религиозного населения замедляется. По данным международных проектов исследования ценностей (исследование 1) можно судить, что если в конце 1990-х гг. более двух третей уверенно считали себя религиозными и около трети – не очень религиозными, то к началу 2020-х гг. эта пропорция изменилась: треть респондентов отнесли себя к религиозному типу, две трети к не очень религиозному (табл. 2).

Исследования религиозности в Беларуси связаны преимущественно с оценкой таких ее параметров, как принадлежность к религиозно-мировоззренческому типу и конфессиональная идентификация. Наиболее систематизированные сведения о динамике религиозности населения можно представить на основе данных Института социологии НАН Беларуси (исследование 2). Уровень религиозности на протяжении последнего десятилетия сохраняет относительно устойчивую структуру, движение происходит преимущественно на уровне религиозно-мировоззренческих типов, в последние годы несколько увеличивается количество нерелигиозных и затруднившихся определить свое отношение к религии (рис. 2).

Стабильностью характеризуются и показатели конфессиональной идентификации населения: приверженность православию приближается к 80%, около 10% составляют католики. В числе других конфессий, с которыми связывают себя респонденты, чаще указываются протестантизм, ислам, иудаизм, униатство, старообрядчество, христианство в целом (рис. 3).

Кроме того, одним из показателей религиозной вовлеченности является участие в религиозных практиках, службах, посещение культовых учреждений. В разные периоды особенности измерения показателей религиозной деятельности варьировались от оценки участия в богослужениях до характеристик посещения религиозных учреждений с различной, в том числе нерегулярной, периодичностью. С 2007 г. по 2015 г. наблюдается поступательный рост

Таблица 2

Распределение религиозности населения Беларуси (%)

Независимо от того, посещаете вы церковь или нет, можете ли вы сказать, что вы ...	WVS		EVS					
	1995–1998		2000		2008		2018	
религиозный человек	69,7	95,9	27,5	90,6	32,4	92,4	37,7	91,6
не очень религиозный человек	26,2		63,1		60,0		53,9	
убежденный атеист	4,1		9,3		7,6		8,4	
Всего	100		99,9		100		100	

Источник: [Inglehart, 2014; Шкурова, 2019].

Рис. 2. Динамика религиозно-мировоззренческих типов, 2007–2020
(в % от количества опрошенных)

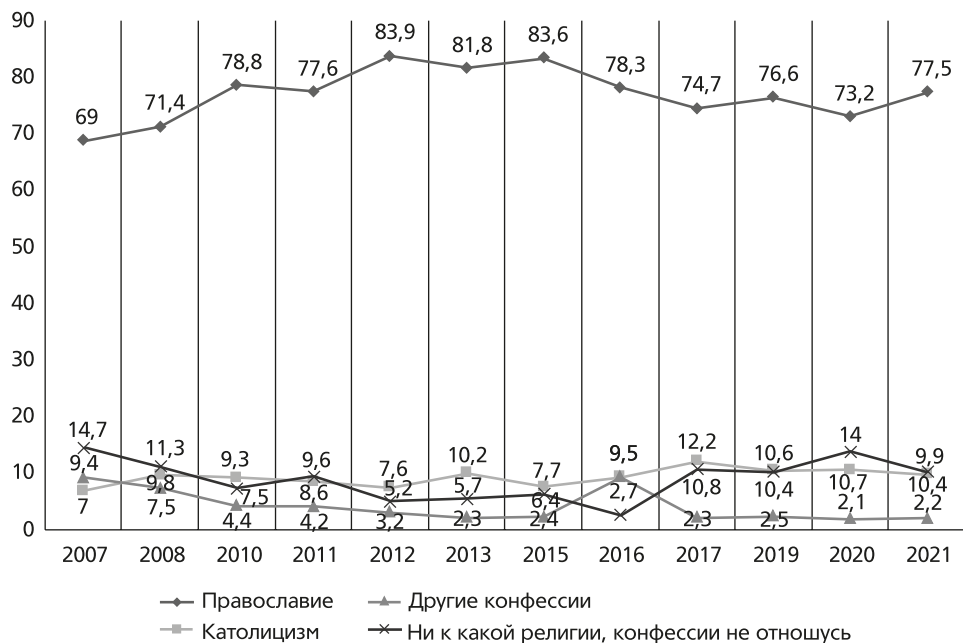

Рис. 3. Динамика конфессиональной идентификации населения Беларуси, 2007–2021
(в % от количества опрошенных)

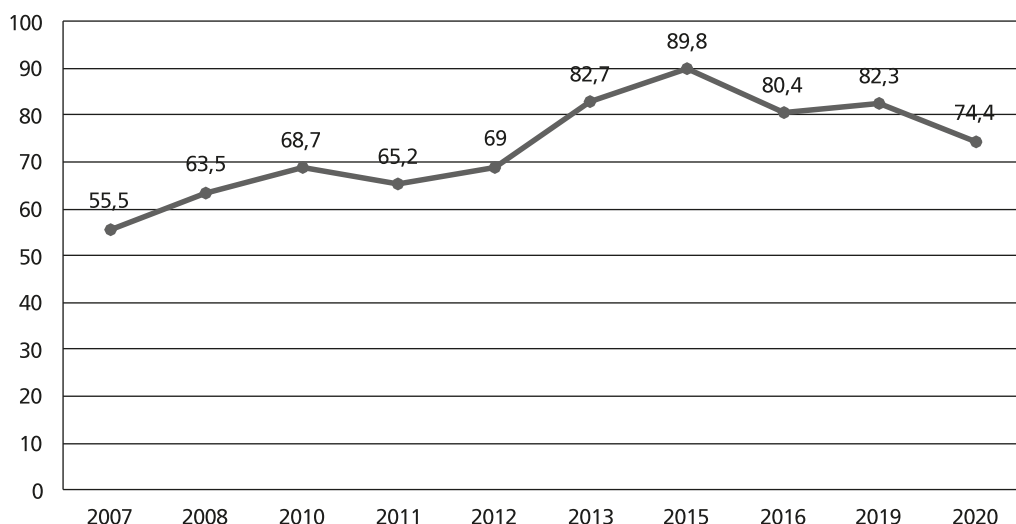

Рис. 4. Динамика частоты участия населения Беларуси в религиозных практиках, 2007–2021 (в % от количества опрошенных)

количества вовлеченного в религиозную активность населения и его постепенное снижение к 2020 г. (рис. 4).

Описанные тренды актуализируют вопрос о разработке модели исследования, обеспечивающей возможность отслеживания качественных изменений вовлеченности в религию с учетом особенностей поликонфессионального общества, и поиске механизмов изучения специфики религиозного населения. Судить о его специфике возможно на основании данных исследования типологических особенностей религиозности в Беларуси, в рамках которого в том числе выявлены некоторые особенности социально-демографического профиля религиозного населения (исследование 3) [Шкурова, 2019а].

В целом показатели концентрации религиозного населения соответствовали демографическим данным о плотности населения и его распределении по областям и в столице. Зарегистрированные религиозные организации концентрируются преимущественно в областных центрах и столице. Распределение представителей различных конфессий по областям гораздо менее равномерно по сравнению с общей численностью религиозного населения.

В структуре религиозного населения Беларуси преобладают женщины – 70,8%, тогда как мужчин – 29,2%. Таким образом, преобладание женщин в религиозной среде пока остается устойчивой характеристикой. Эта тенденция сохраняется в среде последователей православия и католицизма (среди опрошенных численность женщин несколько выше по сравнению с основной массой населения), а среди последователей ислама число опрошенных мужчин и женщин почти равное (табл. 3).

В сравнении с половозрастной пирамидой всего населения Беларуси, религиозное население старше, чем все население в целом: возрастные диапазоны от 40 лет и выше в религиозной среде представлены большими долями. Последователи православия и ислама в общей численности старше, последователи католицизма – моложе.

Можно судить о стабилизирующем влиянии религиозного фактора на семейные отношения и соответственно значимости семьи для религиозного населения: процент разводов довольно низок как для религиозного населения в целом (9,4%), так и для последователей конфессий (среди мусульман – минимален). Для сравнения, в январе – марте 2020 г. на 9550 зарегистрированных браков пришлось 9000 разводов. Рождаемость и многодетность поощряется большинством религий, в том числе присутствующих на территории Беларуси. И хотя наличие

Таблица 3

Распределение религиозности населения Беларуси и последователей традиционных конфессий по возрасту (%)

Возраст	Религиозное население	Последователи православия	Последователи католицизма	Последователи ислама
До 20	9,0	6,9	14,0	6,5
20–29	18,1	17,3	18,5	21,3
30–39	14,8	15,6	12,6	10,2
40–49	16,4	17,8	14,2	13,0
50–59	15,7	17,3	15,0	12,0
60–69	15,8	16,5	15,3	23,1
70 и старше	10,2	8,5	10,4	13,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [Шкурова, 2019а: 81].

детей в семьях белорусов, следующих или сочувствующих разным религиям, не отличается по пропорциям от ситуации в республике в целом: преимущественно в семьях двое детей, несколько реже – один ребенок, численность респондентов, у которых нет детей, сопоставима с данными об их количестве в возрасте до 30 лет [Некоторые особенности..., 2016: 87].

Среди религиозного населения фиксируется высокий уровень образования: более 75% всех категорий респондентов имеют уровень образования выше общего среднего, за исключением последователей ислама (64,5%), среди которых у трети опрошенных – общее среднее образование, что связано, вероятнее всего, с культурно-традиционными особенностями конфессии, в частности уровнем образования женского контингента. Довольно высокий уровень образования позволяет судить и об осмысленности религиозного самоопределения [Шкурова, 2019а: 84].

Показатели занятости религиозного населения отражают высокий уровень его квалификации. Характеристики занятости последователей православия и католицизма и религиозного населения в целом преимущественно совпадают. Структура нетрудоустроенных респондентов обусловлена их социальным статусом: в основном это пенсионеры, лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, занятые домашним хозяйством. Численность безработных не превышает 1,2% [Шкурова, 2019а: 84].

Особенности структуры занятости религиозного населения сказываются и на оценке уровня материального благосостояния: более половины всех категорий религиозного населения (две трети последователей ислама) оценивают свой уровень жизни «скорее среднее», около 20% указывают, что живут «не бедно, но ниже среднего», и также около 20% (меньше для последователей ислама) – «выше среднего».

Демографические характеристики отражают распределение религиозного населения страны по всем ее регионам, всем возрастным группам, с преобладанием лиц женского пола. Если в публикациях начала 2000-х гг. можно было встретить следующие описания «портрета верующего»: «...Православные и католики – это преимущественно женщины, лица среднего и старшего возрастов (старше 45 лет); обе группы плохо обеспечены материально, однако католики в качестве источника дополнительных доходов чаще работают по найму, а православные – получают помощь родственников» [Гурко, 2001], то в настоящее время для религиозного населения свойственны характерные для страны в целом семейное положение, высокий уровень образованности, квалифицированная занятость, умеренный уровень дохода. Такие показатели характерны и для последователей конфессиональных групп, хотя некоторые из них имеют свою специфику, связанную с особенностями культурно-исторического пребывания конфессии на территории Республики Беларусь и ее догматического содержания. Названные выше признаки определяют религиозное население как социально стабильную среду.

Дополнительными показателями, определяющими религиозность населения, выступают характеристики влияния религиозной вовлеченности на оценку представителей других

конфессий, а также нерелигиозных феноменов, что проявляет себя в отношении к социально и нравственно недопустимым и неоднозначным явлениям. Следует отметить, что социальные и нравственные оценки религиозного населения Беларуси соответствуют программным позициям конфессий.

По данным исследования Института социологии НАН Беларуси в 2020 г. (исследование 1) можно судить, что приверженность традиционным религиозным системам, имеющим длительное историческое присутствие в стране, обуславливает и характер межконфессионального восприятия. В связи с чем закономерно, что большее расположение население выражает традиционным конфессиям, в первую очередь православию (положительно к его приверженцам относятся 85,5%) и католицизму (71,6%). С большей осторожностью белорусы относятся к Свидетелям Иеговы (число отрицательных оценок 38%) и некоторым евангелическим церквям (Христиане веры евангельской – 33,5%, Евангельские христиане-баптисты – 33,1%, Адвентисты седьмого дня – 33,3%).

Большинство всех категорий респондентов отрицательно или крайне отрицательно относятся к социальным отклонениям, общественно порицаемым явлениям. Наибольшую неприязнь в оценках вызывает самоубийство, что в принципе соответствует как общим ценностным установкам, так и догматическим основам всех конфессий. Однозначно негативные оценки получили преступления – убийство из мести и употребление легких наркотиков. Отрицательно, но с больше долей колебаний в оценках респонденты высказываются в отношении лжи ради собственной выгоды и внебрачных связей.

Отношение респондентов к нравственно неоднозначным явлениям очевидно обусловлено общепринятым морально-этическим ценностям. Крайне отрицательно опрошенные относятся в первую очередь к нетрадиционным социальным явлениям – однополым бракам и легализации легких наркотиков. Негативное отношение представителями религиозного населения высказывается и к отклонениям от норм традиционной семьи (аборты, сожительство, разводы). Негативные оценки высказываются по отношению к узаконенным убийствам (смертная казнь, эвтаназия), к вмешательству в репродуктивную функцию (суррогатное материнство), технологии клонирования.

Заключение. Исторический период, рассмотренный в статье, с момента провозглашения суверенитета Республики Беларусь (1991) до настоящего времени позволил выделить четыре этапа трансформации религиозности и раскрыть их особенности. Основаниями для выделения данных этапов служит динамика зарегистрированных религиозных организаций и числа последователей религий, появлением новых религиозных движений. Анализ показывает, что за тридцать лет наблюдений ситуация прошла путь «качающегося маятника»: от состояния «религиозного бума» (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг., первый этап) до постепенного снижения числа регистрируемых религиозных организаций и замедления роста количества религиозного населения (второе десятилетие XXI в., четвертый этап). В Республике Беларусь сформировалась новая структура государственно-конфессиональных отношений, система нормативно-правового регулирования, установились основные принципы взаимодействия светских и религиозных институтов в сфере образования, здравоохранения, культуры, информации, науки и др. Определился довольно устойчивый умеренный уровень религиозности населения, с преимущественной приверженностью традиционным для Беларуси православию и католицизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безнюк Д.К. Состояние и специфика современной религиозной ситуации в Республике Беларусь // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 128–135.
- Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И.И. Пирожник [и др.] // Социология. 2006. № 4. С. 46–55.
- Богатова О.А. Религиозность и мультикультурализм в контексте социальной саморепрезентации региона (на примере Республики Мордовия) // Религиозная Жизнь: Портал о религии и религиоведении.

- нии. 2016. URL: <https://religious.life/2016/12/bogatova-religioznost-i-multikulturalizm-v-kontekste-sotsialnoy-samorepresentatsii-regiona-na-primere-respubliki-mordoviya/> (дата обращения: 30.07.2018).
- Говорун К. Православная гражданская религия // Русский гражданский журнал. 2015. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pravoslavnaya-grazhdanskaya-religiya/> (дата обращения: 30.07.2018).
- Гурко А. В. Конфессиональная ситуация в Республике Беларусь: этнический и исторический аспекты. Минск: ИСПИ, 2001.
- Задорожнюк И. Е. Судьбы идеи «гражданской религии» в России // Свободная мысль. 2007. № 12. С. 93–105.
- Некоторые особенности религиозного населения Беларуси (по материалам исследования «Типология религиозности в современной Беларуси», 2012–2015 гг.) / С. Г. Карасева [и др.] // Философия и социальные науки. 2016. № 1. С. 82–91.
- Новикова Л. Г. «Религиозный бум» в Беларуси: миф или реальность // Социология. 1999. № 2. С. 29–36.
- Новикова Л. Г. Основные характеристики динамики религиозности населения // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 93–98.
- Новикова Л. Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект). Минск: Издательство «БТН-информ», 2001.
- Шкурова Е. В. Религия // Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2019 / Д. Г. Ротман [и др.]; под ред. Д. М. Булышко, Д. Г. Ротмана. Минск: БГУ, 2019. С. 114–143.
- Шкурова Е. В. Трансформация религиозности в социокультурном пространстве постсоветского общества. Минск: БГУ, 2019.
- Inglehart R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puran et al. (eds). 2014. World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Datafile Version [Electronic Resource]. Madrid: JD Systems Institute. Mode of Access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>. (accessed 13.03.2019).

Статья поступила: 31.05.21. Финальная версия: 11.10.21. Принята к публикации: 02.02.22.

TRANSFORMATION OF RELIGIOUSNESS IN THE REPUBLIC OF BELARUS: STAGES AND FEATURES OF DEVELOPMENT

DANILOV A. N. *, SHKUROVA A. V. **

*Belarusian State University, Republic of Belarus; **Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

Aleksandr N. DANILOV, Dr. Sci. (Sociol.), Correspondent Fellow of the Russian Academy of Sciences, Prof., Head of Chair of Sociology of Belarusian State University (a.danilov@tut.by); Alena V. SHKUROVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of Operational Research Center of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (9620@tut.by). Both – Minsk, Republic of Belarus.

Abstract. The article examines features and stages of transforming religiosity in the Republic of Belarus. Four stages of its evolution are highlighted, the main trends and their specificity are revealed. The first stage of the “religious boom” (late 1980s – first half of the 1990s) is associated with the end of the forced secularization process, a sharp increase in the number of religions followers, restoration of religious traditions and new religious movements emergence. The second stage (the second half of the 1990s) is characterized by continued growth in the number of registered religious organizations, emergence of a wide range of Protestant communities and religious movements new for Belarus. The third stage (the first decade of the 21st century) is associated with the cessation of the growth in the number of registered religious communities, the entry into force of the new edition of the Republic of Belarus Law “On freedom of conscience and religious organizations”. The fourth stage (the second decade of the 21st century) is characterized by a gradual decrease in the number of registered religious organizations, a slowdown in the growth of the religious population numbers, and a transition of religiosity to the stage of qualitative transformations. Currently, the Belarusian religious environment is characterized by demographic diversity, social stability, high levels of education and skilled employment. Religion becomes a value-motivating factor contributing to the formation of a life-meaning position, orienting towards the observance of moral norms and values, ensuring the strengthening and preservation of traditions.

Keywords: Republic of Belarus; transformation of religiosity; stages, content and features of development; new forms of religiosity; Law of the Republic of Belarus “On freedom of conscience and religious organizations”.

REFERENCES

- Belarus after the "religious boom": what has changed? (2006) / I.I. Pirozhnik [and others] // *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 4: 46–55. (In Russ.)
- Beznyuk D.K. (2006) The state and specificity of the modern religious situation in the Republic of Belarus. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 2: 128–135. (In Russ.)
- Bogatova O.A. (2016) Religiosity and multiculturalism in the context of social self-representation of the region (on the example of the Republic of Mordovia). In: *Religious Life: Portal about religion and religious studies*. URL: <https://religious.life/2016/12/bogatova-religioznost-i-multikulturalizm-v-kontekste-sotsialnoj-samoreprezentatsii-regiona-na-primere-respubliki-mordoviya/> (accessed 30.07.2018). (In Russ.)
- Govorun K. (2015) Orthodox civil religion. *Russkii grazhdanskii zhurnal* [Russian civil journal]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pravoslavnaya-grazhdanskaya-religiya/> (accessed 30.07.2018). (In Russ.)
- Gurko A.V. (2001) *Confessional situation in the Republic of Belarus: ethnic and historical aspects*. Minsk: ISPI. (In Russ.)
- Inglehart R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds). (2014). *World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Datafile Version* [Electronic Resource]. Madrid: JD Systems Institute. Mode of Access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>. (accessed 13.03.2019).
- Novikova L.G. (1999) "Religious boom" in Belarus: myth or reality. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 2: 29–36. (In Russ.)
- Novikova L.G. (2001) *Religiousness in Belarus at the turn of the century: trends and features of manifestation (sociological aspect)*. Minsk: Izdatel'stvo «BTN-inform». (In Russ.)
- Novikova L.G. (1998) The main characteristics of the dynamics of the religiosity of the population. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 9: 93–98. (In Russ.)
- Shкурова Е.В. (2019) *Religion*. In: *The world of values of modern man: the project "Research of European values", wave-2019* / D.G. Rotman [and others]; ed. D.M. Bulynko, D.G. Rotman. Minsk: BSU: 114–143. (In Russ.)
- Shкурова Е.В. (2019) *Transformation of religiosity in the sociocultural space of post-Soviet society*. Minsk: BSU. (In Russ.)
- Some features of the religious population of Belarus (based on the research "Typology of religiosity in modern Belarus", 2012–2015) (2016) S.G. Karaseva [et al.]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and Social Sciences]. No. 1: 82–91. (In Russ.)
- Zadorozhnyuk I.Ye. (2007) The fate of the idea of "civil religion" in Russia. *Svobodnaia mysl'* [Free thought]. No. 12: 93–105. (In Russ.)

Received: 31.05.21. Final version: 11.10.21. Accepted: 02.02.22.

А.В. СИТНИКОВ, М.В. РОМАНОВ, Р.Р. ФАСХУДИНОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ АНАЛИЗА ВЗАИМОСВЯЗИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Алексей Владимирович СИТНИКОВ – доктор философских наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений ИГСУ РАНХиГС (sitnikov-av@ranepa.ru); Михаил Владимирович РОМАНОВ – кандидат социологических наук, директор АНО «Лаборатория изучения общественного мнения» (mvrroman@mail.ru); Ринат Рифатович ФАСХУДИНОВ – аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений ИГСУ РАНХиГС (rinathazrat@mail.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. В статье на основании результатов массового опроса, проведенного в Республике Татарстан, исследуется взаимосвязь национальной и религиозной идентичности у татарского населения республики, рассматривается вопрос о взаимосвязи между исламом, этническим и религиозным национализмом. Авторы рассматривают, какое место в общественном сознании занимает исламизм, насколько ислам востребован в качестве идеологии для политической консолидации общества. Авторы показывают на основе анализа данных опроса, что в Татарстане нет взаимосвязи религиозности и национализма, отсутствует стремление к политическому самоопределению нации по религиозным причинам, вступающим в резонанс с этничностью. Были выявлены лишь очень слабые корреляции между переменными, отражающими значимость, которую респондент придает этничности, и переменными, отражающими его отношение к различным аспектам религиозности. Этнические вопросы для респондентов оказались важнее, чем религиозные, а этнонационализм мало взаимосвязан с религиозностью в любых её проявлениях. Исследование показало, что высокая религиозность у татар приводит к желанию видеть её проявления в общественной сфере и на бытовом уровне, однако не влечет за собой стремления исламизировать политическую сферу, не подталкивает верующих к исламизму.

Ключевые слова: национализм • религиозность • Республика Татарстан • татары • ислам • исламизм • идентичность • этнический национализм • религиозный национализм

DOI: 10.31857/S013216250015844-1

В предлагаемой статье на примере современного Татарстана с использованием многомерных методов статистического анализа данных социологического опроса проанализирована взаимосвязь этнических, религиозных и политических составляющих общественного самосознания. Также мы попробовали ответить на вопросы, какое место в общественном сознании татарского социума занимает исламизм и как он взаимосвязан с религиозностью и национализмом. Мы опирались на результаты массового телефонного опроса, проведенного в Республике Татарстан¹. Перечень вопросов анкеты

¹ Опрос проведен в сентябре 2020 г. методом телефонного анкетирования по случайной, комбинированной (мобильные и стационарные телефоны) выборке. Полученный массив перевзвешивался по полу, возрасту, образованию и типу населенного пункта. Методика построения выборки аналогична выборке «ВЦИОМ-спутник». Всего было опрошено 1000 респондентов. В опросе участвовали жители Республики Татарстан старше 18 лет, этнические татары или жители республики, у которых татарин был кто-либо из родителей. Участникам исследования на выбор предлагался язык, на котором будет проводиться интервьюирование, – русский или татарский, однако лишь 11 респондентов сказали, что им неудобно будет разговаривать на русском языке. Коэффициент кооперации составил 0,17, response rate – 0,04 (для «ВЦИОМ-спутник» данные показатели в среднем составляют

в соответствии с целью исследования включал ряд вопросов, отражающих значимость этничности для респондента, личную религиозность, взгляды респондента, на то, какое место должен занимать ислам в повседневной жизни и политическом устройстве республики Татарстан.

Религиозный национализм: случай Татарстана. В специальной литературе, посвященной национализму, различается множество его типов и разновидностей [Delanty, 2002; Barker, 2009]. Довольно часто исследователи выделяют гражданский национализм, нередко противопоставляя этнический национализм [Брубейкер, 2012: 246], который выражается в том, что «термин национальность становится синонимом этнической принадлежности, и национальная идентичность часто воспринимается как осмысление или осознание того, что человек обладает исконными или унаследованными групповыми характеристиками, компонентами этничности, такими как язык, обычаи, территориальная принадлежность и физический тип» [Гринфельд, 2008: 17]. Для постсоветского пространства (Татарстан не является исключением) в значительной мере был характерен именно этнический национализм.

Для раскрытия темы требуется выделить еще один тип национализма – религиозный. Он имеет место в случаях, когда религия и национализм оказываются тесно связаны и религиозный маркер становится важнейшим знаком национальной принадлежности. Национализм чаще всего не связан с религией, выступает как светская сила. Как отмечает Т. Асад [2020: 286], нация существует в «этом мире», в пространстве секулярного, это естественная и самоочевидная общность с «мирским прошлым». В большинстве случаев для националистов религиозные идеалы отходят на второй план, в сферу личной жизни или вовсе отвергаются. При сформировавшейся националистической идеологии религия перестает быть основой легитимации власти. Однако в ситуации, когда какое-либо сообщество, исторически связанное с конкретной религией, оказывается в окружении народов, принадлежавших к иной конфессии, религия может стать важным признаком, отличающим это сообщество от соседей. Религиозность в этом случае становится фактором, укрепляющим национальное самоопределение и самосознание наряду с языком, историей, культурой, музыкой, кухней и т.д. Национальное строительство обязательно фокусируется на тех характеристиках, которые выделяют нацию и предоставляют ей ощущение уникальности, понимание того, что она неповторима и самобытна. Религия тоже может хорошо играть эту дифференцирующую роль, становиться важным фактором формирования нации, осознания себя в качестве уникальной общности, отличной от других [Barker, 2009: 30–31]. Конечно, при этом религия претерпевает изменения, подвергается переработке, связанной с её историзацией, превращением в культуру и повседневные практики конкретного народа [Алиев, 2008].

Для того, чтобы универсалистская религия (в частности ислам) играла эту дифференцирующую роль в развитии явно неуниверсалистской национальной идентичности, недостаточно просто соседей, придерживающихся иных верований. Известно множество случаев, когда соседи относятся к разным конфессиям, но религиозный национализм не рождается. Этот феномен предполагает наличие еще одного условия: соседние сообщества не просто относятся к разным религиям, но при этом над слабой стороной висит угроза поглощения или ассимиляции. В этом случае разница в религиозных верованиях становится важной для национализма, полезной в формировании и поддержании идентичности [Barker, 2009: 34]. Существование религиозного национализма связано с наличием угрозы, при которой одна группа боится быть побежденной и исчезнуть, утратив собственную идентичность. Не обязательно речь идет о физическом вымирании, людей

0,2 и 0,04 соответственно). Территориальное распределение выборки весьма точно соответствует территориальному распределению населения республики: для городов с населением более 50 тыс. чел. среднее отклонение доли в выборке от доли в населении республики – 1,0%, для районов республики (включая и городское, и сельское население) – 0,4%. Подобная точность подтверждает высокое качество выборки.

не меньше пугает и культурная ассимиляция. Этот страх является очень сильным мотивом, способным привести к массовой мобилизации этнических групп вокруг религии.

У татар первый этап нациообразования начался в XVIII–XIX вв. как раз в контексте определенного противостояния с православной церковью [Круз, 2020: 323–327; Арапов, 2006: 83]. Одновременно с этим происходили преобразования их религиозных институтов и мусульманской идентичности, связанные с деятельностью джадидов. Д.М. Исаков даже считает, что реформаторское движение (джадидизм) правильнее будет определить, как движение по формированию нации [Исаков, 2002]. Становление татар как нации в XIX в. (появление литературного татарского языка, периодических изданий, литературы и театра, татарской интеллигенции и городской культуры, а также новых форм религиозного образования) и джадидистская реформация способствовали постепенному отделению национальной идентичности татар от религиозной [Харипова, 2020: 105; Габдрафикова, 2015; Исаков, 2002]. Эти процессы также привели к адаптации татарского ислама к обществу модерна, его приспособлению к урбанизации и другим требованиям современной эпохи, тому, что Э. Геллнер описывал как победу «высокой формы ислама над его народными формами» [Геллнер, 1995].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Татарстан переживал подъем национализма, наблюдалась некоторая политизация религии, попытка использования религии как идеологии национального движения [Мусина, 2009: 351]. Однако в эти годы в Республике Татарстан общество по причине своей светскости было совершенно не готово воспринимать какие-либо исламские ценности [Исаков, 2010: 106]. Религиозность воспринималась как часть народной культуры и этнической традиции и принимала форму религиозного национализма [Мусина, 1997; Арутюнова, Бравин, 2013].

Последовавший во второй половине 1990-х гг. кризис национального движения в Татарстане и долгое пребывание его в оппозиции подвигли представителей татарского национализма в еще большей степени искать опору в религии, апеллировать к мусульманскому духовенству и верующим, но в 1990-х и 2000-х гг. это не встретило безоговорочной поддержки населения и не привело националистов к успеху [Сергеев, Сергеева, 2009: 122]. Татары, даже не будучи сильно религиозными, всегда позитивно относились к исламу. При невысокой степени религиозности они всегда воспринимали ислам как то, что способно наполнить представление об идентичности, религиозные различия определялись как важный фактор, препятствовавший ассимиляции татар и способствовавший их самосохранению [Косач, 2007]. Однако, будучи важным этноконсолидирующим фактором, религиозная принадлежность не конвертировалась в национализм.

В последние полтора десятилетия в Татарстане происходит постепенный количественный и качественный рост исламской религиозности среди татар, увеличивается число приверженцев ислама, они становятся более образованными, чаще участвуют в религиозных практиках, происходит закрепление религиозных традиций в повседневной жизни. При этом религиозность у татар становится в меньшей степени связана с этнической идентичностью, татарским языком, культурой и этнонациональными движениями. Данная тенденция к расхождению этнической и исламской идентичностей охватывает и духовенство², и особенно заметна в среде части городской молодежи [Мусина, 2016: 24]. При усилении религиозной идентичности и ослаблении её этнической составляющей у молодых татар формируется «новая, исламская субкультура, для которой характерны строгое соответствие религиозным предписаниям в повседневной жизни, актуализированность социально-нравственного облика мусульманина, активная пропаганда ислама» [Арутюнова, 2013: 26]. Данная религиозности присуще дистанцирование от этничности и этнонационализма и возрас-

² В частности, в 2010-е гг. на первый план в структуре ДУМ РТ вышли молодые имамы, родившиеся за пределами Татарстана и не владеющие свободно татарским языком [Алмазова, Ахунов, 2021: 67], а среди татар-мусульман большим авторитетом пользуются дагестанские ветви суфизма, шейхи которых имеют последователей в Республике Татарстан [Сафиуллина-Ибрагимова, 2021: 190].

тание исламистской составляющей, что может, в принципе, создать серьезные проблемы для светского государства, каковым является Российская Федерация.

В настоящей работе мы предприняли попытку измерить взаимосвязь между значимостью этнического фактора, склонностью к исламу и личной религиозностью, для чего построен ряд индикаторов.

Показатель значимости этничности. Оценить, насколько для респондента важна этническая принадлежность, можно по его предпочтениям в повседневном поведении, в частности в брачной и языковой сферах. Настоятельное стремление к этнической чистоте брака, к «брачной исключительности», возведение в моральную норму требования соблюдать чистоту крови – это безусловный признак этнического национализма. Аналогичная ситуация с языковым индикатором: язык является важнейшим отличительным признаком народа, и желание сделать обязательным для всех его изучение (поскольку «без языка народ умрет», «язык – душа народа» и т.п.) свидетельствует о высокой экзистенциальной ценности для респондента своего этнического сообщества. Об этой же установке на сохранение и законное, так сказать, документальное, запечатление этнической принадлежности свидетельствует положительное отношение респондента к возможности иметь соответствующую запись в паспорте. Сочетание этих параметров, отражающих меру поддержки этнически ориентированного брака, коренного языка и фиксации этничности государством, можно использовать в качестве признака, выявляющего склонность к этническому национализму. Для определения значимости этничности участникам опроса задавались вопросы о межнациональных браках, о фиксации национальности³ в паспорте, а также об изучении татарского языка в общеобразовательных школах (рис. 1–3).

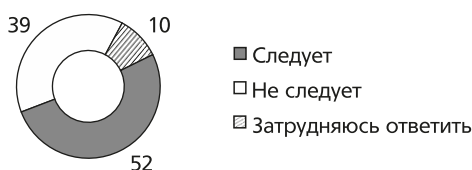

Рис. 1. Как вы считаете, следует ли в российском паспорте указывать национальность? (%)

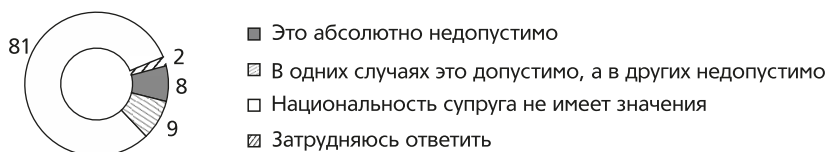

Рис. 2. Как вы относитесь к бракам татар с представителями иных национальностей? (%)

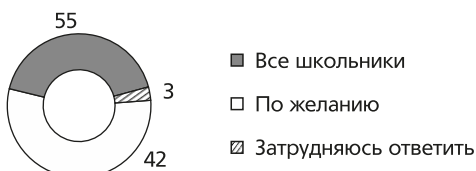

Рис. 3. Как вы считаете, изучать татарский язык в школах Татарстана должны все школьники или только по желанию? (%)

³ Для подавляющего большинства респондентов термин «национальность» с советских времен являлся тем, что в научной литературе чаще всего именуют «этничностью», однако задавать вопрос именно об этнической принадлежности не имело смысла, поскольку многие просто не поняли бы, о чем идет речь.

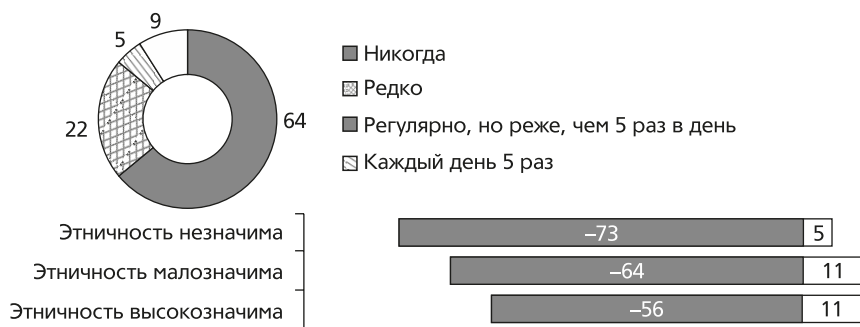

Рис. 4. Как часто вы совершаете намаз?

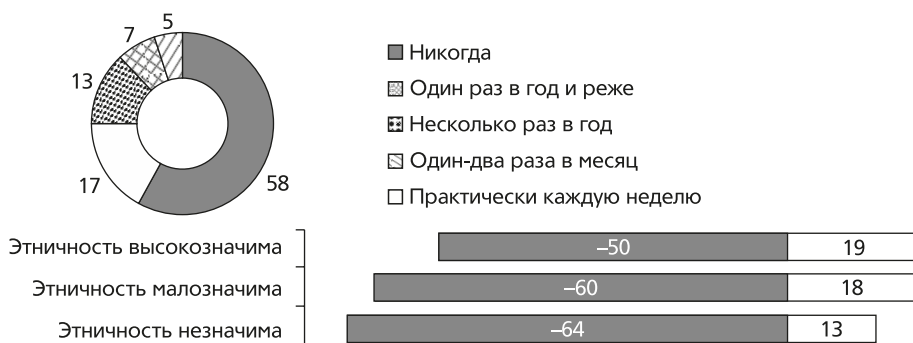

Рис. 5. Как часто вы совершаете пятничную молитву?

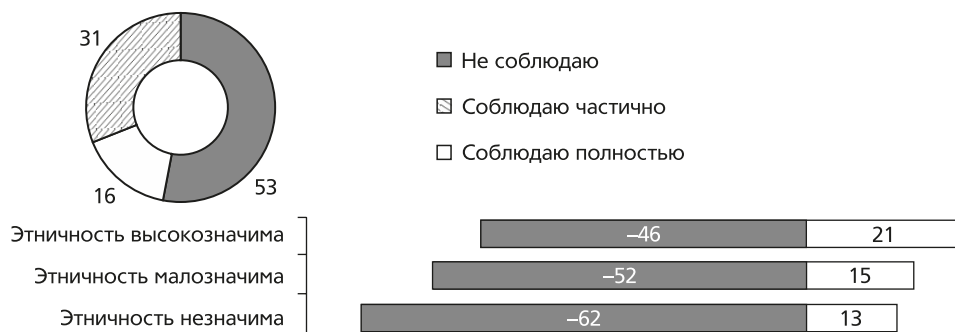

Рис. 6. Соблюдаете ли вы пост в месяц Рамадан?

На основе ответов на три приведенных выше вопроса строился интегральный показатель значимости этничности. Для этого по каждому из вопросов этнически окрашенным ответам присваивался коэффициент 1, ответам, не придававшим значения этничности, – 0, промежуточным ответам – значения в диапазоне от 0 до 1. В последующем баллы, полученные респондентом по указанным трем вопросам, суммировались и нормировались. Соответственно, каждому респонденту присваивался индекс – число в пределах от 0 до 1, которое отражало, насколько для данного респондента значима этничность. Распределение выборки по значимости этничности, 0 – 221 респондент; 0,17 – 66 респондентов; 0,33 – 324 респондента; 0,5 – 94; 0,67 – 218; 0,83 – 42 человека; 1 – 35 респондентов. В зависимости от значения интегрального показателя каждый респондент был

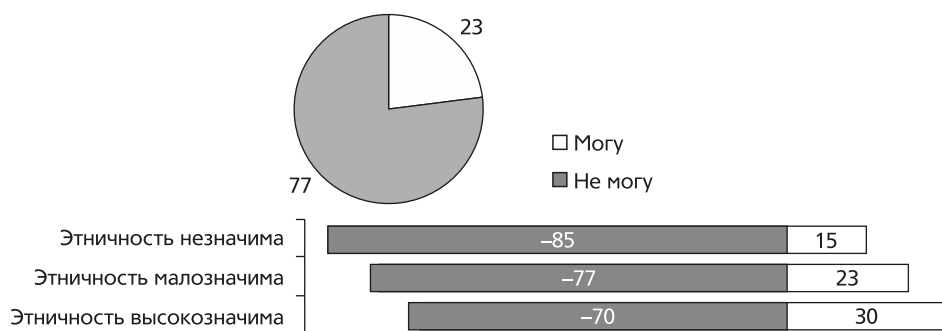

Рис. 7. Можете ли вы прочитать Аль-Фатиху на арабском языке?
(% от респондентов – мусульман)

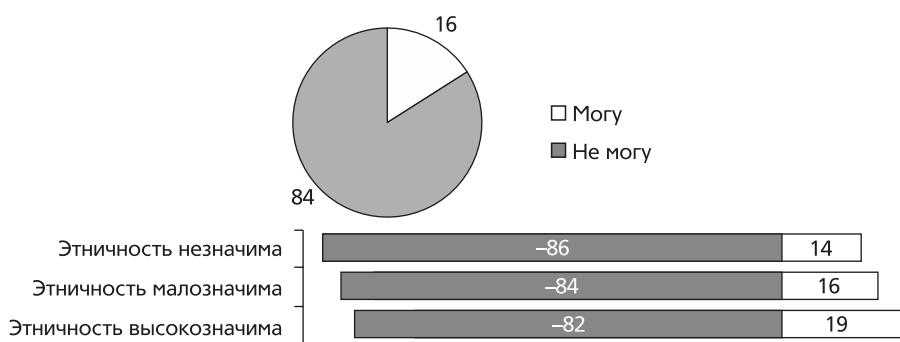

Рис. 8. Можете ли вы прочитать шахаду на арабском языке?
(% от респондентов – мусульман)

отнесен к одной из трех групп: «этническая незначима» (0–0,17), «этническая малозначима» (0,33–0,5), «этническая высокочисленна» (0,67–1).

Личная религиозность. Политическая и общественная проекция религии не всегда совпадают с личной религиозностью человека. Порой совершенно нерелигиозные индивиды являются активными сторонниками присутствия религии в политической или общественной жизни. Встречаются и противоположные случаи – высокая личная религиозность не проявляется в общественно-политической сфере.

Для определения степени личной религиозности принято задавать респондентам набор вопросов⁴, выявляющих их образ жизни и участие в религиозных практиках (рис. 4–6).

Хотя ислам – это мировая религия, он тесно связан с арабской культурой, языком и является прежде всего историческим наследием арабов. Высокая личная религиозность последователя ислама необходимо предполагает хорошее знание им арабского языка. По результатам настоящего исследования выяснилось, что большинство татарских мусульман не может читать священные тексты на арабском языке (рис. 7, 8).

⁴ Мы опирались на идеи методики В.Ф. Чесноковой [2005] о том, что для исследований религиозности необходимо выяснить прежде всего поведение и образ жизни человека. Методика Чесноковой была разработана для определения степени воцерковленности православных. Для оценки степени религиозности мусульман обычно выявляют частоту совершения молитв, соблюдение поста, выполнения исламских обычаев и обрядов. На основании этих критериев Р.Н. Мусина, к примеру, делит мусульман на «практикующих верующих» и «номинальных верующих» [Мусина, 2016: 23].

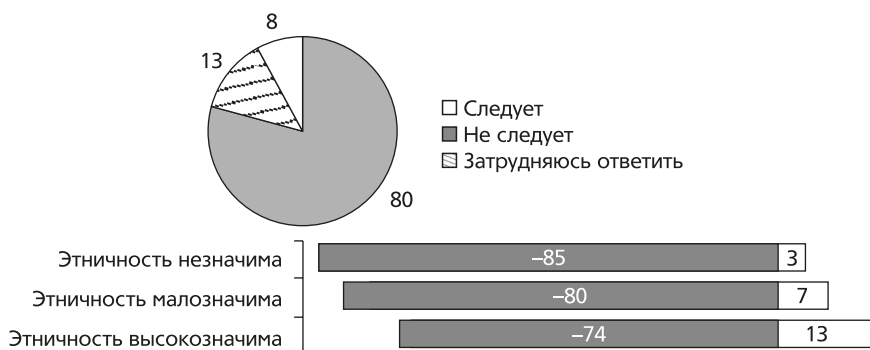

Рис. 9. Как вы считаете, следует ли обязать женщин – дикторов татарского телевидения появляться только с покрытой головой? (%)

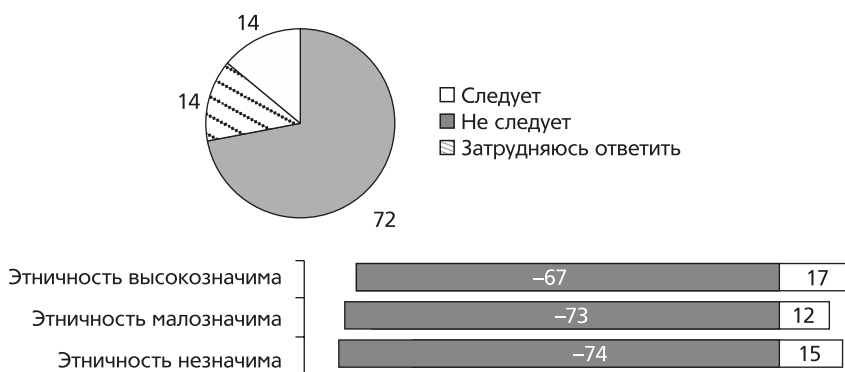

Рис. 10. Следует ли в Республике Татарстан разрешить многоженство? (%)

Рис. 11. Я зачитаю три утверждения об организации школьного питания, а вы скажите, с каким из них вы согласны: (1) в школах Татарстана всех школьников следует кормить только халяльной пищей; (2) школа – светское заведение, поэтому недопустимо учитывать религиозные требования к пище; (3) детям (и их родителям) следует предоставить выбор, что будет есть ребенок – халяльную или обычную пищу (%)

Политическая и общественная проекции религии. Использование ислама в качестве идеологии для политической консолидации общества, когда религия играет роль основы для конституирования нации, – достаточно распространенное и хорошо изученное явление, называемое исламизмом. Последний принимает сегодня самые различные

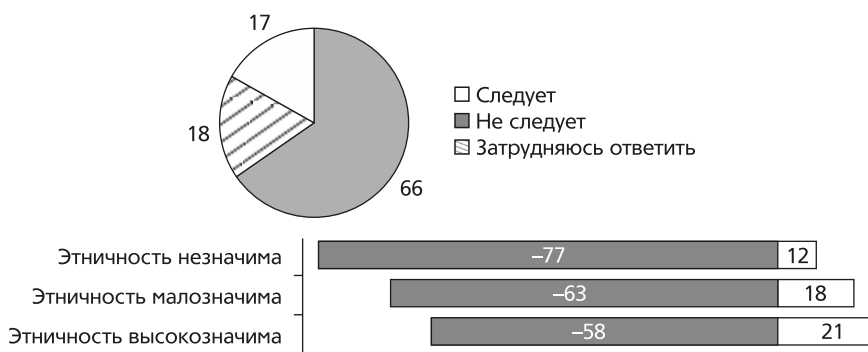

Рис. 12. Сегодня в конституции Татарстана говорится: «Республика Татарстан – светское государство. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Как вы считаете, следует ли изменить это положение и записать, что ислам в Республике Татарстан является государственной религией? (%)

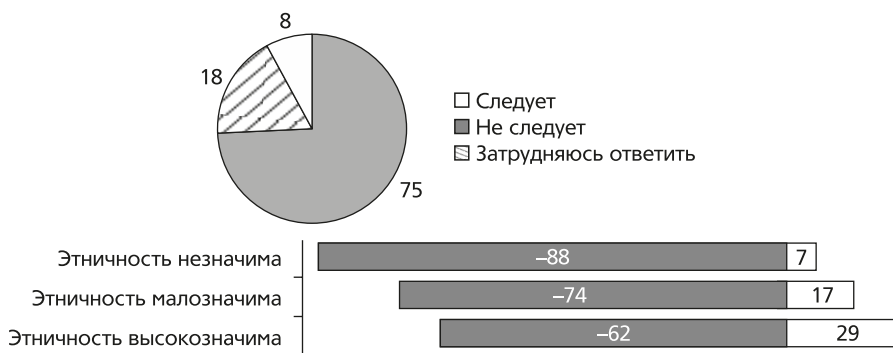

Рис. 13. Как вы считаете, следует ли в конституции Республики Татарстан записать, что главой республики может быть только мусульманин? (%)

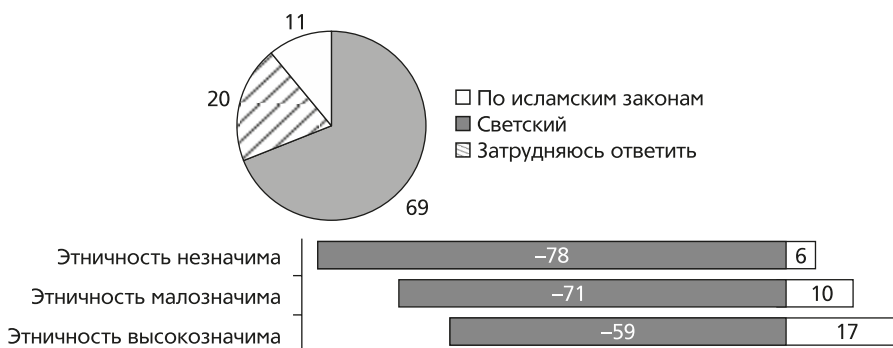

Рис. 14. Если бы у вас возникла необходимость обратиться в суд и была возможность выбирать, то какой суд вы бы выбрали – светский или по исламским законам? (%)

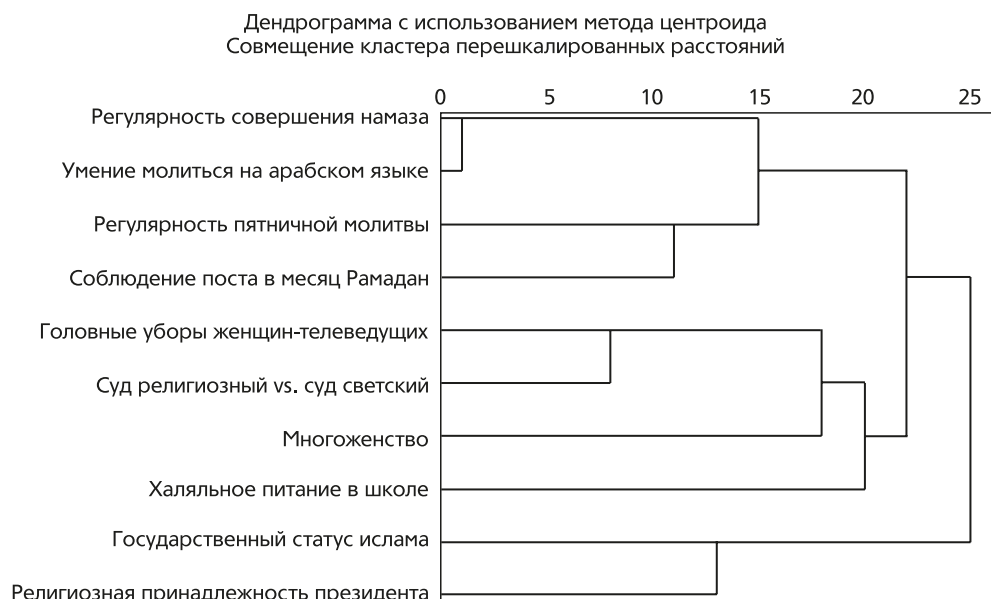

Рис. 15. Группировка переменных с использованием иерархического кластерного анализа

формы. В том числе исламизм успешно используется в рамках националистического дискурса [Асад, 2020: 293], сочетается с локальным, государственным национализмом и даже содержит различные элементы этнонационализма. Отличительной чертой исламизма является лозунг «реисламизации» как единственного пути избавления общества от всех бед и несчастий, «инкорпорации в государственную систему элементов исламской государственности» [Морина, 2011: 109]. Под исламизмом мы будем понимать политические идеи, ставящие целью установление исламского порядка, использования ислама в качестве идеологии [Почта, 2020]. Цель исламистов – создать такую политику (в том числе и в виде исламского государства), которая бы жила по законам шариата и обеспечивала бы каждому члену общества не земное благосостояние, а религиозное спасение души [Семедов, 2012: 443].

В российском контексте склонность проживающих в Татарстане татар к исламизму, если таковая будет выявлена, можно было бы интерпретировать как проявление религиозного национализма: этим татары не просто отличались бы от русских и утверждали свою самобытность, но и утверждали бы необходимость своей государственности, обеспечивающей им религиозную самореализацию. Это не просто отличие в языке, культуре, истории и т.п., но экзистенциальная потребность, которую невозможно реализовать в светской России.

Попытаемся выявить в общественном сознании элементы исламизма и, соответственно, религиозного национализма, оценить их масштаб и проанализировать взаимосвязь со значимостью для респондента этнического фактора. Когда речь идет об исламизме, его последовательные приверженцы не должны принимать идеи отделения религии от государства, светскости и всего, что с ними связано. Шариатские нормы строго предписывают соблюдать определенные правила, касающиеся одежды, семейной жизни, питания.

В ходе исследования мы задавали респондентам вопросы, касающиеся ряда религиозных норм. По всем вопросам о самых разных предписаниях ислама (рис. 9–14) большинство респондентов выбирало светские варианты ответов. При этом интересно отметить, что участники опроса, назвавшие себя мусульманами, также предпочитали ответы, расходящиеся со строгими шариатскими предписаниями.

По вопросам, касающимся разных предписаний ислама, респонденты, придающие этничности большое значение, чаще, чем респонденты, для которых этничность не важна, выбирали «исламские» варианты ответов. В одних случаях различия были значимы⁵ (вопросы о женских головных уборах, выборе суда, государственном статусе ислама и религиозной принадлежности президента Татарстана), в других – незначимы (многоженство, школьное питание).

Исламизм как проявление религиозного национализма. Проведем анализ структуры религиозности, выясним, какие из проявлений религиозности связаны со склонностью к исламизму. Некоторые показатели религиозности респондентов коррелируют между собой. Например, отношение к статусу ислама в республике и отношение к религиозной принадлежности президента Татарстана коррелируют между собой на уровне $r_s = 0,39$. Регулярность исполнения намаза коррелирует с регулярностью посещения пятничной молитвы на уровне $r_s = 0,61$ и с умением молиться на арабском языке⁶ на уровне $r_s = 0,41$.

В то же время переменные, отражающие личную религиозность, крайне слабо коррелируют с переменными, отражающими степень исламизации. Например, регулярность совершения намаза коррелирует с отношением к государственному статусу ислама на уровне $r_s = 0,18$, а регулярность посещения пятничной молитвы коррелирует с желанием видеть во главе республики только мусульманина – на уровне $r_s = 0,11$. Подобное отсутствие взаимосвязей показательно для достижения цели исследования, т.к. заставляет предположить (пока на уровне отдельных переменных), что личная религиозность не взаимосвязана с отношением к исламизации государства.

Для того, чтобы осуществить группировку переменных, отражающих различные аспекты религиозности, был использован иерархический кластерный анализ. В результате выполнения анализа каждая переменная была отнесена к одной из трех перечисленных ниже групп (рис. 15)⁷.

Первый кластер объединяет переменные, отражающие, в какой мере респондент соблюдает предписания ислама. Также в этот кластер входит переменная, отражающая умение молиться на арабском языке. Назовем этот кластер «личной религиозностью». Второй кластер объединяет переменные, отражающие взгляды респондента на место ислама в быту. Также в этот кластер попала переменная (изначально рассматривалась авторами как аспект исламизации) – какой суд предпочтителен – светский или исламский? Назовем этот кластер «бытовой религиозностью». Третий кластер включает переменные, отражающие взгляды респондента на место ислама в политической системе. Назовем данный кластер «политической религиозностью».

Можно ожидать, что переменные, принадлежащие к одному кластеру, являются проявлением единой латентной переменной. Для того, чтобы выявить эти переменные, для каждого кластера была выполнена процедура факторного анализа⁸. Как и следовало ожидать, для каждого кластера выделен единственный фактор с собственным значением, превышающим 1. Таким образом, мы получили три интегральные переменные (факторы), отражающие три составляющие религиозности – личную, политическую и бытовую⁹.

Рассмотрим корреляции между полученными переменными (табл. 1).

⁵ Для определения различий между категориями использовался критерий Краскала-Уоллиса.

⁶ Переменная «умение молиться на арабском языке» была построена на основе двух переменных, отражающих умение прочитать на арабском языке суру Аль-Фатиха и шахаду: для респондента, способного на арабском прочитать обе молитвы, переменная принимала значение 1, для респондента, не способного прочитать ни одну из них, – значение 0, способного прочитать только одну – 0,5.

⁷ Использовался метод Центральной классификации, евклидова метрика.

⁸ Здесь и далее использовался метод главных компонент, метод вращения – варимакс с нормализацией Кайзера.

⁹ Альтернативный метод построения интегральных (для каждого кластера) переменных – нахождение среднего значения предварительно нормированных переменных – дает практически идентичный результат: соответствующие переменные, построенные названными двумя методами, коррелируют между собой на уровне $r \geq 0,99$.

Таблица 1

Корреляции между составляющими религиозности

	Личная религиозность	Политическая религиозность	Бытовая религиозность
Личная религиозность	1	0,23	0,52
Политическая религиозность	0,23	1	0,39
Бытовая религиозность	0,52	0,39	1

Политическая религиозность очень слабо коррелирует с личной религиозностью ($r = 0,23$). Иными словами, погруженность в религиозную жизнь, как правило, сама по себе не приводит к тому, что у мусульманина появляются склонность к исламу, желание выстроить политическую систему республики в соответствии с нормами ислама. В то же время бытовая религиозность заметно коррелирует и с личной ($r = 0,52$), и с политической религиозностью ($r = 0,39$). Т.е. желание обязать социум на бытовом уровне следовать исламским предписаниям может быть обусловлено как чисто религиозными соображениями, так и религиозно-политическими.

Верификация полученных результатов. В рамках настоящего исследования ряд переменных, отражающих различные аспекты религиозности, могли принимать лишь три значения, поэтому использовать факторный анализ для этих переменных можно лишь с определенными оговорками. Впрочем, в качестве верификации результатов кластерного анализа использование факторного анализа представляется допустимым. Если выводы, полученные при проведении факторного анализа, на содержательном уровне совпадут с выводами, полученными при проведении кластерного анализа, то можно будет говорить о том, что выводы последнего подтверждаются.

При проведении факторного анализа было выделено три фактора (табл. 2). В целом полученные результаты хорошо согласуются с результатами кластерного анализа. Первый фактор связан с переменными, отражающими личную религиозность респондента, второй фактор – с местом ислама в политической системе, третий фактор – с единственной переменной – отношением к многоженству.

Таблица 2

Таблица факторных нагрузок

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Обязательность ношения головных уборов	0,39	0,42	0,32
Отношение к многоженству	0,13	0,06	0,96
Халяльное питание в школе	0,38	0,30	0,06
Государственный статус ислама	0,02	0,78	-0,03
Религиозная принадлежность президента	0,03	0,77	0,11
Суд религиозный vs суд светский	0,35	0,57	0,04
Регулярность совершения намаза	0,82	0,23	0,09
Регулярн. посещения пятничной молитвы	0,72	0,07	0,09
Строгость соблюдения поста в Рамадан	0,71	0,12	0,03
Умение молиться на арабском языке	0,71	0,003	0,11

Сама процедура факторного анализа устроена таким образом, что факторы ортогональны друг другу. Т.е. личная религиозность (фактор 1) никак не взаимосвязана с политической религиозностью (фактор 2).

Таким образом, можно констатировать, что выводы, полученные обоими методами – и кластерным, и факторным анализом, – согласуются между собой: личная религиозность респондента не влечет за собой желания превратить ислам в ведущий политический принцип организации социума. Иными словами, в современном Татарстане погружение в исламские религиозные практики не подталкивают верующего к исламу.

Взаимосвязь этнической и религиозной идентичностей. Нами были построены несколько индикаторов, отражающих значимость этничности и религиозность респондентов. Интегральный показатель значимости этничности значим, но очень слабо коррелирует со всеми тремя составляющими религиозности. Корреляции (Пирсона) между интегральным показателем значимости этничности и составляющими религиозности: личная практическая религиозность – 0,17; политическая религиозность – 0,24; общественная религиозность – 0,26.

Отсутствие тесной взаимосвязи между показателем значимости этничности и различными составляющими религиозности говорит о том, что в Татарстане этнонационализм практически не связан с религиозностью в любых её проявлениях. Те исследователи, которые анализировали взаимосвязь нации и религии в Татарстане, обычно отмечали, что «чем выше уровень национальной самоидентификации, тем чаще татары идентифицируют себя с исламом и демонстрируют религиозное поведение» [Харипова, 2020: 177]. В нашем исследовании подобные суждения в целом подтверждаются: корреляции между этнической самоидентификацией и религиозностью в татарском социуме действительно существуют, но они очень слабы.

Таким образом, анализ результатов массового опроса позволил с использованием количественных показателей верифицировать тезис о том, что существенно возросшая в последние десятилетия мусульманская религиозность татарского населения Республики Татарстан не приводит к росту националистических настроений. В Республике не наблюдается та взаимосвязь религиозности и национализма, которую можно обозначить термином «религиозный национализм». Погружение в религиозную жизнь вызывает у татар определенное желание распространить религиозные практики за границы частной жизни – в общественную сферу, однако не влечет за собой стремления исламизировать политические институты, татарский ислам остается вполне «светским», чуждым исламистской идеологии и в целом согласуется с российской государственностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиев А.А. Идеология «мусульманского национализма»: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Отд. истории / Отв. ред. А.В. Гордон. М., 2008.
- Алмазова Л.И., Ахунوف А.М. В поисках «традиционного ислама» в Татарстане: между национальным проектом и универсалистскими теориями // «Ислам, имеющий мирную и добрую сущность»: дискурс о традиционном исламе в среде тюрок-мусульман европейской части России и Крыма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 15–68.
- Арапов Д.Ю. (сост.) Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. М.: Издательство «Наталис», 2006.
- Арутюнова Е., Бравин А., Валиахметов Р. и др. Татарстан. Процесс реисламизации и современные тренды развития мусульманской идентичности // Гражданская, этническая и региональная идентичность: Вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013. С. 119–125.
- Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.
- Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань: Татарское книжное издательство, 2015.
- Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995.
- Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008.
- Гузельбаева Г.Я. Исламская идентичность молодых татар в Республике Татарстан (по материалам социологических исследований 2008–2012 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки, 2012. Том 154, кн. 6.
- Исхаков Д. Джадидизм // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2002.
- Исхаков Д. Модель Татарстана и национализм татар // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. Т. 3. Национализм в национально-территориальных образованиях. М.: РОССПЭН, 2010.

- Косач Г. Татарстан: религия и национальность в массовом сознании // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие: Религия в постсоветской России. Под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. СПб.: Летний сад, 2007. С. 345–391.
- Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение. 2020.
- Морина Т.С. Идеология исламизма как фактор политики современных мусульманских стран. Политико-философский ежегодник. 2011. № 4. С. 94–111.
- Мусина Р.Н. Идентичность татар в условиях религиозного возрождения в современном Татарстане // Ислам и тюркский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Материалы VIII международной тюркологической конференции 22 апреля 2016 года. С. 22–24.
- Мусина Р.Н. Реисламизация татар как форма «религиозного национализма» // Ислам в России. М., 1997. С. 81–87.
- Мусина Р.Н. Религиозное возрождение или конфессионализация сознания: к вопросу современной религиозной ситуации у татар // «Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения», Уфа, 2009. С. 350–353.
- Почта Ю.М. Исламизм и национализм на Большом Ближнем Востоке: вражда или симбиоз? // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 4–11.
- Сафиуллина-Ибрагимова Р.Р. Суфизм в Татарстане: возрождение традиции, экспорт или экспансия? // «Ислам, имеющий мирную и добрую сущность»: дискурс о традиционном исламе в среде тюрок-мусульман европейской части России и Крыма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 152–201.
- Семедов С.А. Исламизм и феномен политических религий // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 435–454.
- Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Татарский этнонационализм в Республике Татарстан: от рассвета до заката // Политэкс. 2009. Том 5. № 1. С. 116–227.
- Харипова З.Ф. Взаимосвязь национальной и исламской идентичности татар в современной Республике Татарстан (на материалах социологического опроса) // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации. Материалы Всероссийского научного семинара. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. С. 172–179.
- Харипова З.Ф. История евроислама татар: ислам и либерализм // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 31. С. 101–113. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.31.101>
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетей, 2017.
- Чеснокова В. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005.
- Barker P. Religious Nationalism in Modern Europe: If God be for Us. London: Routledge, 2009.
- Delanty G., O'Mahony P. Nationalism and Social Theory. Modernity and the Recalcitrance of the Nation. London, 2002.

Статья поступила: 06.07.21. Финальная версия: 21.12.21. Принята к публикации: 03.02.22.

NATIONAL AND RELIGIOUS IDENTITIES: EXPERIENCE OF INTERCONNECTION ANALYSIS (ON THE EXAMPLE OF RESEARCH IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

SITNIKOV A.V.*, ROMANOV M.V.***, FASKHUDINOV R.R.*

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

***Autonomous Non-profit Organization Public Opinion Research Laboratory, Moscow, Russia

Alexey V. SITNIKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof. of the Department of State-confessional relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (sitnikov-av@ranepa.ru); Michal V. ROMANOV, Cand. Sci. (Sociol.), Autonomous Non-profit Organization Public Opinion Research Laboratory, Moscow, Russia (mvroman@mail.ru); Rinat R. FASKHUDINOV, Post-graduate student of the Department of state-confessional relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (rinathazrat@mail.ru). All – Moscow, Russia.

Abstract. The authors of the article, basing on the results of a mass survey in September 2020 in the Republic of Tatarstan (Russia), investigate relationships between nationalism and Islamic religiosity among the Tatar population of the republic. The survey was conducted by the method of telephone interviewing on a random sample with a total of 1,000 respondents. The survey involved permanent ethnic Tatars residents of the Republic of Tatarstan over 18 years old. The authors answer the question of what place Islamism occupies in the public consciousness, how much Islam is in demand as an ideology for the political consolidation of society, and, accordingly, for religious nationalism. The authors of the article analyze how Islamism, ethnic and religious nationalism relate to each other. The analysis of religiosity showed that in Tatarstan there is no relationship between religiosity and nationalism that might be called “religious nationalism,” that is, striving for the political self-determination of the nation for religious reasons, which resonate with ethnic ones. Also, the authors of the article identified only very weak correlations between variables reflecting importance that respondents attached to ethnicity, and variables reflecting the attitude of respondents to various aspects of religiosity. Ethnic issues for the respondents were more important than religion, and ethno-nationalism was practically unrelated to religiosity in any of its manifestations. The study showed that a high religiosity of the Tatars leads to the need for manifestations of religion in the public sphere and at the everyday level, but does not cause striving for Islamism, i.e. to rebuild the political sphere in accordance with the norms of Islam.

Keywords: nationalism, religiosity, the Republic of Tatarstan, Tatars, Islam, Islamism, identity, ethnic nationalism, religious nationalism.

REFERENCES

- Aliev A.A. (2008) *The ideology of “Muslim nationalism”*: Analyt. review / RAS. INION. Dept. stories / Resp. ed. A.V. Gordon. Moscow. (In Russ.)
- Almazova L.I., Akhunov A.M. (2021) In search of “traditional Islam” in Tatarstan: between the national project and universalist theories. In: *“Islam with a peaceful and kind essence”: a discourse about traditional Islam among the Muslim Turks of the European part of Russia and Crimea*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 15–68. (In Russ.)
- Arapov D.Y. (2006) *Imperial Russia and the Muslim world (late XVIII – early XX century)*: Collection of materials. Moscow: Publishing house “Natalis”: 119–125. (In Russ.)
- Arutyunova E., Bravin A., Valiakhmetov R. (2013) Tatarstan. The process of re-Islamization and modern trends in the development of Muslim identity. In: *Civil, ethnic and regional identity: Yesterday, today, tomorrow* / Ruk. project and otv. ed. L.M. Drobizheva. Moscow: 119–125. (In Russ.)
- Assad T. (2020) *The emergence of the secular: Christianity, Islam, modernity*. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
- Barker P. (2009) *Religious Nationalism in Modern Europe: If God be for Us*. London: Routledge.
- Brubaker R. (2012) *Ethnicity without groups*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Chesnokova V. (2005) *In a Close Way: The Process of Churching the Population of Russia at the End of the Twentieth Century*. Moscow: Academic project. (In Russ.)
- Crews R. (2020) *For the Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Delanty G., O'Mahony P. (2002) *Nationalism and Social Theory. Modernity and the Recalcitrance of the Nation*. London.

- Gabdräfikova L.R. (2015) *Tatar bourgeois society: lifestyle in an era of change* (second half of the 19th – early 20th century). Kazan: Tatar Book Publishing House. (In Russ.)
- Gellner E. (1995) *Conditions of Freedom: Civil Society and Its Historical Rivals*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Grinfeld L. (2008) *Nationalism. Five paths to modernity*. Moscow: PER SE. (In Russ.)
- Guzelbaeva G. (2012) Islamic identity of young Tatars in the Republic of Tatarstan (based on sociological research materials 2008–2012). In: *Scientific notes of Kazan University. Humanities*. Vol. 154, book. 6. (In Russ.)
- Hobsbawm E. (2017) *Nations and Nationalism after 1780*. Saint-Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Iskhakov D. (2002) Jadidism. In: *Islam and Muslim culture in the Middle Volga region: history and modernity*. Essays. Kazan. (In Russ.)
- Iskhakov D. (2010) Model of Tatarstan and Tatar nationalism. In: *Nationalism in late and post-communist Europe*. T. 3. *Nationalism in national-territorial formations*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Kharipova Z.F. (2020) History of Euro-Islam Tatars: Islam and Liberalism. *News of Irkutsk State University. Series Political Science. Religious studies*. Vol. 31: 101–113. (In Russ.)
- Kharipova Z.F. (2020) The relationship between the national and Islamic identity of the Tatars in the modern Republic of Tatarstan (based on the materials of a sociological survey). In: *Religious identity and intercultural communications. Materials of the All-Russian Scientific Seminar*. Astrakhan: Astrakhan State University: 172–179. (In Russ.)
- Kosach G. (2007) Tatarstan: religion and nationality in the mass consciousness. In: *New churches, old believers – old churches, new believers: Religion in post-Soviet Russia*. Ed. K. Kaariainen, D. Furman. Saint Petersburg: Summer Garden: 345–391. (In Russ.)
- Morina T.S. (2011) The ideology of Islamism as a factor in the politics of modern Muslim countries. In: *Political and Philosophical Yearbook*. Moscow: No. 4: 94–111. (In Russ.)
- Musina R.N. (1997) Re-Islamization of the Tatars as a form of “religious nationalism”. In: *Islam in Russia*. Moscow: 81–87. (In Russ.)
- Musina R.N. (2009) Religious revival or confessionalization of consciousness: on the issue of the modern religious situation among the Tatars. In: *Ethnos. Society. Civilization: II Kuzeev Readings*. Ufa: 350–353. (In Russ.)
- Musina R.N. (2016) Identity of Tatars in the context of religious revival in modern Tatarstan. In: *Islam and the Turkic world: problems of education, language, literature, history and religion*. Materials of the VIII International Turkological Conference on April 22: 22–24. (In Russ.)
- Pochta Yu. (2020) Islamism and Nationalism in the Greater Middle East: Enmity or Symbiosis? *Asia and Africa today*. No. 3: 4–11. (In Russ.)
- Safiullina-Ibragimova R.R. (2021) Sufism in Tatarstan: Revival of Tradition, Export or Expansion? In: *“Islam with a peaceful and kind essence”: a discourse about traditional Islam among the Muslim Turks of the European part of Russia and Crimea*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 152–201. (In Russ.)
- Semedov S.A. (2012) *Islamism and the Phenomenon of Political Religions In: Reforming Russia*. Issue 11: Yearbook. Moscow: New chronograph: 435–454. (In Russ.)
- Sergeev S.A., Sergeeva Z.Kh. (2009) Tatar ethno-nationalism in the Republic of Tatarstan: from dawn to dusk. In: *Politex*. Vol. 5. No. 1: 116–227 (In Russ.)

Received: 06.07.21. Final version: 21.12.21. Accepted: 03.02.22.

© 2022 г.

В.С. МАРТЬЯНОВ

COVID-19 И КОНТУРЫ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» ПОЗДНЕМОДЕРНЫХ ОБЩЕСТВ

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, директор Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (martianov@instlaw.uran.ru).

Аннотация. В статье обосновывается гипотеза, что пандемия COVID-19 ускорила и легитимировала социальные изменения, связанные с упадком представительной демократии, массовой занятости и экономического роста. Идеологические координаты общества массового труда устаревают в качестве релевантной модели описания. В результате фиксируется снижение военной, экономической и гражданско-политической значимости большинства. Расширяется запрос прекариатных групп на восстановление своей полезности в альтернативных критериях, которые со временем зафиксируют новую политическую и экономическую нормальность. Усиленные пандемией гражданские протесты и радикальные практики меньшинств являются частью процесса критического пересмотра консолидирующих ценностей общества труда и перехода к новой нормальности. Аргументируется вывод, что рост «лишних людей» актуализирует запрос на внеэкономические коммунитарные ценности и ресурсы, обеспечиваемые преимущественно государством. Пересмотр привычных рыночно-трудовых иерархий общества эмпирически подтверждается ценностным разрывом поколений. Во-первых, пессимизм молодежи в отношении перспектив повысить жизненный уровень относительно предшествующих поколений. Во-вторых, жизненными стратегиями молодого поколения, предпочитающего адаптивные практики, связанные с рентоориентированным поведением и лояльностью к поколению родителей. В-третьих, позднемодерное общество характеризуется упадком политической субъектности. Все это ограничивает потенциальные масштабы будущих преобразований, преимущественно связанных с базовым безусловным доходом и избирательным расширением рентного доступа.

Ключевые слова: COVID-19 • коронавирус • общество труда • гетерархия • прекариат • стратификация • новая нормальность • рентоориентированное поведение • молодежь

DOI: 10.31857/S013216250016833-9

Пандемия COVID-19 как катализатор социальных перемен. Усилившиеся в связи с пандемией системные экономические и политические сдвиги требуют изменения общественных приоритетов, выстраивания новых иерархий ценностей и обновления морально-политических и экономических регуляторов жизни современных обществ. Социальные метаморфозы в условиях сбоя рутинных норм, институтов и практик характеризуются противоречивостью, многослойностью и нелинейностью. В условиях пандемии идеологические дискуссии правых и левых теряют убедительность, смещается общая система идеологических координат, а социальные нормы (догмы) и отклонения от них если и не

меняются местами, то обнаруживают свой исходно релятивный и договорный характер. Подобные социальные метаморфозы не всегда катастрофичны, они служат катализаторами давно назревших обновлений, зачастую обнаруживая парадоксально позитивные эффекты и последствия изначально негативных перемен [Кравченко, 2017]. В конце концов, средневековая эпидемия чумы в Европе способствовала усилению и централизации светской власти, религиозной веротерпимости, отмене крепостного права, урбанизации и росту стоимости рабочей силы; последующая эпидемия сифилиса содействовала становлению строгой протестантской морали, внесшей существенный вклад в последующие успехи капитализма; побочным эффектом Второй мировой войны стал мощный рывок человечества в освоении космоса, атомной энергии и в медицинских технологиях.

В настоящем снова растет запрос на экспериментальные политические решения, которые отражают новейшие социальные закономерности и тенденции социальной политики. В ходе развертывания пандемии COVID-19 современные общества активно масштабируют экспериментальные социальные практики и концепции, которые имели место на его классовых и географических перифериях, были прежде объектом *насмешки, игнорирования, подавления или преследования*. В ситуации переконфигурации социальной структуры общества эти избыточные, еретические, маргинальные и даже криминальные представления оказываются востребованы обновленным социально-политическим порядком [Лобовиков, 2015]. Пандемия осуществляет структурные возможности, для реализации которых общество уже созрело, но при этом продолжает мыслить себя в категориях сложившихся ранее приоритетов и иерархий социальных интересов, чья онтологическая конфигурация испытывает все большие деформации. Возникает патовая ситуация, когда, с одной стороны, для слома позднемодерного политического порядка не удается накопить революционных противоречий, несмотря на множество частных конфликтов, которыми это общество пронизано на локальном, национальном и глобальном уровнях. С другой – происходят дифференциация и усложнение коллективных взаимодействий, становится все сложнее поддерживать универсальные публичные пространства. Распад этих пространств затрудняет поддержание привычных иерархий и способствует революционным состояниям гетерархии (наличие разных центров легитимации социального порядка), когда одновременно сосуществуют альтернативные ценностно-институциональные обоснования а) должного социально-политического порядка и б) общего блага, которые в идеале должны совпадать. Таким образом, запускается поиск новых способов сборки социального, политического и культурного пространств.

Под влиянием социально-экономических последствий COVID-19 формируются новые функциональные коллективности. Национализм, популизм и риторика *обделенных меньшинств* в доступной и поверхностной форме артикулируют общий разворот базового либерального консенсуса от его неолиберальной к разнообразным неокommунитарным версиям [Фишман, 2014], от лояльного *методологического индивидуализма* экономического мейнстрима к коллективным политическим практикам, ставящим под сомнение сложившиеся ценностно-институциональные иерархии. Субъектами коллективных практик часто оказываются разрастающиеся прекариатные группы, которые действуют в логике разрушения универсума ценностей *общества труда*. Последнее больше не может предложить эффективных способов улучшения положения и перспектив *людей труда*, демонстрируя в условиях пандемии лишь усиление нисходящих социальных траекторий, рост безработицы, падение уровня жизни, масштабное разорение мелкого бизнеса, все более избирательную поддержку со стороны социального государства и т.д. В ситуации делегитимации ценностно-институциональных иерархий *общества труда* новые группы со *слабыми* социальными связями (*френды* в соцсетях, коллегиальные, соседские, ситуативные и низкоинтенсивные социальные контакты) все чаще начинают обладать *влиятельными* в публичном поле идентичностями, какими бы спорными они не представлялись (BLM, антиваксеры, экологические движения, *желтые жилеты*, горожане, волонтеры, сообщества подписчиков звезд социальных сетей и телеграм-каналов, локальные гражданские

инициативы против точечных застроек, вырубки парков, сноса/установки памятников, специфические субкультуры и т.д.), а также зачастую более эффективными потенциалом мобилизации и культурными кодами, чем привычные семьи, экономические классы и идеологические партии, лишаящиеся *сильной консолидирующей субъектности* [Granovetter, 2005]. На практике это приводит к тому, что позднемодерные политические элиты могут создать лишь временные и паллиативные балансы интересов различных групп в качестве своей легитимирующей базы, будь то новые поколения, меньшинства, корпорации, бюджетные сословия, рыночные группы (малый бизнес), нуклеарные семьи, пенсионеры и иные контекстуально пересекающиеся и слабо связанные внутри себя сообщества. При этом внятные и долгосрочные ценностные основания их совместного, а тем более союзнического сосуществования оказываются едва ли не главной проблемой, тесно связанной с предъявлением и согласованием новых иерархий распределения доступных ресурсов. Последняя задача выполнима в контексте поиска альтернативного политического порядка – посттрудового, пострыночного и посткапиталистического, который не может быть очередной *настройкой* рыночных либеральных демократий, стремительно и повсеместно теряющих свою либеральную, демократическую и рыночную онтологию обществ труда [Фишман и др., 2019].

Устойчивые тенденции радикализации имущественного неравенства во всех современных обществах свидетельствуют о том, что в условиях усиления рентных и сословных критериев социальной стратификации будущее общество все чаще не имеет необходимости риторически и практически опираться на ценностный концепт *большинства*, лежащий в фундаменте демократии. В то же время большинство перестает питать иллюзии относительно перспектив стать массовым *средним классом*, обнаруживающим признаки идеологии, которая так и не была воплощена в какой-либо социально-экономической реальности [Вайс, 2021]. В XXI в. возврат уровня неравенства идет даже не к стратификационной модели накануне Первой мировой войны, когда 90% населения европейских стран составляло бедное большинство, противопоставленное богатому верхнему децилю. Благодаря высокотехнологичной и мобильной глобальной экономике, все чаще связанной с нематериальными активами, происходит резкая концентрация богатства на самом вершине доходной пирамиды, когда уже не 10%, а всего 1% населения в национальном и глобальном разрезе уходит в нарастающий отрыв от остальных 99% [Стиглиц, 2016]. В 1980–2016 гг. 50% нижней доходной части человечества получили 13% от общего роста доходов в этот период, а всего 1% наиболее богатых забрал в два раза больше – 27% от совокупного прироста доходов в мире¹. В России 1% населения контролирует до 58% национального богатства, что является примером одного из наиболее контрастных расслоений богатства в национальном измерении. Наконец, в глобальном разрезе 1% наиболее богатых контролировали в 2019 г. 45% всех экономических активов человечества, демонстрируя в последние десятилетия уверенную тенденцию к постоянному увеличению своей доли².

Однако вместо политических инструментов снижения неравенства, связанных с прогрессивным налогообложением доходов и наследств, выравниванием шансов на рынках труда и образования, политические элиты для реанимации привычной модели роста стимулируют дешевое кредитование для населения. Заемное потребление рано или поздно оборачивается волнами массовых банкротств, безработицы, дефолтами национальных экономик и лопнувшими пузырями фондового рынка. При этом глобальные элиты все интенсивнее взаимосвязаны на фоне разобщения подавляющей массы граждан, остающейся ограниченной рамками своих *национальных квартир*. Эта тенденция вполне соответствует повсеместному переходу от *оседлого* к *кочевому* типу освоения ресурсов элитами

¹ C. 9. World Inequality Report. 2018. URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-english.pdf> (дата обращения: 25.05.2021).

² C. 13. Global wealth report. 2019. URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2019-en.pdf> (дата обращения: 25.05.2021).

современных обществ, который освобождает их от многих обязательств по отношению к *коренному населению* и позволяет выводить в случае опасности свои финансовые активы в офшоры из-под действия тех или иных национально-территориальных юрисдикций. Соответственно снижается необходимость делиться контролируемыми ресурсами и добиваться лояльности большинства того или иного политического сообщества посредством демократических процедур, когда можно создать *двойное* или *сословное* общество, разные части которого живут в непересекающихся социальных реальностях.

Технологии территориально-географической сегрегации жизни аристократии/буржуазии и большинства, принимающего основные издержки и негативные экстерналии капитализма и глобализации, исторически сформированы во всех классовых обществах. Современные мегаполисы демонстрируют модели усиленной сегрегации жителей разных районов, несмотря на отсутствие видимых барьеров между ними, а в национальном измерении все чаще релевантны центробежные пространственные модели дифференциации политического сообщества на *разные* Франции³ или России⁴. Глобальное усиление неравенства становится одним из ключевых вызовов для демократии [Миланович, 2017]. Последняя, будучи повсеместно сведена к ее формально-процедурному шumpетерианскому пониманию как конкуренции элит за голоса избирателей, остается нечувствительна к этим вызовам, что дискредитирует ее в глазах большинства еще больше. Значительно хуже обстоят дела с легитимирующей метафорой рынка, который, не будучи сдерживаем внеэкономическими регуляторами, генерирует все большее экономическое неравенство в пользу все меньшего числа бенефициаров.

Субъектные стратегии молодых поколений в условиях «новой нормальности»: от прогресса/изменений к адаптации/ренте? Пессимизм в ожидании революционных перемен связан с проблемой распада эффективного коллективного действия, классового политического субъекта и экономических классов в позднем Модерне. Новые политические субъекты находятся в поиске себя (класс-в-себе), что структурно аналогично пока еще смутному *третьему сословию* в основе намечающейся онтологии посттрудового общества. В свое время третье сословие распалось на экономические классы – буржуа и наемных работников, если не считать людей свободных профессий. *Креативный класс, самозанятые, бюджетники, силовики* и иные социальные группы, являющиеся структурными следствиями распада экономических классов, пока разнородны, хотя нередко находятся в сходном положении по отношению к правящим элитам и страдают от глобального упадка общества труда. Множество обделенных меньшинств объединяется в недифференцированную массу *прекариата*, чье положение в социальной структуре описывается как отклонение от социальных статусов, функций и моральных норм привычных трудовых классов [Прекариат..., 2020]. Социальная структура общества труда и его консолидирующие ценности испытывают радикальные трансформации под усиливающимся воздействием новых фоновых факторов – пределов роста, ускорения автоматизации и роботизации, сокращения потребности в массовом труде, увеличения *лишних людей*, усиления альтернативных идентичностей и т.д.

Идея прогресса и истории как процесса бесконечного расширения возможностей для всех обнуляется не только повсеместной приостановкой роста ВВП, но и настроениями молодых поколений, которые все отчетливее осознают, что не будут жить лучше, чем поколения родителей и дедов. Соответственно стратегии активного преобразования общества в контексте веры в широкие социальные лифты и технологические возможности оборачиваются преобладанием адаптивных настроений и пессимистических взглядов на будущее. Исследования показывают, что «во многих странах молодые люди уже

³ Bockel O. Les trois France: entre périphéries et métropoles. 07.02.2018. URL: <https://lvsl.fr/trois-france-entre-peripheries-metropoles/> (accessed 25.05.2021).

⁴ Зубаревич Н. Четыре России // Ведомости. 30.12.2011. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (дата обращения: 25.05.2021).

начали смиряться с тем, что, вероятнее всего, будут зарабатывать меньше своих родителей. Средний класс, который неплохо себя чувствовал в 1990-х гг. почти во всем мире, кроме Восточной Европы и постсоветского пространства, сейчас заметно съезживается, нынешнюю эпоху трудно назвать эрой экономического процветания. Зная об этом, молодежь не торопится съезжать от родителей, даже если уже окончили школу. Растущую ценность приобретает стабильность и возможность получить работу, особенно в технологически развитых экономиках, которые обозначают тренд для всех остальных. Молодые поколения не спешат заводить детей и семьи, а их позиции на рынке труда недалеки от неустойчивого положения мигрантов в собственной стране. Глобализация из образа будущих возможностей стала символом всеобщей тревоги и угроз [Лапина, 2020]. Половина граждан Великобритании, США и Германии не ждут, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная; только 14% американцев, 15% немцев и 19% англичан верят в то, что молодое поколение будет жить в будущем богаче, безопаснее и здоровее. В 2015 г. в США 55% опрошенных были согласны с тем, что в условиях капитализма бедные беднеют, а богатые богатеют, что определенно сигнализирует о конце *американской мечты* непосредственно в месте ее возникновения⁵.

В исследовании структуры глобального богатства финансовой группы «Credit Suisse» отмечается, что миллениалы (поколение Y), вступившие в совершеннолетие в XXI в., активно опираются на материальную поддержку своих родителей. Ее значимыми аспектами являются как помощь в получении образования, покупке недвижимости, так и вступление в права наследования [Global wealth report, 2019: 33]. Подобная рента с предыдущих поколений становится значимым аспектом долгосрочных жизненных стратегий молодежи, чьи карьерные перспективы на рынке труда оказываются более ограниченными и сомнительными, чем у предшествующих поколений. В условиях неопределенности сокращаются горизонты планирования, увеличивается *географическая рента* и неравенство шансов внутри молодых поколений в центр-периферийном пространственном измерении: как отмечают исследователи, «препятствиями для реализации жизненных планов, помимо кумовства, закупоривающего социальные лифты, являются сужение рынка труда и высокая конкуренция специалистов в результате неблагоприятной экономической ситуации, недостаток возможностей для получения первичного опыта работы для молодежи, недостаток финансов (на жилье, образование, развитие бизнеса, переезд и т.д.), постоянно меняющиеся правила игры» [Седова, 2019: 528]. Наконец, в настоящее время почти невозможно спрогнозировать, как долго *трудящиеся классы* смогут осуществлять накопления и передавать их детям в изменившихся экономических условиях и демографической ситуации простого воспроизводства. В инерционном сценарии наследственная передача и накопление богатств в условиях складывающейся модели общества без *экономического роста, вертикальной мобильности и массового труда* будет способствовать усилению имущественного неравенства новых поколений. И этот сценарий позволяет убедительно прояснить значимые социально-экономические причины ситуации, в которой «поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни» [Твенге, 2019].

Таким образом, властный контроль, иерархии, наследование и статусные различия становятся все более органичными социальными регуляторами взамен распадающегося формально-правового равенства индивидуальных возможностей, прав и свобод. Молодые поколения перестают активно отрицать значимость и достижения своих родителей, вступая с ними в новую межпоколенческую *рентно-ресурсную модель взаимодействия*, которую иногда поверхностно интерпретируют как впервые в истории достигнутое

⁵ What the thinks of capitalism. 03.11.2015. URL: <https://social.shorthand.com/montie/3C6iES9yjf/what-the-thinks-of-capitalism> (accessed 25.05.2021).

взаимопонимание и дружбу отцов и детей⁶. Российские миллениалы демонстрируют более высокий уровень образования, владения электронными технологиями, приверженность здоровому образу жизни, но при этом они откладывают на более позднее время, в том числе по прагматическим экономическим причинам, начало взрослой (самостоятельной, автономной от родителей) жизни, связанной с принятием таких жизненно важных решений, как «вступление в брак, первая беременность и рождение детей, выход на рынок труда» [Радаев, 2020: 55]. Миллениалы придают меньшее значение ценности труда и трудовой карьеры, чаще меняют место работы, но при этом не показывают статистически значимых отклонений от предыдущих поколений в области предпринимательской инициативы и стремления к собственному бизнесу [там же: 32–36].

Вместе с движением поколений, которые вынуждены адаптироваться к новым рентам и сословным факторам структурирования общества, меняются и институциональные формы выражения, согласования и продвижения коллективных интересов.

Современные представительные демократии и способы их воспроизводства становятся нерепрезентативными в обновляющейся социальной структуре, которая все чаще не способна обеспечивать поступательный рост возможностей и благосостояния для большинства, что являлось главным историческим обещанием демократии. Формальное соблюдение алгоритмов и процедур воспроизводства современной элитарной демократии вызывает растущую критику с точки зрения способности согласовывать, отстаивать и просто выражать интересы большинства в ситуации кризиса согласительных политических систем [Руденко, 2019]. Рост внутренней конфликтности и переструктурирование социальной структуры общества проявляются в кризисе классовых партий и идеологий, подъеме популизма, национализма и практик цветных революций и переворотов, которые уверенно проникают из периферийных обществ в западные страны, в виде движения желтых жилетов во Франции, расовых гражданских волнений в США и т.д. Несистемные движения и спонтанные виды гражданской активности все чаще указывают на то, что реальные проблемы, запросы на изменения и принципиальные политические дилеммы находятся за рамками узкого процедурного дискурса демократии как закрытой конкуренции элит; капитализма как саморегулируемых и справедливых свободных рынков; либерализма как утопии бесконечного расширения индивидуальных возможностей и свобод. Указанные метафоры все хуже соотносятся с реалиями современных обществ, а тем более не способны объяснить происходящие в них изменения способов организации экономической, социальной и политической жизни⁷. При этом внутренне нестабильные демократии много раз возникали и исчезали в человеческой истории, они вовсе не являются ее всеобщим фукуямовским финалом: «Греческие республики стали деспотиями, римская – империей, средневековые итальянские республики – монархиями, новгородская пала, венецианская сдалась Наполеону, почти вся демократическая Европа – Гитлеру. И если бы не самозабвенная борьба советского народа, ведомого тоталитарной властью, демократии в ее нынешнем виде в Европе не было бы» [Karaganov, 2019: 65–66].

Утверждения о разного рода концах – истории, коммунизма, гуманизма, идеологии – свидетельствуют лишь о том, что дискурс, в рамках которого были сформулированы эти утверждения, позиционировался как безальтернативный. Между тем сильный субъектный проект Модерна означает, прежде всего, бесконечное соревнование альтернатив, отказ от вечных ценностей и неизменного в поколениях образа жизни в пользу перманентных и динамичных социальных изменений, интенсивной мобильности, рефлексивной социальной, роста пространств автономии индивидов – всего того, что противоречит стратегии

⁶ Шульман Е. Современная молодежь – самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить // Правмир. 17.08.2019. URL: <https://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/> (дата обращения: 25.05.2021).

⁷ Chu B. Scrap the rhetoric. There's no such thing as capitalism // Independent. 15.11.2015. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/scrap-the-rhetoric-theres-no-such-thing-as-capitalism-a6735506.html> (accessed 25.05.2021).

культурных и социальных регуляторов домодерных обществ. Скорость социальных изменений в современном обществе такова, что даже на протяжении человеческой жизни способ существования, цели и базовые ценности большинства граждан могут быть существенно изменены, как показывают и опыты мировых форсированных модернизаций, и глобальные социологические опросы, согласно которым все современные общества пронизаны постматериальными импульсами и с разной скоростью движутся в едином направлении ценностных изменений [Inglehart, 2018]. Поэтому объяснение особенностей реализации проекта Модерна в разных конкретных обществах – *быстрого успеха, приостановки, инволюции, отката, институциональной вариативности модели* – посредством апелляции к накопленным и воспроизводящимся в неизменном виде культурным архетипам, *идентичностям и ментальностям* представляется весьма ограниченным по своему объяснительному и прогностическому потенциалу.

Увеличение ведущих акторов глобального мира и радикализация неравенства и различий внутри наций-государств и мировой экономики, ведущие к эскалации политических, экономических, культурных конфликтов, инициируют соблазн объяснить эти явления сквозь призму цивилизационной парадигмы и устойчивых культурных различий. Однако подобное объяснение фактически работает на закрепление этих различий, подразумевая их непреодолимость и *объективный характер* следующих из них дискриминационных практик, неравенства, нормативного партикуляризма различных духовных скреп, к которым апеллируют неотрадиционалистские элиты, закрепляющие свою легитимность подобной политической риторикой. Таким образом, в условиях Модерна цивилизационный дискурс имеет скорее прагматическое, популистское применение, чем является способом объяснения закономерностей, действующих на современное человечество.

Вопрос инициации назревших в позднемодерном обществе изменений состоит в том, что они требуют принципиального отказа от ранее принятых целей, способов их достижения и описывающих/легитимирующих их понятий. В подобном контексте кризис неолиберального мейнстрима и стоящей за ним рыночно-демократической социальной метафоры и онтологии дает неожиданные преимущества *периферийным обществам*, которым особо нечего терять на указанном пути. Отставание и маргинальность превращаются в неожиданное преимущество, когда осознаются как конец очереди, ведущей в тупик⁸. Соответственно найти альтернативы проще, открепившись от иерархий и понятий западного мейнстрима, входящего в фазу исторического упадка. Проблема в том, что обходные пути, которые станут новыми столбовыми дорогами человечества, необходимо конструировать в глобальной, мир-системной перспективе. Глобальный запрос на новую сборку универсального социального, экономического и политического пространств очевиден. В этом контексте партикулярный хаос дискурсов привилегированных/стигматизированных меньшинств на обломках экономических классов является лишь переходной стадией к универсальным системам внеэкономических посттрудовых ценностей, без которых *большое общество* не сможет воспроизводиться [Срничек, Уильямс, 2019]. Очевидно, что доминирующие ценности, последним историческим аккордом которых было утверждение о *конце истории* в виде рыночно-либеральных демократий, будут необратимо трансформироваться. Это не значит, что окончательно утрачены возможности для воссоздания *либерального консенсуса* в основе позднего Модерна, чья радикальная идеологическая трактовка в виде *конца истории* была всего лишь одним из особенных вариантов, претендовавшим на статус всеобщего. Ключевым и политически наиболее чувствительным вопросом является *переоценка* индивидуальной и коллективной *полезности* в условиях *ограниченных ресурсов*: какие качества и способности граждан будут востребованы обществом, а какие подвергнутся девальвации; какие ценности и социальные группы,

⁸ Дерлугьян Г. Тупик как историческая развилка возможностей // Эксперт. 2007. № 40 (581). 29.10.2007. URL: https://expert.ru/expert/2007/40/obschestvennie_nauki/ (дата обращения: 25.05.2021).

ресурсы и технологии общество станет считать более полезными для своего актуального существования, а какие будут утрачивать свою былую значимость?

Критерии социальной справедливости являются относительными, устанавливаемыми каждой исторической эпохой или историко-политическим проектом. В зависимости от высших смыслов своего существования политический субъект воспроизводит внутри себя справедливость как идею своей гармонии, меры, соразмерности. Не существует эффективного способа, который мог бы раз и навсегда зафиксировать окончательную справедливость на основании синтеза консервативных, либеральных и коммунитарных субъектов с их релятивными представлениями, которые невозможно универсализировать за пределами соответствующих идеологий. Каждый субъект претендует на *правду реальности*, но в *реальности* это всегда не более, чем динамичная гегемония *более справедливых* субъектов, на основании версий, перспектив или интерпретаций реальности, даже если субъект пытается остаться в пределах позитивистских и естественнонаучных подходов.

Процессы переоценки ценностей ведут к необратимому изменению сложившихся классовых, статусных, ресурсных и властных иерархий в обществе, связанных с контролем властного аппарата государства. Безусловно, политическим элитам хотелось бы определять ценность/полезность всех остальных социальных групп в рамках социального порядка, бенефициарами которого они выступают. Тем не менее в современных обществах механизмы гегемонии и монополизации ресурсов немногими всегда наталкиваются на встречные тенденции выравнивания в интересах большинства, поддерживаемых ценностью демократии и формальным равенством гражданских прав. Соответственно любые ценностные основания нового социального порядка и следующие из них нормативные практики могут обрести прочность только при условии широкого, а значит всегда компромиссного общественного согласия, в которое так или иначе вовлечено большинство. Только в ходе признания общего коллективного воображаемого оно превращается в инструмент материального коллективного взаимодействия. *Нарастающее открепление большинства от трудовой, военной, электоральной, предпринимательской, демографической ценности превращает его в потенциального субъекта глобального ценностно-этического поворота. Последний в перспективе может позволить совместить трансформацию коллективных социальных практик и институтов с новыми форматами их общественной полезности, будь то волонтерство или любая иная активность граждан на благо общества, доказывающая их новые гражданские добродетели, которые должны быть вознаграждены обществом.*

Ценностно-институциональные факторы «новой нормальности» в контексте пандемии COVID-19. Периферийные и маргинальные ранее социальные ценности, практики и технологии, активированные пандемией COVID-19, могут стать в будущем новыми нормами и центральными политическими и экономическими институтами, войти в рутинные практики. Инициированное пандемией поисковое социально-политическое конструирование, усиление ценностных и институциональных альтернатив, изменение приоритетов социальной регуляции в долгосрочной перспективе могут привести к созданию новой модели социальной политики и принципов достижения общественного согласия, более адекватных трансформирующейся социальной и экономической структуре современных обществ труда. Тем более что обещанные свободными рынками выгоды от коммодификации жизненного мира большинство граждан получает все реже, так как рыночная цена этого большинства в привычных категориях военной и трудовой полезности стремительно девальвируется.

В позднем капитализме источники экономического роста близки к исчерпанию, рынок массового труда сокращается, а технологический прогресс замедлился. В условиях достижения *глобальных пределов* емкости рынков все чаще доминируют стратегии индивидуального и коллективного рентоориентированного поведения. Однако эти стратегии могут приносить выгоды своим адептам только тогда, когда они еще *не являются нормой*, иначе рентный доступ размывается и утрачивает смысл. В лучшем случае становится возможной ситуация *двойной нормы и двойных стандартов*, причем большинство, живущее

по базовой норме, не должно перенимать привилегированные права меньшинств. Соответственно меньшинства объективно не заинтересованы в том, чтобы их норма стала всеобщей, что возможно только в переходной ситуации. Она базируется на разрушении универсальных правил и институциональных пространств в пользу *исключений и привилегий* для рентных меньшинств. Последних становится все больше, а их партикулярные и хаотичные стратегии все труднее обеспечить за счет последовательного ресурсного ограничения большинства. В контексте распада экономических классов, в качестве массового агента политического действия функционально начинают преобладать партикулярные субъекты. Они утрачивают способность к эффективной организации своих коллективных (классовых) интересов в пространстве *истории и большого общества*, а потому более не могут сформулировать привычных модернистских идеологий и утопий, ориентированных на большинство. Коллективная активность локальных субъектов связана преимущественно с действиями символического и виртуального порядков, которые не ведут к реальным изменениям общества, но направлены на ситуативную адаптацию малых социальных групп к внешним условиям [Мартьянов, 2018].

Все это ведет лишь к временной отсрочке нового общественного согласия относительно изменившейся социальной структуры социума, принципов и иерархии доступа составляющих его социальных групп к располагаемым ресурсам. Тенденции исчерпания неolibеральных рыночных метафор в основе общественного согласия эмпирически подтверждаются, во-первых, растущим глобальным пессимизмом в отношении перспектив молодых поколений повысить свой жизненный уровень в сравнении с предшествующими поколениями. Например, в 2019 г. *коммунитарный поворот* подтверждается тем, что половина (49,6%) опрошенных американских миллениалов и зумеров предпочли бы жить в социалистической стране, при 37,2% сторонников социализма от общей выборки респондентов⁹. Во-вторых, жизненными стратегиями нового поколения молодежи, которое не склонно требовать социальных перемен, но предпочитает адаптивные социальные практики, связанные с рентоориентированным поведением и лояльностью в отношении поколения своих родителей.

Умножающиеся нерыночные группы в ситуации нисходящей социальной мобильности все чаще артикулируют запрос на общий пересмотр критериев полезности граждан в ситуации становящегося посттрудового общества. До сих пор они сами и их возможные утопии были довольно слабы и маргинальны, но ситуация пандемии катализировала процесс расширения социально-политических и ресурсных неравенств и конфликтов. Наблюдаемая мобильность, текучесть и промежуточность всех нынешних идентичностей, статусов и практик коллективных субъектов неизбежно отоляется в новые институциональные формы и иерархии. И зачастую именно радикализация и субъектности, и субъективности, отрывающая от мейнстримных представлений, фиксирующих *онтологию вчерашнего дня*, ведет к наиболее универсальным и справедливым выводам, которые истинны для большинства здесь и сейчас. Все более четкие контуры некапиталистического будущего обнаруживают отсутствие у капитализма/рынка каких-либо выходящих за рамки методологического индивидуализма *экономического человека* социальных, политических или культурных смыслов, позволяющих удерживать общество от распада. При том что компенсирующие чистую логику капитала религиозные этики он уже имплементировал в качестве своих внеэкономических легитимаций, а сопутствующие процессы *естественной* коммодификации, достигнув своего предела, обернулись против капитализма, который все чаще не может оплатить предъявляемые ему счета относительно авансированных им ранее перспектив и возможностей. Все это усугубляется отсутствием у капитализма способности к социальной регуляции коллективного взаимодействия, связанной не только

⁹ Kight S.W. Exclusive poll: Young Americans are embracing socialism // Axios. 10.03.2019. URL: <https://www.axios.com/exclusive-poll-young-americans-embracing-socialism-b051907a-87a8-4f61-9e6e-0db-75f7edc4a.html> (accessed 25.05.2021).

с выгодами, но и с моральной стимуляцией поведения, основанного на долге перед другими людьми [Jameson, 2009: 469].

В долгосрочной перспективе актуальный упадок рыночной стратификации настоятельно требует *переизобретения* общества и новой модели социальной политики, а также пересмотра привычных способов воспроизводства и распределения общественных благ, связанных с экономическими классами, капиталистическими рынками и наемным трудом. В актуальном контексте чаша исторических весов все больше склоняется к версии справедливости, которая не сводит ценность людей к их ограниченной или инструментальной полезности в тех или иных сферах человеческой жизнедеятельности с точки зрения определенного класса, рынка или государства. Это коммунитарная версия справедливости, готовая вознаградить их за то, что они являются частью сообщества *хороших* или *добродетельных* граждан, естественным образом стремящихся к *общей пользе*, которая может быть выражена самыми разнообразными видами активности – самообразование, воспитание детей, волонтерство, общественные работы, создание общедоступных культурных и интеллектуальных благ и т.д. Подобное направление дальнейшего развития общества указывает на преходящий характер внешнего экономического принуждения и трудовой эксплуатации людей в основе прогресса, который может быть преодолен в пользу более свободной регуляции общественно полезной деятельности, не сводимой только к привычным образам отчужденного труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2534-0>.
- Кравченко С.А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 3–14.
- Лапина Н.Ю. Не очень счастливая глобализация: французский опыт // Россия и современный мир. 2020. № 2 (107). С. 190–209.
- Лобовиков В.О. Криминология, история философии и дискретная математическая модель формальной аксиологии преступной деятельности («По понятиям» ли мыслили и жили выдающиеся философы?) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 5–24.
- Мартьянов В.С. Политические субъекты позднего капитализма: от экономических классов к ренто-ориентированным меньшинствам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 3(43). С. 181–190.
- Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
- Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.
- Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Окончание) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 4. С. 31–60. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.764>.
- Руденко В.Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. 2019. Т. 19. № 4. С. 138–155. DOI: <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00012>.
- Седова Н.Н. Жизненный успех молодежи – от Москвы до самых до окраин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 505–529. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.26>.
- Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
- Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо, 2016.
- Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М.: Рипол-Классик, 2019.
- Фишман Л.Г. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму // ПОЛИС. Политические исследования. 2014. № 4. С. 152–165. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.10>.

- Фишман Л.Г., Мартыанов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1913-4>.
- Granovetter M. 2005. The Impact of Social Structure on Economic Outcomes // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No. 1. Pp. 33–50.
- Inglehart R. 2018. *Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the*. Cambridge University Press.
- Jameson F. *Valences of the Dialectic*. UK: Verso, 2009.
- Karaganov S.A. 2019. A Predictable Future? // *Russia in global affairs*. V. 17. No 2. P. 60–74. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-2-60-74>.

Статья поступила: 16.09.21. Финальная версия: 03.12.21. Принята к публикации: 02.02.22.

COVID-19 AND REDESIGN OF THE LATE MODERN SOCIETY

MARTIANOV V.S.

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS, Russia

Victor S. MARTIANOV, *Cand. Sci. (Polit.)*, Director, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia (martianov@instlaw.uran.ru)

Acknowledgements. The research is supported by grant RFBR, project No. 20-04-60337.

Abstract. The article supports the hypothesis that the COVID-19 pandemic accelerated and legitimized societal change associated with the decline of representative democracy, mass employment and economic growth. The ideological coordinates of the society of mass labor are becoming obsolete as a relevant model of description. As a result, a decrease in the military, economic and civil-political significance of the majority is observed. The request of precariat groups to restore their usefulness in alternative criteria is expanding, which will eventually bring about a new political and economic normality. Civil protest intensified by the pandemic and the radical practices of minorities are part of the process of a critical revision of the consolidating values in the labor society and transition to a new normality. The conclusion is argued that the growth of “unnecessary people” actualizes demand for non-economic communitarian values and resources provided mainly by the state. The revision of the usual market and labor hierarchies of society is empirically confirmed by the value gap between generations. First, the pessimism in rising generation regarding the prospects of improving standard of living compared to previous generations. Second, the life strategies of generation Z prefer adaptive practices associated with rent-oriented behavior and loyalty to the generation of parents. Third, late modern society is characterized by a decline of political subjectivity. All this limits potential scope of future transformations, mainly related to basic unconditional income and selective expansion of rental access.

Keywords: COVID-19, coronavirus, labor society, heterarchy, precariat, stratification, new normality, rent-seeking behavior, youth.

REFERENCES

- Fishman L.G. (2014) Liberal Consensus: Drift from Neoliberalism to Communitarianism. *Politicheskije issledovaniya* [Political studies]. No. 4: 152–165. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.10>.
- Fishman L.G., Martianov V.S., Davydov D.A. (2019) *The Rental Society: in the Shadow of Labor, Capital and Democracy*. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1913-4>.
- Granovetter M. (2005) The Impact of Social Structure on Economic Outcomes. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19. No. 1: 33–50.
- Jameson F. (2009) *Valences of the Dialectic*. UK: Verso.
- Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the*. Cambridge University Press.
- Karaganov S.A. (2019) A Predictable Future? *Russia in global affairs*. Vol. 17. No. 2: 60–74. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-2-60-74>.
- Kravchenko S.A. (2017) Metamorphoses: essence, complicating types, place in sociological knowledge. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–14. (In Russ.)

- Lapina N.Y. (2020) Not a very happy globalization: the French experience. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern]. No. 2: 190–209. (In Russ.)
- Lobovikov V.O. (2015) Criminology, history of philosophy and a discrete mathematical model of the formal axiology of criminal activity ("By concepts" did outstanding philosophers think and live?). *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS]. V. 15. No. 4: 5–24. (In Russ.)
- Martyanov V.S. (2018) Political subjects of late capitalism: from economic classes to rent-seeking minorities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 43: 181–190. (In Russ.)
- Milanovic B. (2017) *Global Inequality. A New Approach for the Age of Globalization*. Moscow: Gaidar Institute. (In Russ.)
- Rudenko V.N. (2019) Populist concept for protecting human rights in the crisis of conciliatory political systems. *Antinomii* [Antinomies]. Vol. 19. No. 4: 138–155. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00012>.
- Sedova N.N. (2019) Youth's life success: from Moscow to the outskirts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 505–529. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.26>
- Srnichek N., Williams A. (2019) *Inventing the Future: Post-Capitalism and a Without Labor*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Stiglitz J. (2016) *The Great Separation. Inequality in society, or what should the remaining 99% of the population do?* Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. (ed.) (2020) *Precariat: Formation of a New Class*. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga.
- Twenge J.M. (2019) *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood*. Moscow: Ripol-Klassik. (In Russ.)
- Weiss H. (2021) *We Have Never Been Middle Class: How Social Mobility Misleads Us*. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2534-0>.

Received: 16.09.21. Final version: 03.12.21. Accepted: 02.02.22.

© 2022 г.

СОЦИОЛОГ: ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

25–27 ноября 2021 г. на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета состоялась Всероссийская научная конференция XV Ковалевские чтения «Социолог: образование и профессиональные траектории», которая собрала более 400 участников из различных регионов России и зарубежных стран. Профессиональному сообществу предлагалось обсудить проблемы, связанные с переходом современного общества к новому состоянию, обусловленному цифровизацией социальной жизни, а также влияние этих процессов на профессиональную подготовку и деятельность социолога в новых условиях.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова проф. **Н.Г. Осипова** (Москва). Она отметила, что расширяющееся внедрение цифровых технологий в повседневный режим существования человека и сферу традиционных социальных институтов создает не только новые возможности, но и новые вызовы и риски, в том числе в образовательной сфере. С внедрением информационных технологий в образовательный процесс меняются традиционные формы и способы образования, отношение к знанию и процессу его получения. При этом снижается потребность в самостоятельном освоении и осмыслении материала, развиваются главным образом навыки работы с поисковыми системами. Наблюдается пассивность обучающихся, снижается уровень вербальных навыков, актуализируется проблема массовизации сознания. Дистанционный формат образования, ограничивающий межличностные контакты, затрудняет процесс подготовки критически и самостоятельно мыслящего исследователя, что всегда было и остается важнейшей миссией университета.

Проф. **М.Б. Буланова** (РГГУ, Москва) в докладе «Модели российского социологического образования: традиционное и инновационное» подчеркнула, что социологическое образование сыграло особую роль в формировании российской социологии. Один из ее основателей М.М. Ковалевский¹ сформулировал программу «просветительской модели» становления социологии как академической дисциплины, которая предполагала создание учебных курсов по социологии для того, чтобы вступить в диалог с другими общественными и естественными науками, придать единство всем социальным дисциплинам и охватить социологическим просвещением все направления и ступени образования. Процесс начался с создания в 1901 г. Русской высшей школы общественных наук в Париже, где факультет социологии был основным, и завершился открытием в 1908 г. Психоневрологического института в Санкт-Петербурге, в котором появилась кафедра социологии, а изучение этой дисциплины стало обязательным для всех студентов вне зависимости от их специализации. Именно на эту кафедру пришел П.А. Сорокин – сначала в качестве студента, а затем и преподавателя. Сорокин не только видел необходимость в расширении влияния социологии, но и понимал острую потребность в развитии самой социологической теории, что было бы невозможно без специального профессионального образования социологов. Осуществление профессиональной подготовки социологов началось в России в рамках деятельности первых университетских

¹ В рамках конференции также состоялся круглый стол, посвященный значимой для российской социологии дате – 170-летию со дня рождения М.М. Ковалевского.

кафедр на факультетах общественных наук, но более полно и успешно «профессиональная модель» была позже реализована Сорокиным в Гарварде. По мнению докладчика, сегодня необходимо максимально активно использовать потенциал этих двух моделей, расширять присутствие социологических знаний в образовании, опираясь на существующие традиции в социологии, и развивать профессиональную модель, ориентированную на инновации.

В докладе проф. **А.Ю. Чепуренко** (НИУ ВШЭ, Москва) «Социолог: кого и зачем мы готовим?» было отмечено, что в российском социологическом сообществе принято сетовать на ухудшение качества социологического образования, связывая это с принятием ФГОС третьего поколения, в котором курсы по социологии перестали быть обязательными для студентов несоциологических направлений. Однако от преподавания социологии отказались в основном вузы, не имевшие достаточно сильных профильных кафедр и/или не считавшие необходимым преподавание социологии студентам естественнонаучных и инженерных направлений подготовки. Это позволило отказаться от квазисоветской модели преподавания гуманитарных дисциплин, в которой социология заменила истмат и научный коммунизм. Новая версия ФГОС дала вузам, которые были готовы перейти на новый уровень, возможность свободно формировать блоки дисциплин в рамках профессиональных компетенций и профилировать программы на этой основе, формировать учебные планы, исходя из собственных ресурсных возможностей, что позволило удовлетворять потребности локального рынка труда. В то же время реальными проблемами для развития социологии в России, по мнению докладчика, являются отсутствие запроса общества на самопознание, что выражается в слабом развитии публичной социологии; отсутствие у государства интереса к аналитической социологии; скептическое отношение к социологической науке со стороны интеллектуальной части общества. Именно эти вызовы обуславливают и основные проблемы, стоящие перед социологическим образованием. Для их решения должны произойти перемены в формате обучения: переход от традиционных лекций к самостоятельному освоению базовых знаний при модерации преподавателя, переход от базовых учебников к базовым онлайн-курсам, более широкое внедрение проектных работ на всех уровнях обучения, использование возможностей сетевого обучения. Эти изменения позволяют социологическому образованию более полно отвечать требованиям современного рынка труда.

Проф. **В.В. Козловский** (СИ ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) посвятил свой доклад анализу специфики академической социологии. С его точки зрения, существующие основные типы социологического знания обуславливают наличие таких профессиональных полей современной социологии, как академическая, прикладная, публичная и критическая социология. В качестве поля профессиональной деятельности и подготовки наиболее отчетливо представлены академическая и прикладная социология. Публичная и критическая социология в этом отношении более размыты и, возможно, институционально менее развиты. Академическая социология, испытывая те же трудности, что и другие сегменты социологии, тем не менее выглядит как структурно расширяющаяся и развивающаяся область. При этом характерной особенностью развития академической социологии в России является концентрация основных исследовательских центров и ресурсов в Москве и Санкт-Петербурге при весьма скромном региональном участии.

Управляющий директор Фонда «Общественное мнение» (Москва) **Л.А. Паутова** в выступлении «Изменение исследовательских компетенций: вызовы и возможности» констатировала, что полстерство и маркетинговые исследования как области прикладной социологии оказались готовы адаптироваться к пандемии и если не выросли, то остались вполне стабильными. Готовность перестраиваться и работать на опережение оказалась важным и нужным умением, которое целенаправленно следует формировать уже на стадии получения профессионального образования. Другие важные компетенции, наличие которых современный работодатель предполагает у выпускника, получившего социологическую подготовку, – это навыки работы с Big Data и социальными сетями, готовность пользоваться сложными программами (Python и др.). Спрос на специалистов такого рода уже сейчас велик и, безусловно,

будет продолжать расти. Это необходимо учитывать при разработке вузовских образовательных программ по социологии.

Взгляд социолога, работающего в сфере современных маркетинговых технологий, в своем докладе «Meta-социология: чему учиться студентам в университете» представил руководитель группы маркетинговых исследований «Яндекс.Маркет» **К.И. Шпара** (Санкт-Петербург). Основываясь на опыте собственной профессиональной карьеры, он отметил, что многие представления, которыми он руководствовался во время обучения в университете, оказались ошибочными. Так, стремление к получению каких-либо конкретных профессиональных навыков, рассматриваемых в качестве основы будущего «ремесла», приводило к представлению о фундаментальных теоретических знаниях как о чем-то второстепенном, не слишком важном для будущей работы. Однако в процессе реальной деятельности стало очевидным, что, тогда как прикладные методы и умения постоянно развиваются и меняются, теоретические знания образуют реальную основу профессиональных компетенций. Также стало понятно, что деятельность в сфере прикладной социологии, маркетинговых исследований – это не индивидуальные действия, а коллективная работа. При этом установка на заимствование готовых решений и подходов, желательно иностранного происхождения, сменилась осознанием необходимости экспериментировать и опираться на собственные разработки, поскольку это дает больший эффект и является важным конкурентным преимуществом. Сегодняшним студентам, готовящим себя к социологической профессии, необходимо обратить особое внимание на digital-нативность – формирование принадлежности к «цифровому поколению».

Обсуждение различных аспектов профессиональной деятельности социолога в современных условиях и проблем современного социологического образования проходило на заседаниях 11 тематических секций конференции. Среди прочих вопросов отмечалась настоятельная потребность в актуализации теоретического инструментария социологии, который позволил бы сделать социологию более полезной и заслуживающей внимания со стороны общества. Также рассматривались проблемы и последствия цифровизации, перспективы новаций в социологическом образовании, связанных с изменениями, происходящими в современном обществе, и др.

Н.Г. СКВОРЦОВ, Ю.В. АСОЧАКОВ

СКВОРЦОВ Николай Генрихович, д. социол. н., профессор, декан факультета социологии (n.skvortsov@spbu.ru); АСОЧАКОВ Юрий Валентинович, к. филос. н., доцент кафедры теории и истории социологии (y.asochakov@spbu.ru). Оба – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250019221-6

SOCIOLOGIST: EDUCATION AND PROFESSIONAL TRAJECTORIES

Nikolay G. SKVORTSOV, Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology (n.skvortsov@spbu.ru); Yuriy V. ASOCHAKOV, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor (y.asochakov@spbu.ru). Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

НОВАЯ МИГРАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ COVID-19

XIII международный форум «Миграционные мосты в Евразии: новая миграционная реальность в эпоху COVID-19» состоялся 8–9 декабря 2021 г. на базе МГИМО МИД России, при поддержке Фонда ООН по народонаселению (ЮНФПА), Международной организации по миграции (МОМ) и Центра междисциплинарных исследований человеческого потенциала МГИМО. Организаторы – ИДИ ФНИСЦ РАН и кафедра демографической и миграционной политики МГИМО. Участники мероприятия – представители международных организаций (МОМ, ВОЗ, Фонда ООН по народонаселению), Главного управления по вопросам миграции МВД России, Евразийской экономической комиссии, Посольства Республики Таджикистан (РТ) в России, эксперты, ученые, преподаватели и молодые исследователи из двадцати пяти стран мира, в том числе из десяти стран СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина).

На открытии Форума выступил проректор по кадровой политике МГИМО **В.М. Морозов**, подчеркнув важность взаимодействия российских научных и образовательных организаций с международными структурами. В своем вступительном слове чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** (ИДИ ФНИСЦ РАН, МГИМО) сформулировал основные цели и задачи мероприятия: поддержание и развитие сетей исследователей миграции, привлечение молодежи в науку, соединение теории и практики управления миграцией, возможность использования международного опыта в России. Докладчик обратил внимание на существенное снижение масштабов международной миграции, в том числе академической мобильности, сокращение внутренней мобильности населения во многих странах. Пандемия коронавируса подняла проблемы, связанные с реализацией единых подходов по управлению международной миграцией, признанием вакцин. Произошла трансформация рынков труда на мировом, национальном, региональном и локальном уровнях со сменой роли мигрантов в структуре занятости.

Глава Бюро МОМ в Москве **А. Эсоев** сделал обзор нового миграционного доклада МОМ, обозначив направления и масштабы международной миграции в 2020–2021 гг., подчеркнул роль денежных переводов мигрантов в развитии посылающих стран. Директор Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии **А.С. Омурбекова** рассказала о развитии событий в странах ЕАЭС в течение пандемии, мерах стран-участниц ЕАЭС по снижению негативных последствий пандемии для социально-экономического развития. Менеджер региональных проектов ЮНФПА **Х. Шоинбеков** подчеркнул необходимость выработки совместных решений в сфере управления миграцией.

Работа Форума продолжилась экспертной панелью «Влияние интеллектуальной миграции на формирование человеческого капитала» (модераторы: **С.В. Рязанцев**, **М.Н. Храмова**). На экспертной панели были представлены результаты исследований коллективов ИДИ ФНИСЦ РАН, МГИМО, ФУ при Правительстве РФ, НИУ ВШЭ, АУ при Президенте Республики Беларусь. В частности, с докладом «Выявление проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации: обзор экспертного опроса» выступили проф. **Т.К. Ростовская** (ИДИ ФНИСЦ РАН) и проф. **Е.Е. Письменная** (ИДИ ФНИСЦ РАН, ФУ при Правительстве РФ). **В.Т. Сакаев** (НИУ ВШЭ) рассказал о социальных и пространственных идентичностях иностранных и иногородних студентов московских вузов в период пандемии. **Н.Н. Морозова** (АУ при Президенте Республики Беларусь) и **В.М. Бондаренко** (БГУФК) представили результаты исследования по трансформации рынка труда в Беларуси в условиях старения населения и влияния миграционных процессов. **Г.И. Гаджимурадова** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Ун-т Восточной Финляндии) представила обзор миграционной политики Финляндии в области образовательной миграции и привлечения высококвалифицированных специалистов.

Важным компонентом Форума явилась презентация аналитического доклада «Демографическое развитие стран постсоветского пространства (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы», подготовленного авторским коллективом ИДИ ФНИСЦ РАН (отв. ред. С.В. Рязанцев).

В первый день Форума состоялся круглый стол «Миграционная политика: “перезагрузка” в период пандемии COVID-19» (модераторы: О.Д. Воробьева, Л. Деловарова). Активная дискуссия развернулась вокруг темы образовательной миграции в целом и в условиях ограничений в период пандемии COVID-19. Доклады в рамках этой тематики представили **Б. Алманова** (КазНУ им. аль-Фараби), проф. **В.А. Ионцев** и **А.А. Субботин** (оба – МГУ им. М.В. Ломоносова), **Н.Г. Кузнецов** (ИДИ ФНИСЦ РАН, МГИМО), **Б. Сыдыгалиева** (КРСУ). Больше внимание было уделено анализу региональных проблем, связанных с миграцией в условиях COVID-19, в рамках этого направления результаты исследований представили **Г.И. Глущенко** и **Гэн Чанцзюнь** (обе – МГУ им. М.В. Ломоносова), **И.В. Имидеева** (ФЭУ, Монголия), **А.В. Смирнов** (ИСЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН) и **У.В. Лыткина** (ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН); о ситуации в Беларуси рассказали проф. **Л.Е. Тихонова** и проф. **В.П. Пугачев** (оба – БГУ), а **Л. Деловарова** (КазНУ им. аль-Фараби) представила обзор ситуации в Казахстане. О роли миграции в развитии российских регионов рассказали **Р.В. Маньшин** и **Е.М. Моисеева** (оба – ИДИ ФНИСЦ РАН). Во всех выступлениях отмечалось негативное влияние пандемии на межгосударственную миграцию, функционирование национальных рынков труда, уровень доходов и жизни населения. Высказывались гипотезы относительно перспектив восстановления международной трудовой, образовательной миграции и туризма после окончания пандемии.

Живой интерес участников Форума вызвала дискуссионная площадка, посвященная проблемам организованного набора трудовых мигрантов в миграционном коридоре Центральная Азия – Российская Федерация и возможностям его сохранения после окончания пандемии COVID-19 (модераторы: А.В. Топилин, С.В. Рязанцев).

В своей презентации чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** привел результаты опроса среди трудовых мигрантов о применении оргнабора в период пандемии и после кризиса. **К.Г. Муратшина** и **М.В. Валеева** (УрФУ) «Трудовые мигранты из Центральной Азии в России: образовательный фактор» осветили вопросы подготовки кадров в странах исхода для последующего трудоустройства мигрантов в России, а также вопросы организации повышения их квалификации.

Оживленную дискуссию вызвал вопрос о необходимом уровне знания русского языка трудовыми мигрантами. В рамках дискуссии о возможных механизмах привлечения трудовых ресурсов по каналам оргнабора выступили **С.Н. Мищук**, **Ш.Ю. Акрамов**, **И.Н. Молодикова**, **М.Н. Храмова** (ИДИ ФНИСЦ РАН), а также атташе Посольства РТ в России **Ф.А. Ахмедов**. **А.В. Хросканова** (Агентство развития профессионального мастерства (Ворлдскиллс, Россия)) поделилась опытом организации, обучения и повышения квалификации трудовых мигрантов в рамках международных программ. Об особенностях международной миграции в разрезе муниципальных образований в России рассказал **Н.Ю. Микрюков** (ИДИ ФНИСЦ РАН), **А.А. Тер-Акопов** (ИДИ ФНИСЦ РАН) – о последствиях прекаризации рынка труда в России.

На круглом столе «Конфликты между мигрантами и местным населением: в чем причины и каковы последствия» (модератор: **И.Н. Молодикова**) результаты своих исследований представили: **Г.И. Осадчая** «Молодые мигранты из Кыргызстана в Москве: оценка уровня и потенциала адаптации», **Е.Ю. Киреев** «Армянская молодежь в России в контексте пандемии COVID-19 и политической нестабильности в Армении», **Е.А. Кублицкая** «Этноконфессиональные представления в условиях интенсификации миграционных процессов в столичном регионе», **И.В. Лютенко** «Оценка миграционных процессов нетрадиционными религиозными группами в столичном мегаполисе» (все – ИДИ ФНИСЦ РАН), а также **М.Ю. Ломоносов** (ТюмГУ) «Автохтонность как пропуск в “парадную” и на “пожарную лестницу”»: Этноисторические мифы в споре о гражданстве Республики (Северная) Македония и других государств Евразии».

Второй день Форума продолжился дискуссионной площадкой «Миграция и здоровье. Должны ли государства платить пенсии и пособия по инвалидности мигрантам, получившим

инвалидность в период работы?» (модераторы: **А.Е. Иванова**, **С.Н. Мищук**). Дискуссия сосредоточилась на обсуждении прав трудовых мигрантов на медицинскую помощь, подходах ВОЗ и международной практике оказания медицинской помощи при инвалидизации трудовых мигрантов, а также перспективах привлекательности трудовых мигрантов для работодателей при изменении условий медицинского и социального страхования (**А.Н. Оставная** (ПГУ им. Т.Г. Шевченко), **Д.А. Сюнякова** (ЦНИИОИЗ Минздрава России)). **А.Е. Иванова** (ИДИ ФНИСЦ РАН) привела мнения российских экспертов по вопросам доступности и адекватности медицинской помощи мигрантам, в том числе на примере лечения некоторых инфекций. Участники отметили необходимость оценки масштабов, структуры и функциональной значимости сложившейся фактической медицинской помощи мигрантам в принимающих странах в рамках существующих законодательных ограничений.

На круглом столе «Вынужденные мигранты, беженцы и политические потрясения» (модераторы: **А.С. Лукьянец**, **М. Афзали**) **А.С. Лукьянец** и **Е.М. Моисеева** (оба – ИДИ ФНИСЦ РАН) подняли вопрос о трактовке в международной практике понятий «климатическая миграция», «климатические беженцы», о необходимости принятия на государственном уровне мер, направленных на снижение негативного влияния изменения климата на международную миграцию. **М. Афзали** (ИДИ ФНИСЦ РАН) рассказал об актуальной проблеме афганских беженцев для Ирана и большинства граничащих с Афганистаном стран. Выступление проф. **Р.А. Мнацканяна** (Центрально-Европейск. ун-т) было посвящено основным тенденциям и масштабам рекреационной миграции в бассейне озера Байкал и её экологическим последствиям.

В рамках круглого стола «Мигранты в цифровой экономике и возможности легализации» (модераторы: **С.Ю. Сивоплясова**, **Т.Р. Мирязов**) были вынесены на обсуждение различные аспекты миграции в условиях цифровой трансформации экономики России. **Г. Алаева** (Ун-т «Туран») рассказала о внедрении цифровых платформ по поиску работы и оказанию государственных услуг, связанных с легализацией мигрантов в странах ЕАЭС. В качестве рисков цифровизации она отметила проблему утечки персональных данных и обеспечение цифровой безопасности. **В.Ю. Леденева** (ИДИ ФНИСЦ РАН) представила результаты исследования «Применение цифровых технологий как инструмента адаптации иностранных граждан в государствах реципиентах». Младший научный сотрудник ФНИСЦ РАН **А.А. Эндрюшко** в своем докладе «Доступ мигрантов к жилью и постановке на миграционный учёт в Москве: предпосылки недокументированности» выявила проблемы, с которыми сталкиваются мигранты при поиске жилья в Москве. Участники круглого стола пришли к общему мнению о многогранности проблемы влияния цифровизации на миграционные процессы как в принимающих, так и посылających странах.

В работе Форума приняли участие свыше 150 человек, в их числе и молодые исследователи, доля которых составила не менее 30%. По итогам работы установлены новые научные связи, подписано несколько соглашений о научном и образовательном сотрудничестве, а также запланировано издание целого ряда научных работ.

С.В. РЯЗАНЦЕВ, М.Н. ХРАМОВА

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, директор Института; заведующий кафедрой (riazan@mail.ru); ХРАМОВА Марина Николаевна, к. физ.-мат. н., зам. директора; доц. (kh-mari08@yandex.ru). Оба – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250019220-5

NEW MIGRATION REALITY IN THE ERA OF COVID-19

Sergey V. RYAZANTSEV, Corresponding Member of RAS, Director; Head Department (riazan@mail.ru); Marina N. KHRAMOVA, Cand. Sci. (Phys. and Math.), Deputy Director; Assoc. Prof. (kh-mari08@yandex.ru). Both – Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; MGIMO University, Moscow, Russia.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

16 ноября 2021 г. на базе социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова состоялась IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Социальная динамика населения и устойчивое развитие». Данное научное мероприятие на регулярной основе проводится представителями кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ. Традиционно конференция собирает широкий круг ученых из разных городов России и зарубежных стран.

В условиях рыночного капитализма под влиянием урбанизации, индустриализации, научно-технических достижений в области здравоохранения и медицины, жилищного строительства, транспортных услуг и в целом модернизации всех сфер жизнедеятельности общества на протяжении XX в. произошли существенные изменения института семьи, семейного образа жизни и рождаемости как в России, так и в других странах мира. В связи с этим, по мнению организаторов, перед научным сообществом стоит необходимость переосмысления и пересмотра тех теорий и подходов, которые накоплены социологами семьи и демографами, и вместе с тем актуализации данных подходов в период пандемии с учетом ее возможных демографических последствий.

В своем вступительном докладе заведующий кафедрой социологии семьи и демографии **А.И. Антонов** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) раскрыл основные причины институционального кризиса семьи и семейно-детного образа жизни в 20-е гг. XXI в., затронул проблемы элиминирования депопуляции в эпоху трансгуманизма. На основе эмпирических данных – межрегионального опроса супружеских пар СеДОЖ-2019 – была рассмотрена проблема неэффективности осуществляемых ныне экономических мер по стимулированию рождаемости. По мнению ученого, выходом из сложившейся ситуации в рамках семейно-демографической политики должны стать приоритизация внеэкономического воздействия по укреплению ценностно-ориентационного единства семьи как социального института и обеспечению его суверенности, а также меры, направленные на сплочение семьи как социально-психологической группы, устойчивость которой будет сохраняться и поддерживаться на протяжении всего жизненного цикла. Докладчиком были отмечены социально-экономические последствия низкой рождаемости, а также негативные последствия высокой смертности, вызванной пандемией COVID-19.

В.А. Кутырев (НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород) обозначил основные проблемы, связанные с гендерной деконструкцией мужской и женской субъективности как значимого фактора трансгуманизации человечества. По мнению ученого, в настоящее время существуют параллельно как «естественная», так и «гендерная» трактовки структуры общества. Однако не стоит забывать о биосоциальной сущности человека: в случае борьбы за всеобщее равенство, когда мужчины и женщины стремятся уравнивать свои позиции в разных сферах, возникает противоречие с естественными различиями людей.

После пленарного заседания работа конференции продолжилась в рамках следующих направлений: составляющие естественного прироста населения; философия демографического познания; брачно-семейные отношения; ценность здоровья и особенности самосохранительного поведения населения; демографические прогнозы с учетом последствий пандемии COVID-19.

В ходе оживленной дискуссии был рассмотрен крайне актуальный вопрос: возможна ли принципиально новая семейно-демографическая политика в условиях депопуляции? Многие участники подчеркивали необходимость: 1) усиления семейной политики, которая обычно ориентирована на защиту прав членов семьи и обеспечения равенства женщин и мужчин, прав пожилых людей, пенсионеров, инвалидов и лиц с ограниченными

возможностями; 2) качественного преобразования семейно-демографической политики, направленной на эффективное выполнение специфических функций по рождению нескольких детей в семье и их семейной социализации; повышению репродуктивной мотивации, репродуктивных установок и потребности в детях; увеличению ценности семьи и детей в обществе. Если эти меры не будут предприняты, убыль населения, к сожалению, не только продолжится в краткосрочной и долгосрочной перспективах, но и вновь увеличится.

Многие эксперты обратили внимание на проблему низкой ценности семьи по отношению к другим ценностям (карьера, образование, высокий доход и пр.) среди современной молодежи. Российские исследователи отмечают, что в молодежной среде усиливается тренд на предпочтение сожительства официальному браку, увеличивается разнообразие мнений по отношению к родительству, абортam, разводам, различным формам совместного проживания и ведения хозяйства. Большинство молодых людей, как показывают многочисленные исследования, соглашались с утверждением типа «ребенку достаточно одного родителя» или «дети больше не являются средством личной самореализации». Довольно толерантны молодые люди и по отношению к альтернативным формам совместной жизни, вплоть до исключения родительства из возможных альтернатив выбора.

Особое место в рамках дискуссий вызвала тема внедрения и массового распространения вспомогательных репродуктивных технологий, затронутая **М.В. Ломоносовой** (СПбГУ, Санкт-Петербург). Различные затруднения, связанные с ухудшением репродуктивного здоровья мужчин и женщин, являются негативными тенденциями на пути реализации потребности в детях и формируют высокий спрос на услуги экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) и суррогатного материнства. Однако многие ученые и эксперты в области медицины, выступившие с докладами по данной проблематике, высказали свои предостережения по поводу того, что новые вспомогательные репродуктивные технологии не могут стать реальным инструментом, влияющим на демографию. В случае их применения могут возникать проблемы со здоровьем будущих детей. К тому же сама процедура ЭКО является крайне дорогостоящей, несмотря на то, что она оказывается эффективной лишь в 30–40% случаев. Важной составляющей рассмотрения этой темы являются также этические аспекты применения новых репродуктивных технологий.

Еще одним направлением обсуждения стали проблемы сбережения населения как одной из приоритетных задач. В этой связи обсуждались вопросы проведения исследований самосохранительного поведения, поиск эмпирических индикаторов мотивов длительности жизни. Было отмечено, что данная задача весьма сложна и пока еще далека от своего решения. Но уже проведенные исследования показали, что в своих представлениях о желаемой и ожидаемой продолжительности жизни семейные люди более оптимистичны. В центре внимания также оказалась взаимосвязь репродуктивного и самосохранительного поведения: ослабление установок детности и потребности семьи в детях может способствовать ослаблению воли к жизни и оказывать воздействие на предполагаемые сроки жизни мужчин и женщин. Другой темой, продолжающей проблематику самосохранительного поведения, стало обсуждение новой здоровьесберегающей политики в условиях пандемии, направленной на формирование у населения ориентаций на здоровый образ жизни, физическую активность и пр.

Также на конференции неоднократно звучала идея о том, что современные СМИ, киноиндустрия и новые медиа формируют у населения искаженное восприятие семейного образа жизни, семейных ролей и связей, показывая их конфликтными, лишенными любви. Тема семейного насилия превалирует над сюжетами, представляющими семью как пространство взаимопомощи, единства и согласия, верности и счастья. В целом семейная тематика давно уже не является основной в сюжетах массовой культуры.

Данная конференция стала площадкой для обсуждения актуальных вопросов семейно-демографической повестки дня: проблем репродуктивного здоровья; распространения идеологии чайлдфри; увеличения среднего возраста вступления в брак и возраста матери при рождении детей; роста числа неполных семей; сокращения числа семей с тремя

и более детьми; увеличения количества проблемных и неблагополучных детей; усиления депривации родителей и детей; роста числа сожительства и разводов; потери привлекательности семейно-детного образа жизни в сравнении с одиночно-холостяцким существованием, снижения имиджа брака и семьи в общественном мнении и пр. Своевременное решение этих вопросов требует консолидации усилий научного сообщества, властных структур и общественных организаций и позволит наметить пути к дальнейшему устойчивому развитию.

Т.Н. ГРУДИНА

ГРУДИНА Татьяна Николаевна, к. социол. н., ст. преп., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (tngrudina@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250018467-6

SOCIO-DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF THE POPULATION AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Tatiana N. GRUDINA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (tngrudina@gmail.com).

© 2022 г.

**Сутерс Джозеф. СОЦИОЛОГИЯ И ВОЕННЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ. КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ
ОСНОВАНИЯ / Пер. с англ. В.В. Белоусовой.
М.: ВЦИОМ, 2021. 251 с. (Электронное издание)**

Книга социолога из Нидерландов представляет современную ситуацию в западной военной социологии. На английском языке она вышла в издательстве Routledge в 2018 г., для русского перевода автор её доработал. Это стало результатом его диалога с проф. И.В. Образцовым, который был инициатором издания книги в России. Дж. Сутерс в предисловии пишет, что именно по предложению российского ученого он написал специальную главу, посвященную П. Сорокину. Эта глава сохранилась и в готовящихся сейчас французском и китайском переводах. Доработки этим не исчерпываются. По всему тексту можно встретить упоминания о военных событиях, которые произошли после первого издания книги.

Дж. Сутерс пишет, что «целью данной книги стало изучение связей между элементами работы социологов-основателей и сегодняшними вызовами, стоящими перед вооруженными силами» (с. 15). Он формулирует и главный, по его мнению, вызов, с которым сталкивается специалист в области военной социологии: «До сегодняшнего дня социология не придавала большого значения изучению собственно военных операций, чаще оставляя эту сферу на откуп историкам и военным экспертам» (там же). Автор книги считает, что такую тенденцию нужно переломить. Это, правда, расходится с его же выводом об изменении ситуации для вооруженных сил во всем мире: «Традиционный бой уже давно не основная и тем более не единственная задача, стоящая перед ними» (с. 26).

Если пока оставить в стороне вопрос о справедливости вывода о перемещении в центр военной социологии проблем военных операций, то все равно возникает диссонанс этого утверждения с содержанием и формой изложения материала в книге. Каждая из её 15-ти глав посвящена одному из социологов-классиков или современному социологу, чьи работы затрагивают проблемы войны и армии. Последовательность имен такова: М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Г. Зиммель, Дж. Аддамс, У. Дьюбуа, П. Сорокин, И. Гофман, М. Фуко, М. Яновиц, Н. Элиас, К. Ламмерс, А.Р. Хокшилд, С. Энло, Б. Латур. Их идеи обсуждаются с привлечением работ десятков других социологов (Л. Козер, Ч.Р. Миллс, Ф. Христия, Дж. Кафорио, А. Прюферт, С. Малешевич и др.). Логика выбора социологов и их работ не всегда понятна. С одной стороны, видимо, он связан с неким консенсусом в западной социологии. В этом состоит одна из ценностей книги: она отражает общий уровень современной западной военной социологии. С другой стороны, это – предпочтение автора. Несмотря на огромное число названных исследователем имен, непонятным остается отсутствие упоминаний о таких значимых авторах, как М. Калдор, М. ван Кревельд или Ф. Хоффман, которые занимаются «новыми» войнами. Прецедент тюрьмы Абу-Грейб, где были задокументированы чудовищные издевательства американских военных над арестованными иракцами, рассматривается в главе о С. Энло. Однако в этом случае странным выглядит молчание о вкладе в расследование этих событий социального психолога Ф.Дж. Зимбардо, чья книга «Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев» давно стала мировым бестселлером и существенно повлияла на мировую общественную науку. Некоторые из упомянутых в книге социологов с не

меньшим основанием заслуживали бы отдельную главу. По крайней мере, это можно сказать о Миллсе.

Впрочем, с Миллсом в книге связан определенный парадокс. Фактически глава о нем есть, но называется она «Карл Маркс: Критический анализ общества и вооруженных сил». О Марксе там сказано лишь то, что он исследовал социальное неравенство и его последствия. Кроме того, упоминается, что он вместе с Энгельсом регулярно писал для европейских и американских изданий статьи по военным вопросам. Последнее утверждение зависает в пустоте, ибо автор об этой стороне наследия основоположников марксизма не говорит ничего. Зато он почти всю главу посвятил разбору идей Миллса, сосредотачиваясь на проблеме американской военной элиты и её влиянии на развитие США. Странно выглядит и то, что глава, формально посвященная Марксу, помещена после глав о Вебере и Дюркгейме. Думаю, это дань западной политкорректности и научному политесу.

Рассмотрение идей выделенных авторов идет монотонно: называется небольшое число тем из их работ, а затем в этом свете обсуждаются современные проблемы, важные, по мнению автора, для современной военной социологии.

Следует особо сказать о главной методологической установке Дж. Сутерса, каковой является различие между функциональной и субстанциальной рациональностями. При их определении он ссылается на К. Мангейма. В книге проводится взгляд, что функциональная рациональность нацелена на действия с ясным набором целей и средств, но ограниченных достаточно узким операционным и замкнутым смысловым горизонтом. Субстанциальная рациональность предполагает независимые суждения с позиции глобальных социальных ценностей. Это различие используется на протяжении всего исследования.

Проиллюстрирую это на нескольких примерах. В главе о Вебере автор останавливается на теории бюрократии, типах лидерства и военной музыке. Дж. Сутерс, очевидно, предполагая известность названных веберовских идей своим читателям, специально их не разбирает. Но, отталкиваясь от идеи рациональной бюрократии, он выделяет ролевое противоречие у современных военнослужащих – они должны выступать и действующими строго в рамках инструкций «максолдатами» и креативными персонами. Нидерландский социолог говорит в связи с этим как об опасности забюрократизирования вооруженных сил, так и об опасности недобюрократизирования их. В забюрократизированных структурах каждая отдельная операция может быть функционально рациональной. Однако вся сумма действий может оказаться разрушительной для общества. Самым чудовищным подтверждением последнему является холокост. Недобюрократизированные структуры опираются на патримониальные связи, а их деятельность порождает произвол.

В главах, посвященных Зиммелю и Гофману, Дж. Сутерс рассматривает фигуру «Чужого». В связи с этим он говорит о роли военного переводчика из местного населения, которому не доверяют наниматели, а местные жители могут рассматривать как предателя.

В главе о Сорокине автор рассматривает сегодняшние отношения между коллективным Западом и РФ. Он считает, что с обеих сторон было непонимание. Его рассуждения довольно просты. Он пишет: «Россия сожалела об утрате своего влияния на соседние страны, бывшие ранее советскими республиками, и отвечала на политическую динамику на Украине гибридными действиями, которые привели к аннексии Крыма в 2014 г. Это событие было воспринято в самой России с энтузиазмом, в то время как на Западе его встретили с серьезными подозрениями» (с. 120). С другой стороны, «в течение последнего десятилетия давление на Россию со стороны стран Запада возрастало, и звучали обещания увеличить бюджет на оборону и безопасность. Стоит вспомнить хотя бы печально известную дискуссию о 2% в НАТО» (там же). Дав такие дипломатически обтекаемые формулировки для процессов, подводящих мир к катастрофе, Дж. Сутерс меланхолически замечает, что все же пока обошлось без войны. Затем следует сентенция: «Как сказал бы Сорокин, сохраняется некоторая нехватка ценностного консенсуса» (там же). Всего и делов то!

К какому же пониманию войны и мира, отношения вооруженных сил и общества пришла западная военная социология? Книга Дж. Сутерса дает об этом представление, в чём

её несомненная ценность. Вооруженные силы представлены как один из «закрытых миров» в современном обществе. Армия – это не только «островной» общественный институт, сохраняющий во многих отношениях секретность, как режим своего функционирования, но это еще и «жадный» институт, требующий всего человека, всего его времени. Поэтому вступление на воинскую службу связано с рядом ритуалов. Они же сопровождают карьерные этапы армейской службы. С униформой человек как бы получает новую кожу, и, как выразилась Хокшильд, «несколько миллиметров плоти» (с. 201). Ему или ей теперь предстоит особым образом контролировать свои эмоции.

«Островной» характер вооруженных сил не отменяет их общей зависимости от характера соответствующего общества, от тенденций его развития. В современности армейские миры существуют между полюсами гражданского контроля и бюрократической регламентации на Западе и патримониализмом и произволом в странах «третьего мира». Судя по тексту книги, между полюсами континуум, а не качественный разрыв. Патримониальные отношения есть и в западных армиях, что находит выражение в высокопоставленных офицерских династиях, для которых есть привилегированные военные школы, и которые существуют в сетях элитных связей правящего класса. Офицеры в США в своем большинстве ориентированы на Республиканскую партию. Но в «развивающихся» странах тоже вводятся бюрократические регламентации для вооруженных сил. Проблема в мере этих элементов.

Интересным является наблюдение Дж. Сутерса, согласно которому армии «развивающихся» стран, которые в первую очередь ориентированы на предотвращение внутреннего переворота, отличаются слабой боеспособностью в случае внешнего конфликта. Это отличает их от армий развитых стран, которые находятся под гражданским контролем.

Порядки неравенств в государствах отражаются в армейских иерархиях. Прежде всего, следует упомянуть об «иерархии военной смерти», когда в боях непропорционально больше гибнет выходцев из низов общества. В глобальном измерении в миссиях ООН значительно чаще принимают участие бедные страны. В западных армиях иерархия, обусловленная бедностью и богатством, дополняется и усложняется расовой иерархией. Когда же возникшие вследствие этих напряжений противоречия накладываются на неудачи военного управления в условиях военных действий, то это ведет к мятежам и убийствам офицеров. Так, во время войны во Вьетнаме в американских войсках было по меньшей мере 10 крупных мятежей. Распространились убийства офицеров, которые выдавались за несчастные случаи. Появился даже специальный термин «фреггинг» (англ. Fragging – от «ручная граната»).

Военная культура цепляется за маскулинность, но гендерные сдвиги в обществе ведут к увеличению доли женщин в вооруженных силах. Дж. Сутерс приводит статистику относительно доли женщин в армиях разных стран: Япония – 5,5%; Китай – 7,5%; Германия – 8,5%; РФ и Великобритания – 10%; Австралия – 12,5%; Канада, США, Франция, Новая Зеландия – 14–16,5%; ЮАР – 26%; Израиль и Эритрея – 30% (с. 215).

Вообще в условиях реальной войны армейские структуры находят возможности обойти бюрократические инструкции и гражданский контроль. В Израиле существуют общественные организации «Бецелем» и «Шоврим штика», которые документируют нарушение прав палестинцев израильскими военными. Дж. Сутерс приводит данные, согласно которым ЦАХАЛ обходит четкие правила, прибегая к пыткам, «сокращенной процедуре» задержания и т.д. В самом Израиле эти организации считают агентами иностранного влияния и постоянно критикуют. Но данная проблема не касается исключительно этой страны. Печальный опыт тюрьмы Абу-Грейб, по мнению С. Энло, связан с общим организационным климатом в вооруженных силах США. Дж. Сутерс пишет о дедовщине в армии РФ. Он даже предлагает довольно наивный рецепт его преодоления: «У солдат, находящихся под угрозой в казармах, должна быть возможность конфиденциального общения со своим официальным руководителем» (с. 130). Армейский корпоративизм поддерживает в обществе

милитаризм, который Дж. Сутерс определяет как «совокупность идей, подпитывающих военные ценности и убеждения, как в военной, так и в гражданской сфере» (с. 209).

Во всем мире между вооруженными силами наблюдается тенденция усиления изоморфизма, что связано с выполняемыми функциями, использованием одинаковых систем вооружения. Но это пока не отменяет национальных стилей военной деятельности. Весьма любопытными являются приводимые Дж. Сутерсом выводы его земляка Корнелиса Ламерса о стилях оккупации, особенно об американском стиле: «Он обнаружил характерную закономерность: американские интервенции в основном краткосрочны, часто называются "освободительными" и нацелены на защиту собственных интересов. Американцы склонны навязывать свою волю через местные и квазиместные элиты, без излишних переживаний о судьбе граждан» (с. 187).

В военном сотрудничестве между странами существенную роль продолжает играть степень культурной близости. Особенно она себя проявляет в сфере разведки: «Сегодня в вооруженных силах по-прежнему можно наблюдать осторожность, даже подозрительность, например, в том, как так называемые «Пять глаз» (США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия) делятся друг с другом важной информацией по военным вопросам, исключая остальных, скажем, Германию, даже несмотря на то, что она тоже входит в НАТО (в то время как Австралия и Новая Зеландия туда не входят). Здесь легко узнать анализ Грановеттера и Берта в отношении избранных партнеров в сочетании с зиммелевскими соображениями о тайных обществах» (с. 75).

Мир меняется и в соответствии с этим меняются вооруженные силы. Все чаще они задействуются в миротворческих за рубежом и в спасательных операциях внутри страны. Часто возникают ситуации, когда мир мало чем отличается от войны. Прецедентным для Запада стал ураган Катрина 2005 г. Тогда для спасательной операции в Новом Орлеане было задействовано 63 тыс. сотрудников Национальной гвардии и военнослужащих. Они столкнулись с чудовищным распадом социальных связей. В условиях разрушений и техногенных катастроф город охватили мятежи, грабежи и насилие. Военнослужащим приходилось бороться и со стихийным бедствием, и с мятежниками.

В мире ширятся замороженные конфликты, в которых задействованы миротворцы ООН. Дж. Сутерс реалистически относится к этим миссиям. Миротворческие силы сами по себе конфликты не решают. Скажем, на Кипре они находятся с 1964 г. Присутствие миротворцев в чуждой им этнической среде порождает множество новых проблем: усиливается социальное неравенство, развивается проституция и т.д. В миссиях ООН преимущественно заняты военные из «развивающихся» стран. Для солдат западных стран они не представляются привлекательными, ибо «миссии ООН обычно более ориентированы на сохранение мира, что не воспринимается многими западными солдатами как военная "премьер-лига"» (с. 59).

Особенно тревожные явления в развитии вооруженных сил во всем мире связаны с товаризацией и отчуждением от основной массы населения военной деятельности. Дж. Сутерс пишет, что с окончанием холодной войны в США и ряде других стран Запада была ликвидирована призывная служба. По его мнению, «с тех пор развитие по направлению к превращению военной деятельности в товар продолжается. Следуя по пути, проложенному в бизнес-секторе, на повестке военных организаций появился вопрос передачи деятельности на аутсорсинг на рынке» (с. 60). Начали формироваться частные военные компании (ЧВК). Ведущую роль здесь играли США, Великобритания и Канада. Сейчас этот вид деятельности стал глобальным. Услугами ЧВК пользуются не только государства, но и транснациональные корпорации, оппозиционные группы и т.д. Государства, становящиеся ареной деятельности ЧВК, теряют монополию на легитимное насилие. Персонал ЧВК формируют не только из бывших военнослужащих, но из боевиков негосударственных структур. Так, Дж. Сутерс пишет, что они «склонны нанимать персонал среди бывших детей-солдат Африки» (с. 62). Сейчас на этом рынке сформировалось глобальное неравенство в заработной плате среди контрактников из разных стран.

Нидерландский социолог отмечает, что в военной деятельности почти уравнилась численность между регулярными войсками и различными контрактниками: «Во время войны во Вьетнаме в 1960-х и начале 1970-х годов соотношение между регулярными войсками и аутсорсинговыми контрактниками было 100:1, а сегодня приближается к 1,5:1» (с. 61).

Книга Дж. Сутерса, несмотря на фрагментарность и спорность отдельных положений, несомненно, будет полезной для развития военной социологии во всем мире. Она призывает рассматривать проблемы военной деятельности с точки зрения субстанциональной рациональности, что «предполагает критическое изучение любого определения реальной обстановки в мире» (с. 248). Она ориентирована на диалог, ибо автор полагает, что «англоязычный мир в значительной мере ограничен» (с. 12). Автор сам полагает, что она «будет способствовать сокращению этой дистанции взаимного непонимания и недоверия» (там же).

А.Ф. ФЕДОРОВ

ФЕДОРОВ Александр Федорович – доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, Украина (kononov_if@ukr.net).

DOI: 10.31857/S013216250018106-9

SOETERS JOSEPH. SOCIOLOGY AND MILITARY STUDIES CLASSICAL AND CURRENT FOUNDATIONS. Moscow: VCIOM, 2021. (Electronic edition). Reviewed by A.F. Fedorov

Alexander F. FEDOROV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Independent researcher, Ukraine (kononov_if@ukr.net).

© 2022 г.

Šubrt J. The Sociology of Time: A Critical Overview. Cham: Palgrave Macmillan / Springer, 2021. 283 p.

Книга известного чешского социолога И. Шубрта «Социология времени: критический обзор» обобщает предыдущие теоретические осмысления и публикации автора¹ и критически освещает подходы, концепции и теории ключевых западных социологов, для которых время является всепроникающей категорией или вплетено в другие теоретические построения. Автор как специалист в области исторической социологии не мог не включить в монографию историко-социологическую перспективу с выходом на уровень междисциплинарных исследований. На наш взгляд, именно это позволяет ученому переместить «социологию времени» с периферии общей социологической теории в более широкую дискурсивную рамку. Соединение темпорализованной социологии с исторической социологией и с концепцией долгосрочных социальных процессов – ключевой момент книги.

Для автора «социология времени» – собирательный термин всех областей социологического исследования времени, в той или иной степени связанных с эмпирическими исследованиями. В основном это исследование временных ориентаций и перспектив, исследование графика жизни общества и временных структур его подсистем, а термин

¹ Напр., см.: Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 3–11; Шубрт И. Идея времени как социальной категории Э. Дюркейма: взгляд на одну теоретическую загадку // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 98–106.

темпорализованная социология касается применения времени в социологической теории. Однако название книги не должно вводить читателя в заблуждение и создавать впечатление, что она посвящена только времени. Социология конструирует социальный мир как пространство (упорядоченность) – время (изменчивость), где время определяет параметры упорядоченности. Для автора, судя по всему, пространственно-темпоральный характер социологического познания настолько естественен, что он не посчитал необходимым ввести категорию пространства в название книги, однако придерживался этой рамки в логике своих размышлений на протяжении всего исследования.

Книга состоит из нескольких концептуальных блоков, оформленных посредством десяти глав. Во вступительной главе автор объясняет, как происходила проблематизация времени в социологии, в результате которой возник запутанный лабиринт (или, по словам Б. Адам, «лабиринт концептуального хаоса»), и как в нем можно ориентироваться. Выход из сложившегося положения автор видит в решении трех вопросов: (а) конституирование времени как социальной категории, (б) функционирование временных структур на разных уровнях социальных систем и (в) определение места и роли времени в общей социологической теории. В дальнейших главах автор объясняет, как решались выявленные им проблемы в социологическом теоретизировании. Категория времени рассматривается в цивилизационном процессе и как социальная категория в соотношении с человеческими действиями и как ключ к анализу реальности. В главе, посвященной роли времени в теоретических системах социологии в конце XX в., конкретного внимания удостоиваются Н. Луман и Э. Гидденс. Для Лумана проблема темпорализации связана с одной из основных тенденций социальных систем – уменьшением сложности. Для Гидденса эта проблема связана с разными типами темпоральности, относящимися к разным уровням структурирования. Оба автора отвергают телеологическую концепцию развития, которая была характерна для прежнего образа мышления, и вместо этого предлагают идею открытого будущего. Также автор совершает экскурс в область астрофизики, термодинамики и в теорию хаоса, где подчеркивает значение термодинамики, разработанной И. Пригожиным и его Брюссельской школой, для понимания времени, и рассказывает о «стрелах времени». В дальнейшем автор будет использовать эти теории в их приложении к социологии. Интересен и критический разбор некоторых теорий. На наш взгляд, особый интерес представляет последняя глава, где ученый излагает свои представления о дальнейших перспективах исследования категории времени, выходящих за рамки социологических наук.

В целом, книга, полифоничная по структуре, строится на конфронтации двух подходов к пониманию времени: концепция времени как социальной конструкции, по мнению автора, игнорирует тот факт, что движение к концу, проявляющееся в так называемой «стреле (стрелах) времени», существует во многих формах совершенно объективно.

Свой анализ автор начинает с времени в исследованиях проблемы долгосрочного исторического развития. Так, в главе «Время и цивилизационный процесс» автор обращается к Н. Элиасу, который рассматривал проблему времени в контексте цивилизационного процесса. Эта перспектива позволяет наблюдать, как человеческое понимание времени и истории, его измерение и управление им менялись на протяжении веков. Читателю, безусловно, будет интересно узнать, почему Л. Мамфорд считает часы, а не паровой двигатель «ключевой машиной индустриальной эпохи», о роли средневековых монастырей в проблематике времени, о М. Вебере и его взглядах на влияние протестантской этики на развитие капитализма, а также о политической экономии Маркса, в которой расходование времени (рабочей силы) становится важнейшим экономическим законом.

Время – величина в первую очередь философская. Каким образом она может быть конституирована как социальная категория? Первым социологом, обратившимся к категории времени, автор считает Э. Дюркгейма (и его школу), который установил, что первичные формы классификации, включая абстрактные размышления о времени

и пространстве, имеют социальное происхождение и зависят от конкретной формы общества. Время у Дюркгейма, пишет автор, было прежде всего выражением ритмов общественной жизни, а точнее, ритмов коллективной деятельности и их повторения. Однако, отмечает автор, Дюркгейм оставил в стороне вопрос темпоральности человеческого существования, его конечности. Несмотря на это, концепция Дюркгейма стала отправной точкой дальнейших размышлений на смежные темы, таких как вопрос периодизации исторического времени и теория коллективной памяти М. Хальбвакса. Дюркгейм повлиял на структурализм, в рамках которого Ф. Бродель сформулировал тезис о существовании в исторических исследованиях трех временных планов: времени короткой продолжительности, времени социальных циклов и *longue durée* – времени большой протяженности. Позднее это послужило основой концепции американского социолога И. Валлерстайна о различных типах пространства-времени, с которыми можно работать в исторической социологии. Валлерстайн считал, что настоящее определяется прошлым в гораздо большей степени, чем социология, зацикленная на настоящем, была готова признать.

Автор исследует, как вопрос времени уловили и разработали последователи Дюркгейма, в частности, в культурной антропологии, где К. Леви-Стросс обозначил различия между «холодными» и «горячими» обществами по критерию того, как люди относятся к историческому времени. Современные «горячие» общества в своем мышлении подчеркивают течение исторического времени и связанные с ним изменения. С другой стороны, «холодные» общества склонны игнорировать этот поток и даже аннулировать его посредством определенных ритуалов. Своеобразный рывок в исследовании времени совершил П. Сорокин (в сотрудничестве с Р.К. Мертон), который попытался ввести в социологию понятие «социального времени», отличного от других времен, таких как биологическое, психологическое или экономическое. Впоследствии Сорокин назовет это время «социокультурным». По сути, это качественное время, которое не течет равномерно, а прерывается критическими событиями. Г. Гурвич в этом отношении пошел дальше, заявив, что о «социальном времени» нельзя говорить в единственном числе, необходимо использовать множественное число. Согласно Гурвичу, существует большое количество социальных периодов, которые действуют на разных уровнях социальной реальности и различаются своим течением. Автор рецензируемой книги занимает критическую позицию по отношению к идее множественности времен, так как, по его мнению, время путают с движением, происходящим во времени.

Также в фокусе внимания автора оказываются интерпретирующая социология и связанная с ней теория действия в концепциях Дж. Герберта Мида и А. Шюца. Мид обращает внимание на тот факт, что в реальности постоянно возникают новые события, которые заставляют нас каждый раз создавать на основе каждого из них наши представления о прошлом, предшествовавшем этому событию, и в то же время мы создаем новые идеи о будущем, которое должно последовать. Феноменологическая социология Шюца основана на связи теории действия Вебера с феноменологией Гуссерля. С этой точки зрения делается ряд заключений о положении человека в обществе и о связи его действий со временем.

В финальных главах «Баланс и перспективы» и «Эпиолог» излагаются темы, которые автор считает проблемными и заслуживающими критики в исследуемой области. Он выступает против представлений о качественной природе социального времени и множественности различных типов времен и утверждает, что эти концепции основаны на ошибочных выводах о самой природе времени из изменений во временных структурах, которые вызваны изменением движения, в них происходящего. Он формулирует свои идеи об основах, на которых должны базироваться дальнейшие исследования времени в социологии. Он считает принципиальным признание временной необратимости. Можно констатировать, что выводы книги выходят за рамки историко-социологической

перспективы, которая акцентирована в отдельных главах, и могут служить отправной точкой междисциплинарных исследований.

В целом, книгу можно охарактеризовать как удачную попытку обобщения накопленного западного социально-философского опыта осмысления категории времени. Однако, поскольку автор видит перспективу исследования времени в междисциплинарности, можно заметить, что он упускает из внимания концепцию пространства-времени, разработанную российскими мыслителями с мировым именем и оказавшую влияние на западную мысль, – например, введенный физиологом А.А. Ухтомским термин «хроно-топ», впоследствии перенесенный М.М. Бахтиным в гуманитарную сферу.

И. ШУЛЬЦ

ШУЛЬЦ Ирина – аспирантка программы Историческая социология, факультет гуманитарных исследований, Карлов университет, Прага (Чехия) (irina.sulc@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250018756-4

Šubrt J. The Sociology of Time: A Critical Overview Cham: Palgrave Macmillan / Springer, 2021. Reviewed by I. Šulc

Irina ŠULC, postgraduate student of the Historical Sociology program, Faculty of Humanities Studies, Charles University, Prague, Czech Republic (irina.sulc@gmail.com).

Коротко о книгах

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ / Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с.

Коллективная монография подводит итоги трехлетней работы по проекту, посвященному исследованию социального благополучия в изменяющемся и стабильном обществах. Авторы рассматривают теоретико-методологические вопросы изучения социального благополучия (в частности, теоретические модели и проблемы измерения), факторы социального благополучия, а также представляют результаты эмпирических проектов, анализирующих различные аспекты социального благополучия на данных российских регионов. Также авторы обращают внимание на международный сравнительный аспект данной исследовательской проблематики: российские показатели благополучия сравниваются с европейскими, анализируются факторы «скандинавского феномена» благополучия и др.

Для научных сотрудников и специалистов в области социологии, а также для всех интересующихся проблематикой современной общественной науки и динамикой социальных изменений.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: АРХИТЕКТОНИКА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ / Отв. ред. В.В. Козловский. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с.

Монография посвящена исследованию меняющихся основ, структурных особенностей и перспектив цивилизационного развития российского общества в условиях динамичного современного мира. В центре внимания – ключевые вопросы цивилизационного устройства России; социальных, культурных, структурных и институциональных перемен в нашей стране. Для раскрытия механизмов и форм исторической трансформации советского и постсоветского общества применяется один из фундаментальных теоретико-методологических инструментов современного цивилизационного анализа – концепция множественных модерностей (современностей). Критическое изучение многообразия исторических типов порядка, уклада, идентичности и культуры российского общества нацелено на понимание стратегических путей, сценариев и потенциала их цивилизационной эволюции.

Для всех интересующихся исторической судьбой, цивилизационным своеобразием и местом российского общества в мировом цивилизационном процессе.

Сутерс Дж. СОЦИОЛОГИЯ И ВОЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ / Под ред. И.В. Образцова; пер. с англ. В.В. Белоусовой. М.: ВЦИОМ, 2021. 352 с.

Книга посвящена анализу возможностей социологической науки для понимания структуры, особенности функционирования и эффективности современных вооруженных сил в предотвращении и разрешении военных конфликтов. Анализируется вклад в развитие военных исследований классиков социологии (М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса, Г. Зиммеля, Дж. Аддамса, У. Дьюбуа, П.А. Сорокина) и более современных ученых (Э. Гофмана, М. Фуко, М. Яновица, Н. Элиаса, К. Ламмерса, А.Р. Хокшильд, С. Энло, Б. Латтура). Рассматриваются идеи, теории и результаты эмпирических исследований, посвященных различным тематикам, среди которых военная бюрократия, военная музыка, связи в первичных группах и проявление эмоций, сохранение мира, расовые и гендерные проблемы, стили военного руководства, взаимовлияние в вооруженных силах науки и техники. Автор также определяет перспективные направления развития военной социологии: выход за пределы изучения гражданско-военной проблематики и переход к исследованиям непосредственно в районах проведения военных операций.

Работа представляет интерес для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся социологическими проблемами предотвращения и разрешения военных конфликтов в мире, развития современных вооруженных сил и гражданско-военных отношений.

«Я ЗНАЮ, ЧТО ТАК ПИСАТЬ НЕЛЬЗЯ»: ФЕНОМЕН БЛОКАДНОГО ДНЕВНИКА / Под науч. ред. Н.А. Ломагина. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2022. 462 с.

Книга посвящена блокадным дневникам, сбором и исследованием которых занимается Центр изучения эгодокументов «Прожито» ЕУСПб. Авторы анализируют практики ведения дневника в блокадном Ленинграде, рассказывают о его функциях, назначении, жанровых особенностях и содержании. Рассматриваются записи, которые велись людьми самых разных возрастов и социальных групп – от школьников до представителей партийной номенклатуры. В книге представлены семь наиболее характерных в жанровом отношении текстов, показывающих разные грани блокадных дневников. Авторы также осмысливают место дневников в структуре культурной памяти о блокаде Ленинграда и их символическую значимость для различных этапов ее осмысления, в том числе для современности.

МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ / Отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 598 с.

Монография является продолжением цикла работ, написанных по результатам комплексного исследования проблем малых городов в современной России, проведенного Центром региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с другими подразделениями ФНИСЦ РАН и региональными партнерами в 2019–2021 гг. Данная монография посвящена проблемам места и роли малых городов в поселенческо-расселенческих структурах – в агломерациях, конурбациях, мегалополисах, локализованных социально-территориальных образованиях, на территориях, удаленных от больших городов. Предлагаемая авторами смешанная методология позволяет разрабатывать научно обоснованные стратегии социально-экономического и социокультурного развития малых городов.

Книга представляет интерес как для научных сотрудников и специалистов в социологии и регионоведении, так и для специалистов в области управления на местном, региональном и федеральном уровнях.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ: сборник статей / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 112 с.

В сборнике публикуются статьи, посвященные анализу взаимодействия региональной социологии с органами власти в интересах стратегического развития территорий, подготовленные ФНИСЦ РАН по инициативе Экспертного совета по вопросам развития региональной и муниципальной науки при Комитете Государственной думы по образованию и науке.

Сборник адресован социологам, политологам, специалистам в области регионального управления, преподавателям общественных дисциплин и всем интересующимся проблемами развития российских регионов.

Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. МИГРАНТЫ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ: РАССЕЛЕНИЕ, КОНЦЕНТРАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 226 с.

Монография посвящена особенностям расселения мигрантов в российских городах, которые изучаются в сравнении с ситуацией, характерной для других государств. Авторы описывают опыт предыдущих отечественных и зарубежных исследований; рассматривают характеристики расселения мигрантов в глобальных городах на примере Москвы, Парижа, Сингапура и Сиднея; формулируют классификацию характеристик проживания мигрантов в Москве и Московской области; выделяют детерминанты возникновения мест резидентной концентрации в российских городах; описывают принципы принятия резидентных решений мигрантами в нашей стране.

Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Письменная Е.Е. РУССКОЯЗЫЧНАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗА РУБЕЖОМ. М.: Экон-Информ, 2021. 129 с.

В монографии освещаются тенденции и социально-демографическая структура эмиграции в 1990–2020 гг., география расселения и социально-экономическая активность русскоязычных сообществ за рубежом. Рассматриваются особенности государственной политики Российской Федерации в отношении молодежной возрастной когорты соотечественников.

Книга предназначена для ученых, исследователей, аспирантов в сфере демографии и социологии молодежи, а также для всех интересующихся данной тематикой.

Подготовила А. ГОВОРОВА

УТОЧНЕНИЕ

В статье Тихонова А.В., Мерзлякова А.А., Почестнева А.А. «Феномен латентного группообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации», опубликованной в № 10 2021 г., в аффилиации автора А.А. Почестнева правильно читать: Почестнев Александр Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет), научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (apochestnev@yandex.ru).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2021. Т. 27)

- № 4.** Руднев М.Г. Социальный статус людей старшего возраста в сравнительной перспективе: особенности посткоммунистических стран; Окольская Л.А. Российские родительские ценности в межстрановом контексте с 1990–1991 по 2017–2020 гг.; Богомолова Е.В. и др. Антикризисные трансформации корпоративной культуры российских компаний во время пандемии COVID-19; Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей в школьном образовании: роль территориальных факторов; Василькова В.В., Легостаева Н.И. Боты на публичных аренах социальных сетей; Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Сайты компаний-разработчиков как источник данных об искусственном интеллекте. Сравнительный анализ Google, Yandex и Baidu; Гаврилов К.А., Бутылко М.В. Восприятие традиционных рисков и киберрисков: опыт использования «психометрической парадигмы»; Попов Е.А. Социальные функции сельского учителя (на примере Алтайского края и Республики Алтай).

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

(2021. Т. 24)

- № 4.** Лушникова О. Стратегии адаптивного поведения сельских мигрантов (на примере основных этнических групп Хакасии); Туракаев М. Временная трудовая миграция в России: актуальные вопросы и социологические исследования; Крокинская О. Университетские преподаватели в условиях пандемии: травматический социальный опыт дистанционного обучения; Григорьева А. Успешность аспирантов в области социальных наук: роль научного руководителя; Бессчетнова О., Майорова-Щеглова С. «Собственно, с ними я и выросла...»: взаимоотношения поколений через призму ретроспективных воспоминаний современной молодежи о детстве; Русинова Н., Сафронов В. Ассоциации ценностей и самооценок здоровья в культурных контекстах европейских стран; Черняева К. и др. Медийное конструирование российских профессиональных династий и профессиональных групп в эпоху перемен (1990–2002); Власова Т., Обухов К. В поисках «ижевского мифа»: символическое пространство города как ресурс развития территорий; Цумарова Е. Парадокс общественного участия в программах благоустройства: вовлеченность растет, доверие снижается.

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2022. Т. 31)

- № 1.** Константиновский Д.Л., Попова Е.С. От восприятия перемен – к изменению социального поведения; Трубникова Е.И. Обмен дарами в академической среде: хищнические практики, ложные сигналы и конфликт интересов в программах превосходства; Губа К.С. Наукометрические показатели в оценке российских университетов: обзор исследований; Дежина И.Г., Сорокин А.Н. Проект 5–100 в восприятии сотрудников университетов; Курбатова М.В. и др. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа; Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции; Коротаев С.А., Гасюкова Е.Н. Политические предпочтения: эффект экономической уязвимости; Макаренцева А.О. Динамика вступления в материнство в современной России; Русских С.Н. Роль Русской православной церкви в продвижении государством традиционной семьи в рамках семейной политики.

**МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ:
Экономические и социальные перемены
(2022)**

№ 1. Подлипская О.Г. Длительность интереса жителей США к террористическим актам: зависит ли она от политических взглядов?; Стукал Д.К., Филиппов И.Б. Продвижение лидера или популяризация повестки? Агентно-ориентированная модель применения ботов в социальных сетях; Мареева С.В. и др. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность?; Дорханов И.А., Соколов Б.О. Конфессия, религиозность и антииммигрантские настроения в Европе: анализ данных Европейского социального исследования; Чумаков В.И. и др. Динамика социально-экономического положения населения Волгограда и Волгоградской области в период второй волны пандемии коронавируса; Адамович К.А. Образовательные траектории российских учащихся после 9 класса в 2000–2017 гг.: типы региональных ситуаций и предикторы различий; Любичская К.А. и др. Семейное образование в России: барьеры и механизмы их преодоления; Харченко К.В. Удовлетворенность старшеклассников школой: слагаемые, факторы, следствия; Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Высшее образование в режимах государств всеобщего благосостояния: обзор исследований; Кузнецов А.Е. и др. Русскоязычная версия шкалы региональной идентичности; Кисленко И.Ю. Южная теория: существует ли социология за пределами западного канона?; Шантырева Л.В., Тюленева К.С. Факторы восприятия селебрити в коммуникации по вопросам здоровья о ВИЧ; Ганьшина Е.Ю. Какие методы работы с организационными изменениями поколение Z считает наиболее эффективными: взгляд на перспективу; Хоркина Н.А. и др. Способствует ли физическая активность молодежи отказу от вредных привычек?; Рощина Я.М., Куфлина Е.Д. Типы социального капитала россиян и их детерминанты; Низамова Л.Р. Многоязычие и «третьи» языки в массовом сознании жителей Республики Татарстан; Кобыща В.В. и др. Жилищные траектории. Обзор зарубежных и российских исследований.

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

(2021)

№ 4. Волкова Н.А. «На что я могу надеяться?» Социология надежды и права в городских исследованиях; Мохов С.В. Умереть в России: институциональная антропология хосписного ухода; Корбут А.М. Социальное дистанцирование как кооперативное действие: аффилиация и дизаффилиация во время пандемии; Кловайт Н. и др. Безмолвный разговор: конструирование виртуального собеседника в образовательном вебинаре; Вахштайн В.С. Город как ассамбляж: к теории гетерополиса; Погудина В. Повседневное взаимодействие как коллективное исполнение: к теории имплицитной синхронизации; Кузнецов А.Г., Руденко Н.И. Как объяснить технологические аварии? «Человеческий фактор», социальный конструктивизм и онтологический поворот в изучении неопределенностей беспилотных автомобилей; Волкова М.Д. «Критика антропологического разума»: несомненная истина и кубинские предсказатели; Шевченко В.С. После метода – только гипер-Хаос: ограничения теории социологического метода Джона Ло; Бардина С.М. Эпистемическая значимость последовательных ложных воспоминаний; Пресняков И.В. Макс Вебер о «свободе от оценки» и «трезвости суждений»: от моральной силы университетов к силе «личности»; Вебер М. Осенние евангелические социальные курсы в Берлине.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2021. Т. 20)

- № 4.** Филиппов А., Корбут А. Пертурбации приватного и публичного в условиях COVID-19; Корбут А. COVID-19 и серая зона следования правилам; Белов М. Расширение правопорядка в период пандемии: российская перспектива; Литвина Д., Темкина А. Академические работники на карантине: рефлексивность и уязвимость привилегированной группы в начале пандемии; Атанесян А. и др. COVID-19 в виртуальных сетевых коммуникациях: эффекты «спирали молчания»; Баньковская С. и др. От изоляции к насилию: изменения домашней среды в иранской семье в условиях COVID-19; Шепетина К. Влияние пандемии COVID-19 на практики категоризации пассажиров общественного транспорта: случай Московского метрополитена.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

(2021. Т. 9)

- № 4.** Вебер А.Б. О роли целеполагания в человеческой деятельности и в социальном развитии; Аникин В.А., Слободенюк Е.Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за последние 20 лет?; Каравай А.В. Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования; Шлыкова Е.В. Готовность к риску как адаптационный ресурс: субъективные оценки взрослого населения России; Сикевич З.В., Федорова А.А. «Мы» и «они»: динамика социальной дистанции «Россия–Запад» в реальном и виртуальном пространстве; Константиновский Д.Л. В поисках источника образовательного неравенства; Чередниченко Г.А. Пути к заочному обучению в вузе и его использование; Щеголькова Е.Ю. Характер межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Саха (Якутия) в период пандемии; Кузнецов И.М. Долгосрочные планы и потенциал социально-культурной интеграции мигрантов (на примере Республики Саха (Якутия)); Жаворонков А.В., Воронина Н.С. Отношение к иммигрантам в массовом сознании европейцев. Часть 3. Некоторые аспекты динамики смысловых полей; Мукомель В.И. Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда; Пешкова В.М. Эволюция «этнического» бизнеса в России: сравнительный анализ предпринимательства мигрантов из Азербайджана и Кыргызстана; Мерзляков А.А. Социологическое измерение субъектности населения в условиях реализации национальных проектов; Кулагина Е.В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью в государствах благосостояния: охват помощью и антикризисное регулирование. Часть 2; Коростелева Л.Ю. Университеты научно-образовательных центров мирового уровня и их значение в показателях деятельности и развитии регионов; Шилова В.А. Изменения образа и условий жизни населения сельской местности Центрального федерального округа России как фактор динамики человеческого капитала.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2021. Т. 12)

- № 4.** Найдено В.Н. Факторы, влияющие на деятельность по предотвращению и пресечению этноконфликтов в Российской Федерации; Григорьева К.С., Эндрюшко А.А. Доступ мигрантов к жилью в России: методика оценки и результаты экспериментального исследования; Капицын В.М., Шапаров А.Е. Инокультурные иммигранты в политической повестке Дании; Возьмитель А.А. Объективные и субъективные характеристики успеха постсоветской молодежи; Воронина Н.С. Мотивации волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций; Пантин В.И. Цивилизационные особенности развития России в контексте современных социальных трансформаций; Богатова О.А., Макарова Г.И. Проблематизация вопросов развития нестоличных городов в работах советских и российских исследователей; Константиновский Д.Л. Отношение к про-

фессиям как индикатор социальных изменений; *Гармонова А.В. и др.* Ценности современных российских студентов в контексте трансформации системы высшего образования; *Галкин К.А.* Коронавирус в повседневности пожилых людей в сельской местности Республики Карелия.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

(2021)

№ 6. *Ахременко А.С., Бродовская Е.В.* Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля; *Климова А.М. и др.* Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России; *Расторгуев С.В., Тянь Ю.С.* Протестный экоктивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса»); *Порецкова А.А., Савин Н.Ю.* Мемы как инструмент консолидации протестного движения (на примере коротких видео социальной сети TikTok); *Володенок С.В., Федорченко С.Н.* Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения; *Беленков В.Е.* Влияют ли проникновение Интернета и онлайн-цензура на успешность репрессий в противодействии уличной протестной активности в долгосрочной перспективе?; *Парма Р.В.* Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах; *Сирмаи Э.* От Свободного университета до #freeuniversity: активизм студентов и преподавателей в офлайн- и онлайн-пространстве в Венгрии; *Домбровская А.Ю.* Репрезентация гражданской активности российской молодежи в социальных медиа; *Петров А.П. и др.* Важна ли сетевая структура для протестной мобилизации? Результаты агентно-ориентированного моделирования; *Данилова В.В. и др.* Пайплайн для графического мониторинга динамики информационного пространства российских социальных сетей в период карантина; *Азаров А.А. и др.* Гражданский активизм российской молодежи в цифровой среде как предиктор активности офлайн: результаты массового опроса и мультиагентного моделирования; *Бабаян В.В., Туробов А.В.* И неуникально, и неуниверсально: восприятие риска и принятие технологии онлайн-голосования гражданами России; *Белоусов А.Б., Давыдов Д.А.* От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области; *Звоновский В.Б. и др.* Политическая мобилизация российской оппозиции на примере акций протеста в январе 2021 года; *Соколов Б.О., Завадская М.А.* Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России; *Монусова Г.А.* Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян; *Якобсон Л.И. и др.* Корпоративное управление в НКО: теории и российская практика; *Григорьева К.С.* Исследования надзора: основные направления и теоретические подходы; *Фролова Е.В. и др.* Реализация модели «сити-менеджер» в России: ограничения и преимущества; *Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э.* «Система социологии» Питирима Сорокина и системно-коммуникативный подход; *Казун А.Д., Поршнева А.В.* Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и на Украине; *Овчинникова И.Г. и др.* Нужна ли красная таблетка: гидроксихлорокиновые войны в «Твиттере»; *Коржук С.В.* (Не)доступная городская среда: реакции пользователей Youtube на условия передвижения людей с инвалидностью.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2022. Т. 23)

№ 1. *Шабанова М.А.* Выбрасывание продуктов и практики по «спасению еды» в России (микроуровень анализа); *Слободенюк Е.М.* Мобильность россиян в координа-

тах жизненных шансов и рисков; Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей; Лукьянова А.Л. Самозанятость, вторичная занятость и неравенство трудовых доходов в России (2000–2014 гг.); Ермолин И.В. и др. Методологические вызовы полевых исследований нелегального рынка биоресурсов.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2022)

- № 1.** Грэм Т. Россия и США на мировой сцене. Часть I. Далекие друзья превращаются в соперников; Маслова Е.А. Глобальный зеленый императив: место России в международном климатическом режиме; Зарубина Н.Н., Кравченко С.А. «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал; Апанович М.Ю. Только лишь перемещение в пространстве? Миграция в свете концепций справедливости; Иванова Н.И. Развитие цифровых технологий и новые задачи государственной антимонопольной политики; Кирьянов И.К., Панов П.В. Регионалистские проекты в неэтнических регионах России: акторы, легитимация, эффективность; Касимов Р.Х., Акулич М.М. Ареальная языковая политика; Парма Р.В. и др. Влияние политических институтов на экономический рост в странах мира; Трудолюбов А.С. Политический фундамент мегаполиса: проблемы субъектности городских районов в современной России; Недяк И.Л. Концептуализация власти в современном научном дискурсе господства; Боришполец К.П. Конкуренция великих держав в XXI веке: российские подходы и российский дискурс.

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(2021. Т. 19)

- № 4.** Курленкова С. Исследования инвалидности; Колядов Д.М. О социальной природе коммуникативных нарушений: производство коммуникативной (не)компетентности во взаимодействии; Руднева Е.А. Разговор в инклюзивной мастерской; Курленкова С. Кто говорит через мой синтезатор речи? Некоторые функции поправки, инициированной другим, в дополненной коммуникации; Хиггинботам Д. и др. Запись и транскрибирование взаимодействий пользователей средств альтернативной коммуникации; Утехин И.В. и др. Интеллектуальная инвалидность и рассказы из жизни: наблюдения над устными нарративами; Ерофеева М.А. Интерсубъективность в асимметричном взаимодействии; Ярская-Смирнова В.Н., Сорокина Н.В. «Я хочу в те времена, когда не было пандемии»: темпоральность кризиса COVID-19 в жизни людей с инвалидностью; Синицын В.В., Запорожец О.Н. Практики ориентирования и самостоятельного передвижения незрячих людей в городской среде; Бугровский А.И. Всероссийские общества людей с инвалидностью: природа инерционности во взаимодействии с органами власти; Кожушко Л.А., Владимирова О.Н. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития сопровождаемого проживания инвалидов; Бархатова Л.А. Обзор онлайн-этнографических исследований сообществ людей с инвалидностью; Курникова М.В., Придатченко М.В. Семья ребенка с инвалидностью в сфере адаптивной физической культуры: социально-правовые аспекты.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2021. Т. 12)

- № 4.** Рабкин Я.М., Ащеулова Н.А. Интервью к 50-летию юбилею XIII Международного конгресса по истории науки (Москва, 18–24 августа 1971 г.); Дмитриев И.С., Щербак Н.Ф. Часы и категория времени в творчестве Уильяма Шекспира (к истории научной мысли в елизаветинскую эпоху); Разина Т.В., Володарская Е.А. Образ профессора высшей школы в живописи и его историко-культурная трансформация; Синельнико-

ва Е.Ф. Из центра на периферию: петроградские ученые в Самаре в первые послереволюционные годы; Дьяков Б.Б. Ленинградский физико-технический институт – Кембридж: научная дипломатия в кризисную эпоху (1920–1930-е годы); Каныгин Г.В., Кононова О.В. Прагматическая эпистемология: подходы к выражению неявного знания социальными акторами; Архипова Е.Б., Бородинкина О.И. Проблемы и противоречия цифровой трансформации социальных служб в России; Ушакова С.Е. и др. Российские научные институты: связь структуры персонала и результативности; Плешкевич И.Б. и др. Привлечь и удержать: особенности кадровой политики ведущих российских университетов (кейс ДВФУ); Михайлов О.В. Новый библиометрический показатель публикационной активности на основе квартильной систематики научных журналов; Очеретяный К.А. Социальная теория автоматов: к проблеме технологического бессознательного.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(2021)

№ 6. Биссон Л.С., Лункин Р.Н. Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС; Белов В.Б. Партийно-политические и социально-экономические последствия выборов в германский Бундестаг; Логинов Д.М. Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле; Шипилов А.В. Труд и отношение к нему: до и после модерна; Солянова М.В. Пандемия COVID-19: ключевые факторы развития политики Канады в социальной сфере; Гудев П.А. Проблемы Системы Договора об Антарктике (политико-правовые аспекты); Сунгуров А.Ю. Общественная палата РФ: возникновение и этапы развития; Ильинская С.Г. «Цивилизация» как локальный феномен: начальный этап теоретического осмысления; Поливач А.П. Методология количественной оценки морского потенциала различных стран; Блануца В.И. Интеллектуальный анализ данных в общественно-географических исследованиях.

LABORATORIUM: ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(2021. Т. 13)

№ 3. Гоманюк Н. Конструирование понятий «Таврида» и «Таврия» в Украине и России; Куртин Е. Согревающая разминка: коллективный труд социальности в белорусских фитнес-клубах; Новкунская А. и др. «Социологи в белом»: конструирование профессиональной позиции в медицинском поле; Атанова С. Гендеризируя национальный брендинг Кыргызстана: «Курманжан Датка. Королева гор»; Сорока Ю., Савченко А. Социальный театр в кризисные времена в Украине: социологическая перспектива (на материалах Харькова); Ойво Т. Исключающее гражданство-членство? Значения финско-российских связей и принадлежности; Коллишоу Дж. Возвращение Романовых: переосмысление Романовых в исторических парках «Россия – моя история».

ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (INTER)

(2021. Т. 13)

№ 4. Сэлф Б., Рязанцев А.П. Как провести интервью во время и после пандемии COVID-19; Хлевнюк Д.О., Максимова А.С. Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях; Честных Ю.С. Образовательно-профессиональные траектории женщин-руководителей; Сокол А.В. Дискурс первой романтической любви: гендерные сценарии; Старцев С.В. и др. «Кристалльная Стена плача» Марины Абрамович: аналитическая дискуссия; Климов И.А. Интер-энциклопедия: когнитивное интервью.

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

(2021)

- № 2.** Малахов В.С. Национализм: ускользающий объект; Зыгмонт А. Национальное мученичество в эпоху Французской революции XVIII века: опыт социологического анализа; Тесля А. Революционная версия русского национального исторического нарратива: «О развитии революционных идей в России» А.И. Герцена; Умланд А. Постсоветский украинский правый радикализм в сравнительной перспективе; Касьянов Г. Украина как «национализирующее(ся) государство»: обзор практик и результатов; Юсупова Г., Озерова К. Культурные этнические инициативы и (де)политизация этничности в России; Виммер А., Глик Шиллер Н. Методологический национализм и за его пределами: националстроительство, миграция и общественные науки.
- № 3.** Куренной В.А. Лабораторная и полевая наука: онтология и эпистемология; Картавцев В.В. Быстрая этнография (REAPFQI+): к прагматике полевых обследований; Стародубровская И.В. Исследование закрытых сообществ: заметки о чужом и собственном опыте; Пинчук О.В. Как возможно этнографическое исследование труда в России? Демаргинализация этнографии в поле прикладного исследования; Бисенова А. Поле и жизнь: размышления «укорененного» антрополога; Сувалко А., Фигура М. Уроборос и другие экстерналинные эффекты полевой научной инфраструктуры; Березина Е. Осел Гумбольдта: транспорт, транспортные сети и инфраструктуры как фактор полевых исследований; Лайус Ю. Полевая наука на море: история морских биологических станций; Космарский А. Между Индианой Джонсом и врачом без границ: к проблематизации поля в современной лингвистике; Погорелов М. Полевые исследования в раннесоветской криминологии (1920-е годы); Гейсслер П.В., Келли Э.Х. Дом науки: жизнь и времена тропических и полярных полевых станций.

ЖУРНАЛ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СОЦИОЛОГИЯ (МИНСК)

(2021)

- № 4.** Ротман Д.Г., Данилов А.Н. Четверть века – роковая дата в судьбе университетской социологии (интервью с Д.Г. Ротманом); Кучко Е.Е., Урбан Д.О. Генезис теоретических оснований использования триангуляции в социологических исследованиях; Щербин В.К. Методы моделирования социально-экономических явлений – метод построения многократных спиралей и мультимодальный анализ; Подлесная М.А. Философия народничества в работе социолога: памяти Ирины Альбертовны Халий (1950–2020); Шимов В.В. Цивилизационный подход в России и его историческая эволюция; Антонович И.И. Столетие Коммунистической партии Китая и перспектива социализма с китайской спецификой; Кавецкий С.Т. Может ли аноμία быть нормальной?; Иванов И.Ю., Косарецкий С.Г. Неравенство возможностей детей во внешкольном образовании в постсоветских странах; Яковлева И.А. Постсоветские тренды развития дополнительного образования детей и молодежи: белорусский кейс; Нарбут Н.П., Троцук И.В. Счастье и его детерминанты в представлении россиян: результаты опроса; Бельский А.М. Модели потребления контента новых медиа населением Беларуси: теоретико-методологический аспект построения; Шейнов В.П., Девицын А.С. Факторная структура опросника асертивности.

Подготовила А. ГОВОРОВА

INTERNATIONAL SOCIOLOGY

(2021. Т. 36)

- № 5.** *Личжунси.* От географического плюрализма к плюрализму дискурса; *Линь Фенцань и др.* Краткая история «индигенизации» социологии в послевоенном Тайване; *Пак Менкю.* Три типа индигенизации в развитии корейской социологии; *Эйиджи Огума.* Социология японцев, сделанная японцами для японцев. Краткая история непреднамеренной индигенизации социологии в Японии; *Терборн Й.* Знание и власть: социальная наука и социальный мир.
- № 6.** *Алам М.* Гистерезис экоктивистов как движущая сила для принятия мер против приватизации городских лесов в Бандунге, Индонезия; *Танигучи Х.* Национальная идентичность, космополитизм и отношение к иммигрантам; *Говун Юнг.* Транснациональная логика благодарности: рассказы брачных мигрантов об удовлетворенности браком в Южной Корее; *Чоудхури С.К. и др.* Многоголосие беженцев: кейс-стади о беженцах рохинджа в Бангладеш; *Пекун А., Валентайн Дж.* Нарративы, формирующие поколение, и реакции на многообразие в Польше; *Лакомый М.* Различия в социальном участии пожилых людей в разных режимах социального обеспечения: 14-летний обзор по данным опроса о состоянии здоровья, старении и выходе на пенсию в Европе (SHARE).

(2022. Т. 37)

- № 1.** *Коул У.М.* Диалектика универсализма и специфики: мировое общество, религиозные традиции и политическая представленность женщин, 1960–2013; *Федае С.* Политика союза в марше фермеров к парламенту в Индии; *Шаоши Сю и др.* Влияние участия фермеров в туризме на устойчивость уровня жизни в приграничных туристических районах; *Николаенко О.* «Я устала бояться»: эмоции и участие в протестах в Беларуси; *Валеева Д. и др.* Натоптанные тропы в транснациональную корпоративную элиту; *Хватик В. и др.* Инклюзивная маскулинность и молодежь Чехии; *Обугене Г.У. и др.* Захват земель и сопротивление местных землевладельцев в Ибадане, Нигерия.

CURRENT SOCIOLOGY

(2022. Т. 70)

- № 1.** *Домингес Х.М.* От глобального риска к глобальной угрозе: возможности государства и модернизм во времена коронавируса; *Гэбб Дж.* Работа над отношениями сексуальной близости в долгосрочных гетеросексуальных и ЛГБТК-партнерствах; *Хербст-Деби А. и др.* Матери палестинцев в Израиле: может ли социальная программа увеличить их социальный капитал?; *Кук Э.А., Воклейт С.* Гендерные объекты и гендерные пространства: невидимость преступлений с использованием ножа; *МакКлюр О. и др.* Поименовать себя в социальном зеркале: исследование с использованием виньеток; *Мори О.* Акцентированные темпоральности: временные границы в повседневной жизни студентов-мигрантов; *Роча З.Л.* Прошлые и нынешние течения социологии: к 70-летию журнала «Current Sociology».

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2021. Т. 86)

- № 6.** *Пассаретта Дж., Скопек Я.* Уменьшает ли школа социально-экономическое неравенство в начале карьеры?; *Пареньяс Р.С.* Дисциплина и расширение прав и возможностей: государственное управление работниками-мигрантами; *Ользак С.* Важен ли протест против полицейского насилия? Свидетельства по городам США, 1990–2019; *Уилмерс Н., Эппли К.* Общее преимущество: новая организационная динамика неравенства в опла-

те труда; *Паролин З.Дж., Горник Дж.* Пути к инклюзивному росту дохода: сравнительная декомпозиция национальных профилей роста; *Хайбергер Р. и др.* Грани специализации и ее связь с карьерным успехом: опыт анализа социологии США, 1980–2015.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2021. Т. 37)

№ 6. *Вайксельбаумер Д., Шустер Ю.* Влияние фото и по-местному звучащего имени на дискриминацию этнических меньшинств в Австрии. Полевой эксперимент; *Паничелла Н. и др.* Миграция, классовое достижение и социальная мобильность: опыт анализа социально-экономической интеграции в Италии; *Кишфалуси Д. и др.* Оценки в начальных школах в Венгрии: механизмы этнической дискриминации учеников-цыган; *Кронеберг К. и др.* Когда этничность и гендер выравнивают: состав класса, сегрегация в дружбе и коллективные идентичности в школах Европы; *Вестерман Ю.* Последствия профессиональной мобильности для последующего обучения на рабочем месте; *Бургер К.* Агентность в образовательных траекториях: данные по одной стратифицированной системе; *Шиндлер Ш., Биттман Ф.* Отвлечение или инклюзия? Альтернативные пути получения высшего образования и неравенство образовательных достижений в Германии; *Кратц Ф.* Меняются ли соображения об иммиграции после подросткового возраста? Как образование и критические жизненные события влияют на соображения об иммиграции; *Азоллини Л.* Негативные последствия безработицы для электорального участия: отказ и мобилизация в европейских обществах; *Вилл П. и др.* Интеграция детей-беженцев: исследовательский потенциал проекта «Беженцы в образовательной системе Германии».

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2022 No. 3

CONTENTS

THEORY. METHODOLOGY

- 3 MASLOVSKIY M.V. Contemporary Civilizational Analysis in Historical Sociology: Problems and Prospects
13 VOLKOV Yu.G. Social and Cultural Traumas of the Contemporary Russian Society

HISTORICAL SOCIOLOGY

- 24 Russia: From the Past to the Future (round table on the book by B.N. Mironov)
40 MIRONOV B.N. Facts are Sacred, Opinions are Free
47 ROMANOVSKIY N.V. About the Meanings of Discussing B. Mironov's Book

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 52 BURKO V.A., WASSERMAN Y.M. Modernization Syndrome and Trust: Interrelation in the Aspect of Intergenerational Characteristics
64 SAROVIC R., CERANIC G., ZIVKOVIC P., KRIVOKAPIC N. Trust in Social Institutions as an Indicator of Socio-Political Changes in Montenegro

SOCIOLOGY OF PROFESSIONS

- 74 BALATSYUK E.S., GLADCHENKO E.A. Professional Identity of Craft Teachers in the Field of Informal Education in St. Petersburg
83 MANSUROV V.A., SEMENOVA A.V. The Image of the Modern Russian Engineer: a Content Analysis of Academic Publications

SOCIOLOGY OF CULTURE

- 90 BALCHINDORZHIEVA O.B., ZOLKHOEVA M.V. Digital Culture vs Cultural Originality? (from the experience of preserving Chinese cultural identity)
98 MATLIN M.G. Memorization of Places of Death in Road Accidents in the Focus of Public Opinion

SOCIOLOGY OF RELIGION

- 107 DANILOV A.N., SHKUROVA E.V. Transformation of Religiousness in the Republic of Belarus: Stages and Features of Development
120 SITNIKOV A.V., ROMANOV M.V., FASKHUDINOV R.R. National and Religious Identities: Experience of Interconnection Analysis (on the Example of Research in the Republic of Tatarstan)

DISCUSSION. POLEMICS

- 135 MARTIANOV V.S. COVID-19 and Redesign of the Late Modern Society

ACADEMIC EVENTS

- 147 SKVORTSOV N.G., ASOCHAKOV Yu.V. Sociologist: Education and Professional Trajectories

150	RYAZANTSEV S.V., KHRAMOVA M.N. New Migration Reality in the Era of COVID-19
153	GRUDINA T.N. Socio-Demographic Dynamics of the Population and Sustainable Development
156	BOOK REVIEWS (reviewed are books: Soeters J. Sociology and Military Studies Classical and Current Foundations. Moscow: VCIOM, 2021. (Electronic edition). Reviewed by A.F. Fedorov ; Šubrt J. The Sociology of Time: A Critical Overview. Cham: Palgrave Macmillan / Springer, 2021. Reviewed by I. Šulc)
164	BOOKS IN BRIEF
166	JOURNALS' GUIDE
175	CONTENTS
	NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)
	IN THE NEXT ISSUES (back cover)